

Юрий Николаевич Супоня

**ЮЖНЫЕ
РАССКАЗЫ**

Ульяновск

2015

УДК 82.882

ББК 84Р7-4

С 90

Супоня Ю. Н.

Южные рассказы / Ю. Н. Супоня. – Ульяновск, 2015. – 140 с.

Эта книга написана о медиках: студентах, преподавателях, медсёстрах, врачах. В ней вы не найдёте рекомендаций по диагностике и лечению. Здесь говорится о любви и ненависти, о дружбе и предательстве, словом о том, что роднит нас, медиков, со всем остальным человечеством.

УДК 82.882
ББК 84Р7-4

© Супоня Ю. Н., 2015.:

МЕСТЬ ПО-ОДЕССКИ

- Топ-топ-топ-топ. Дз-з-з-зынь!
- Шлёп-шлёп-щлёп-шлёп. Клац-клац!
- Здравствуйте!
- Здравствуйте?
- Собирайтесь!
- Куда собираться?
- Не понял!
- Это я не понял!
- Это улица Пастера?
- Так точно!
- Дом два, а квартира шесть?
- Вот именно!
- И Вы Петренко Павел Иванович?
- Или!
- Тогда собирайтесь – понос лечить!
- А у мене – запор.
- Кто Вам сказал?
- А хто мене должен говорить? Хто из нас Петренко Павел Иванович? Или Вы? Нет, это я – Петренко Павел Иванович. И, молодой человек, я был Петренко Павлом Ивановичем, когда ещё Вашего папы не было в проекте.
- Так шо, Вы хочите сказать, шо, если ты такой старый, то твоя ж... не может про...ться? Короче, мне некогда ля-ля, у мене обед скоро. Собирайтесь в больницу, и нечего тут людей холерой зараживать! Нам сигнализировали, шо у Вас понос.
- А шо, это я зараживаю?
- Или я?
- Это Гоц зараживает!
- Какой ещё Гоц, не знаю никакого Гоца!
- Зато я знаю Гоца! Или мне не знать Гоца? Да мы с ним ещё до войны в детском садике в один горшок писяли. Гоц - это той поц, какой Вам сигнализировал. Когда он вчера на работе мимо мене четвёртый раз в туалет шёл, я ему сказал: «Слушайте, Гоц,

когда следующий раз захочите какать, не ходите тут в туалет, а езжайте прямо в инфекционную больницу, там тоже есть туалеты, а то если ты тут умрёшь от холеры, никто на венки собирать не будет: из-за тебе, гада, весь отдел премии лишили в прошлом квартале».

- А у мене на Гоца никакого сигнала нет.

- А я шо, Вам не сигнализировал сейчас?

- Надо сигнализировать по правилам: надо звонить в СЭС, они пришлют разнарядку, и мы заберём Вашего Гоца, но всё это будет после обеда.

- Как после обеда? А этот поц будет тем временем советских людей холерой зараживать? И всё из-за Вашего обеда? Да покушайте Вы в пельменной на Тираспольской. Там есть и уксус, и сметана, и шо Вы хотите.

- А я Вам отвечаю: у мене – язва, и я кушаю только дома. А до дома время ещё нужно, чтобы добраться.

- Ну, нате Вам рубль на такси, доедете до дома.

- Как рубль? А назад ехать?

- Так, сколько?

- За три рубля я ещё и маслица себе куплю на бутерброд.

- Пхе, Вы видели этого фраера? Может тебе ещё и на белые тапочки дать? Слушайте сюда. Вот Вам два рубля. А как не хотите за два рубля, то за так Гоца после обеда повезёте. А я ещё и на тебе сигнализирую.

- Два, так два. Ладно, не фыркай чайником! Какой там адрес у Вашего Гоца? Да, собирайте вещички, только много не берите, всё равно через шесть дней отпустят.

- Так бы и давно. Я сейчас, я быстро. Записывайте! Гоц Пантелеймон Наумович, улица Франца Меринга...

- Ну шо, поехали?

- Поехали!

- Клац-клац! Топ-топ-топ-топ! Грюк! Топ-топ-топ!

- Хлоп! З-з-з-з, ж-ж-ж-ж!

- Вы читали?

- Читал!

- И шо он пишет, холера в Одессе была? Когда это было?

- А когда это могло быть? Я таки этого не помню. Может и было за царя Гороха. А как это может помнить автор?

- А давайте и спросим у автора.

- Давайте!

- Алё, автор?

- Я Вас слушаю!

- Таки в Одессе была холера?

- Была!

- И шо, одесситы стучали, чтобы упрятать друг друга в инфекционную больницу?

- Было!

- И когда это было? Вы ж не можете этого помнить, Вас на свете не было или, в лучшем случае, Вы под стол пешком ходили.

- Да нет, это было в 1971 году. А под стол пешком я уже не ходил. Я тогда был уже такого же роста, как и сейчас. Просто я хорошо сохранился.

- А было точно так, как Вы пишете? Это было на улице Пастера?

- Земляки, всё-таки это было давно... А точно ли так было или не точно так, или совсем не так. Кто это может помнить? Разве что голубое одесское небо, платаны напротив, да старики, которые сидят на лавочках на Соборке. Главное, что это было и было в Одессе, потому что мы, одесситы, – это такой народ, что из каждого события, пусть и совсем не весёлого, готовы устроить шоу. Всего хорошего!

ЛОПУХНУЛСЯ

После окончания школы Костя отправился в красивый город на юге, полный соблазнов. Экзамены Михеев провалил и загремел в армию. Но через два года он, возмужавший и поумневший, вернулся опять в тот же город.

Было начало июня. Большинство потенциальных абитуриентов ещё чесало затылок, а Костя уже стоял перед дверями приёмной комиссии медицинского института.

Он вошёл и огляделся. В большой комнате за столом сидели два странных парня и играли в шахматы. Наконец Костя был замечен.

- Здравствуйте, – сказал Коротышка. – Садитесь, пожалуйста. Поступаете?

- Угадал.

- Так, давайте Ваши документы.

Костя с усмешкой посмотрел на важничающего парня. «Поучился пару лет и уже нос задирает», – подумал он.

- У Вас нет комсомольской характеристики, – закончив просмотр документов, сказал парень.

- Нам с комсомолом хорошо друг без друга, – ляпнул Костя первое попавшееся в голову. Ну не объяснять же этим парням, что просто потерял злосчастную характеристику!

- У Вас есть родители? – продолжил допрос парень.

- Имеются.

- Передайте им, что они Вас плохо воспитали.

- Да пошёл ты! – тихо сказал Костя и громче добавил. – Имею право поступать и без комсомола.

Другой парень, которого Костя назвал про себя Сморщенным, бросил пронзительный взгляд на Костю. Почудилось ему или этот нахальный абитуриент вправду сказал: «пошёл ты», но переспрашивать не стал.

Начались экзамены. Дошло дело до сочинения. Шпаргалки Костей были заготовлены заранее в большом количестве, причём не в виде готовых текстов, но в виде цитат. Литературу Костя знал и любил. Но цитаты всегда затрудняли его. Ошибёшься в запятой

или тире, которые сам автор ставил, Бог знает, по каким правилам, и пиши - пропало. Огромное количество цитат Михеев мастерски расположил во всех карманах, пришил к носовому платку, прикрепил к обратной стороне галстука, к ремешку часов; в рукавах пиджака висели книжечки на резинках.

Едва открылась дверь в аудиторию, Костя в числе первых бросился к лучшим местам.

Скамьи в аудитории расположены амфитеатром: задние возвышались над передними. Нужно сесть посередине задней скамьи: тогда сзади тебя не увидят. С левого бока Костю прикрывал здоровенный сержант-пограничник, с которым Михеев успел подружиться, а с правого – немалых размеров красавица.

Свободная тема устраивала: что-то там о героизме. Костя мигом взялся за ручку. Шпаргалки не понадобятся.

Трое церберов прогуливались по широким проходам, зорко высматривая потенциального нарушителя.

Сержант слева + красавица справа сильно потели – им никак не удавалось достать шпаргалки.

- Что делать? – шёпотом спросил сержант.

- Попросись в туалет, – посоветовал Костя.

Сержант вернулся удовлетворённым.

Костя, задолго до звонка начисто переписавший своё сочинение, успел помочь своим соседям в исправлении грамматических ошибок.

На другой день возле списков двоечников, не допущенных к продолжению экзаменов, толпился народ. Костя вытянул голову, покачиваясь от толчков, производимых продирающимися к стенду абитуриентами, и не нашёл себя среди неудачников. Кто-то тронул его за плечо. Костя оглянулся. Перед ним стоял Коротышка.

- Четыре, – промолвил тот.

- Спасибо, – вежливо ответил Костя.

Оставшиеся два экзамена Костя сдал тоже на четвёрки. В институт Михеев поступил.

И начался бег неповторимой студенческой жизни! Мчались дни, бежали недели, шли месяцы; одна кафедра сменялась другой, мелькали лица преподавателей.

Однажды Костина группа с шумом ввалилась на кафедру микробиологии. Старинное здание. По этим гулким коридорам ходил сам Пирогов. Мечников открывал здесь первую в России пастеровскую станцию. Но студенты за долгие месяцы учёбы уже привыкли к именам великих и никак не реагировали на бородатые портреты под потолком – их занимали проблемы сегодняшнего дня.

Маляка жевал, и его щёки были набиты как у хомяка. Нинуца что-то вязала. Гольцев и Зайцев напевали одесские песни. Михеев и Смирнов наперебой рассказывали анекдоты, а Люська Пустовалова смеялась над ними больше всех.

Михеев стоял спиной к двери аудитории и рассказывал очередной анекдот, размахивая при этом руками. Размахнувшись в который раз, он задел кого-то рукой. Повернувшись, Костя увидел старого знакомого – парня из приёмной комиссии. Тот был в халате и с папкой под мышкой.

- Кто у вас староста? Успокойте их, – серьёзно сказал Коротышка.

- Всегда пожалуйста, – сказала Зюнзя, оценивающе взглянув на Коротышку.

Порядок был восстановлен в несколько секунд. Коротышка решительно направился к преподавательскому столу.

- Давайте знакомиться, – важно заявил он. Я доцент кафедры микробиологии, зовут меня Павел Павлович Протченко.

У Михеева отвисла челюсть и находилась в таком положении, пока перекличка не дошла до него.

- Михеев Константин Константинович.

- Я!

- Можете не вставать, мы с Вами хорошо знакомы.

...Никогда Михеев не учился ещё столь ревностно, как на кафедре микробиологии, но каждый раз, когда ему доводилось отвечать на семинаре, Пашка-микроб, как любовно окрестили Пал Палыча студенты, сажал Михеева в лужу.

Сосед по комнате, старшекурсник и р.....й Митя Варварский, выслушав жалобы Михеева, категорически отверг пристрастность «микроба».

- У них там вся кафедра долбанутая, они всех дерут, знания выколачивают. Подумаешь Пашка-микроб! Вот вы Агар-агара не нюхали.

- А кто такой этот Агар-агар?

- Эдгар Эдуардович, рыжий такой, тощий ассистент.

Сердце у Кости ёкнуло от радости, что не Агар-агар брал у него тогда документы в приёмной.

Экзамен по микробиологии Михеев сдал на четвёрку, хотя за небывалый для подготовки к экзаменам срок, 18 дней, он выучил наизусть всё, даже как приготовить тот самый агар-агар (среду для выращивания микробов).

... Огромная очередь выстроилась у кассы кинотеатра. Все стремились попасть на только что выпущенный в прокат американский боевик «Золото Макены». Народ волновался, кто-то хотел влезть без очереди, и его выталкивали два дюжих милиционера. Счастливый Костя отвалил от окошка кассы, размахивая двумя билетами.

- Первый ряд, второе и третье место, – заявил он Валику Рыбаку, соседу по комнате, который уже досасывал четвёртую бутылку пива.

Окошко кассы захлопнулось, появилась вывеска «Билетов нет». Недовольно гудя, очередь расходилась. Спешившие к кассе граждане, увидев вывеску, в досаде махали руками и печально отходили прочь.

Вдруг Михеев сорвался с места и бросился за одним из них. Ошарашенный Валик следил за тем, как Костя, размахивая руками, что-то доказывал этому гражданину. Затем Костя сунул ему билеты и вернулся к Валику, который лишился дара речи.

- Т-ты чего? – наконец пробормотал Валик, поражённый небывалым альтруизмом Кости.

- А это, Валюша, Пашка-микроб, доцент с кафедры микробиологии, я перед ним в приёмной комиссии лопухнулся. И я всё время мучился, не зная, понял он или нет, что я его тогда послал. Билеты отдал и вроде легче на душе стало.

Если тебе захочется послать подальше лохматого парня в свитере с протёртыми руками, который попросил тебя не швырять окурки на пол; или захочется закадрить классную чувиху, которая вышла из роскошного автомобиля, смотри не лопухнись, ведь он может оказаться твоим будущим деканом, а она – заведующей кафедрой!

МАЛЬЧИШКА

До начала первой пары по анатомии оставалось десять минут. Ничего не происходило, и было скучно. Костя встал и посмотрел в окно. Но и там ничего интересного тоже не происходило. Тоска, одним словом.

...Из ниоткуда перед ним возникла девица. Ноги от ушей, мини-юбка, прозрачный медицинский халат, полупрозрачная блузка. Оч-чень сексапильная, однако. Костя нервно облизнулся.

- Вы из пятой группы? – неожиданно приятным голосом спросила девица.

- Д-да, - с трудом произнёс Костя.

- А кто у вас староста?

- Й-йя, студент Михеев.

- Я у вас буду вести практические занятия, я ассистент кафедры анатомии Миронова Ольга Ивановна. А Ваше имя-отчество?

- У Кости сердце бешено застучало. Он опять нервно облизнулся.

- К-константин Константинович.

- Константин Константинович, пожалуйста, на каждое занятие назначайте дежурного, чтобы приносил препараты из лаборантской. Кто у Вас сегодня будет дежурным, пусть идёт со мной.

- Моя очередь, Михей! – тут же подскочил Титов. И на него Ольга Ивановна тоже произвела впечатление.

- Витенька, – притворно-ласково обратился к нему Костя, – твоя очередь была вчера.

Сказал и тут же показал ему из-за спины кулак. И, уже к Мироновой:

- Я – дежурный, Ольга Ивановна.

- Ну что ж, идёте, Константин Константинович! – сказала Миронова. Она, конечно же, всё поняла.

Костя, блаженствуя, пошёл с ней рядом. Он шёл и косился на Миронову. Сексапильные женщины всегда производили на

него неизгладимое впечатление. Причём не важно, были они ему доступны или нет.

«Вот бы такую затащить в постель, – размечтался Костя. – А впрочем, дурень думкою багатіе. Зачем ей студент, если у неё есть доценты и профессора. С другой стороны, некоторые и на молодых западают... Судя по кольцу, муж у неё есть, и это осложняет дело. В любом случае с таким ассистентом приятнее иметь дело, чем со стариканом с жёлтыми зубами и прокуренными пальцами...».

Предавшись мечтаниям, он перестал замечать всё вокруг. Ольга Ивановна вернула его к действительности:

- Константин Константинович, Вы мне наступили на ногу.

Костя густо покраснел.

- Извините, Ольга Ивановна, Вам больно?

Он готов был подхватить её на руки и нести так хоть до дома.

- Не очень, но впредь будьте осторожней!

Они миновали анатомический зал и дошли до лаборантской, где сидел как раз такой тип, которого не хотел видеть Михеев в качестве преподавателя.

- А, Олечка Ивановна, любите Вы меня, сами ко мне пожаловали! – сказал гнусный тип и хлопнул Ольгу по бедру. – И я Вас люблю!

Фёдор Петрович! – очень рассерженным тоном воскликнула Миронова, отодвигаясь подальше от старикашки. – Любить меня не нужно, достаточно просто уважать. Я только показала студенту дорогу.

- А то бы он не нашёл. Ну, давай парень, свой студенческий билет! На тебе твою руку.

И он подал Косте поднос с костями руки.

- Всё Константин Константинович, можете идти, – сказала Миронова, увидев, что тот замешкался.

Костя поставил поднос на стол, за которым сидела его группа.

- Бр-р, жуть! – сказала Ольга Чуланская.

- И это было когда-то человеком, – произнесла Наташа Киселёва.

Титов схватил с подноса кисть, поднёс её к спине Чуланской.

- Давай почешу.

- Ай! Титов, ты дурак! – и Ольга стукнула его увесистым томом анатомического атласа по голове.

- Товарищи студенты, может, начнём занятия? – раздался насмешливый голос. Миронова улыбнулась. – Константин Константинович, напишите список группы в алфавитном порядке разборчивым почерком и с ударениями. У Вас разборчивый почерк?

- Конечно, Ольга Ивановна! – соврал Костя.

- Ну ладно, пока староста будет писать, поговорим немного о костной системе ...

На сей раз Михеев превзошёл сам себя. Чтобы не испортить дело своим отвратительным почерком, Костя всё написал печатными буквами.

- Вот теперь давайте познакомимся. Кого назову, вставляйте. Любовь Ивановна Казакова?

- Здесь.

- Наталья Витальевна Киселёва?

- Здесь.

- Юрий Константинович Маляка?

- Здесь.

- Константин Константинович, Вы можете не вставать, мы с Вами уже знакомы.

И хорошо, что Косте позволено было не вставать, потому что встать ему было трудно из-за тесных брюк и эрекции. Костя сидел ближе всех к Ольге Ивановне и, впиваясь в неё глазами, обшаривал каждый квадратный сантиметр её тела, особо останавливаясь на интимных местах. Её вопросы и ответы студентов до него плохо доходили. Когда она к нему обращалась, он отвечал невпопад.

Миронова смущалась, но пыталась вести занятия, как ни в чём не бывало.

- Ну, баба! – толкнув Костю на перерыве локтем, сказал Титов. – У меня яйца опухли. Как ты сидишь рядом с ней? Пошли, покурим.

- Друг Витя, не сыпь мне соль на раны! Никуда я не пойду, эрекция не позволяет.

- А я всё-таки пойду на воздух. Авось полегчает.

После перерыва попытка сексапильностью продолжалась. И опять все сносно отвечали за исключением Михеева. Кроме него только Витя Титов однажды сморозил глупость, на что ассистентка сказала насмешливым тоном:

- Титов, вы меня убиваете.

Все дружно хохотнули.

Наконец пара закончилась. Миронова стала подводить итоги:

- Казакова, Маляка, Притыцкий, Чуланская – «отлично», Титов – «удовлетворительно», Михеев – «неудовлетворительно», остальные – «хорошо». Все свободны, за исключением старосты.

Михеев сидел, понутив голову. Ольга Ивановна села напротив.

- Константин Константинович, плохо начинаете. Без анатомии нет медицины. Если анатомия Вам неинтересна, может уйти из института?

- Ольга Ивановна, я учил.

- Зачем Вы оправдываетесь как мальчишка? Результат Вашего учения налицо.

- Я отработаю сегодня.

- На отработку попадёте ко мне. На что рассчитываете? На мою мягкотелость? Так у меня её нет.

- На слове «мягкотелость» у Михеева случилась эякуляция, и ему полегчало. Он поднял голову.

- Я успею подучить.

- В перерыве между парами?

- Сейчас у нас физкультура, а у меня справка после ангины, посижу, поучу.

- Вы полностью вылечились? – неожиданно участливо спросила она.

И Костя, удивлённый такой участливостью, откровенно ответил:

- Немножко побаливает при глотании.

- Откройте, пожалуйста, рот.

И он послушно открыл рот.

- Скажите: «А-а-а!»

- А-а-а!

- Небольшая гиперемия дужек зева. Нужно полоскать горло настойкой календулы. Купите в аптеке, – сказала и зашагала в сторону ассистентской, покачивая бёдрами.

Как замороженный несколько секунд смотрел он ей вслед. Затем громко сказал вдогонку:

- Спасибо, Ольга Ивановна!

- Пожалуйста! – сказала, повернувшись влоборота и, улыбнувшись, зашагала дальше.

Михеев вздохнул, поплёлся на улицу, плюхнулся на скамейку и просидел целую пару бесцельно, разглядывая голубей и собак, занимавшихся своими делами совсем близко. Учить он ничего и не собирался, поскольку всё великолепно выучил ещё вчера.

На отработке народу было мало. Михеев пропустил всех вперёд, всё блестяще рассказал, получил заслуженную пятёрку и удалился, сопровождаемый сочувственным взглядом Мироновой.

А затем были обычные серые вторник и среда – без анатомии, без Мироновой, без двоек и без отработок.

Наступил четверг. И опять – анатомия, и опять – пытка сексапильностью, опять двойка, и опять Титов чудил и опять услышал:

- Титов, Вы меня убиваете!

Отрабатывать Михеев пошёл не в ближайший день отработок (принимал отработки другой ассистент), а снова в день, когда царила Миронова.

И снова на отработке Костя галантно всех пропустил, отвечал там уверенно и получил, конечно же, пять.

И на третьем занятии всё шло по накатанной дороге.

- Не валяй дурака, Костя, – сказал ему на перемене армейский друг Боря Притыцкий.

- Не твоё дело!

- Раз я твой друг, это и моё дело! Не смущай женщину! Я же вижу, что сорвётся скоро.

- Слушай, а тебя она не притягивает? Вижу же, что и ты на неё посматриваешь.

- Все парни посматривают, но не пялятся же, как ты! Это уже смешно становится. По-товарищески тебя прошу, успокойся.

- Извини, я постараюсь.

Тем не менее, пара продолжалась в том же духе. И опять Титов, плохо учивший анатомию и пытавшийся выехать на общей эрудиции, услышал:

- Титов, Вы меня убиваете!

Титов решил схохмить и сказал в пику ей:

- Ох, и живучая Вы, Ольга Ивановна! Я Вас убиваю, убиваю и никак не могу убить!

Никто юмора не оценил. Повисла гнетущая тишина. У Мироновой на глаза навернулись слёзы.

К Титову пододвинули две записки:

1. От Притыцкого: «Хватит паясничать, Витя, извинись!»

2. От Михеева: «Извинись, клоун, а то получишь!»

Миронова пыталась продолжить, невзирая на этот инцидент, но у неё плохо получалось.

На этот раз двойку получил и Титов.

- Мстите! – зло бросил он Мироновой.

Она вспыхнула и убежала в ассистентскую.

После пары его обступила вся группа. Крики выступившей первой Мегердичевой решительно прервал Притыцкий:

- Девчонки, мы сами разберёмся! Это мужские дела! Пошли парни на улицу!

И четвёрка вышла на улицу. Титов первым пошёл в словесную атаку на Михеева.

- Это от кого Витя-каратист получит?

- От Кости-боксёра!

- Стукнемся?

- А давай!

- Ребята, ребята! С ума что ли сошли? – воскликнул Притыцкий.

- Козлы оба! – заметил Маляка.

- Что-о-о? – удивлённо и грозно спросили почти в один голос Титов и Михеев.

- Чего бабу преследуете?

- Я её преследую? – возмутился Титов. – Это она мне в отместку двойки ставит, б...!

- Ты словами-то не разбрасывайся, – заметил Михеев. – Двойку она тебе поставила за дело: ты бекал и мекал и ни разу правильно не ответил. И с чего ты взял, что она б...?

- Чего так одевается и чего ж... крутит?

- Чтоб Вы знали, юноша! – менторским тоном сказал Маляка. – Б... называется баба, которая спит со многими мужиками, а какая у неё одежда и как ходит – дело второстепенное. Пока нет доказательств, не обзывай человека. А ты, КаКа Михеев, чего козлишь? Чего придуриваешься, будто ничего не знаешь, чего всё время к ней на отработку бегаешь? На что надеешься?

- Не могу, ребята, само получается. Посмотрю, и такое возбуждение...

- Пей бром или валерьянку или найди себе свободную бабу и трахай её сколько угодно, тогда и возбуждение пройдет, и мешать не будешь учебному процессу. Хочешь, чтобы вместо неё Мезенцева или Плотникова поставили? Нет, отвлекаясь от эмоций, разве я не прав?

- Прав, – скрипя сердцем, согласился Михеев.

- Витя?

- Чтоб я с мужиками из-за бабы ссорился? Вот пойду сейчас и извинюсь, но не потому, что Михея боюсь, а, действительно, плохо учил и сейчас не пойду на физкультуру, а подучу и сдам.

- А справка у тебя есть, чтобы физкультуру прогуливать?

- Не бойся, староста, на вот, смотри.

- Нефроптоз, – прочитал Михеев. – А что это такое?

- Темнота! А ещё на врача учишься! Это опущение почки при физической нагрузке. При этом боли бывают и кровь в моче.

-Ладно, парни, разошлись! – подвёл итог Борис Притыцкий.

Титов сдержал своё слово, отправился извиняться. А в четыре часа дня он уже сидел рядом с Костей на отработке. Сели они дальше всех от места преподавателя. Девчонки отвечали, а Костя с Витей вели неспешную беседу:

- Ну что, извинился?

- Да, извинился. И хочу сказать, что никакая она не б..., а умная девчонка и, между прочим, с чувством юмора. И разве она виновата, что уродилась такой симпатичной, и её преследуют всякие козлы наподобие нас с тобой.

- А причём тут чувство юмора?

- Когда я пришёл в ассистентскую извиняться, там были кроме неё ещё Плотников и Гафт. Я выманил её наружу под предлогом того, что к ней пришли её знакомые, стал на колени и просил у неё прощения, обещал большее не убивать. И спросил: «Мир?» А когда она ответила: «Мир», я рассказал ей анекдот, она рассмеялась, помахала мне рукой и ушла.

- Надеюсь, анекдот был без «картинок»?

- А ты слушай сюда! Абрам Кац с женой Сарой сидят вечером, пьют чай, а Сара к тому же и газету читает, заметка называется «Радость в семействе Кацев»: «Вчера наш земляк А.И. Кац выиграл в лотерею пять тысяч». Были кипиш и гевольт. А на следующий день вечером каждый в своей палате Еврейской больницы на Мясоедовской улице читает газету: «Вчера по вине редакции в нашей газете была допущена ошибка: деньги, но не пять тысяч, а пятьдесят и не в лотерею, а в преферанс не наш земляк А.И. Кац, а другой наш земляк И.А. Цап не выиграл, а проиграл, а в остальном всё правильно!»

- Ха-ха-ха! И что, ей понравилось?

- Выходит.

К действительности их вернул голос Ольги:

- Мальчики, остались только вы! Кто будет первым?

- Уступаю Виктору Петровичу, – поспешно сказал Костя. – Мне на Слободку двадцать минут неспешным шагом, а ему – в Юго-Западный массив с пересадкой почти час пилить.

Витя сел отвечать, получил заслуженную тройку и был таков.

- А Вас, Константин Константинович, я и спрашивать не буду, поставлю сразу пять. Ведь на самом деле Вы всё выучили?

- Да, Ольга Ивановна, выучил.

- Вы ведь пешком ходить любите?

- Не то, чтобы люблю, но хожу.

- Я тоже пешком всегда домой хожу. А сегодня у меня в портфеле книги тяжёлые, не могли бы вы меня проводить и донести мой портфель?

- У Кости на секунду остановилось дыхание, сердце бешено застучало.

- К-конечно, Ольга Ивановна, я Вас провожу.

Константин подхватил её портфель, и они прогулочным шагом пошли в сторону Пересыпи.

- Константин Константинович, – обратилась Ольга к Михееву, – Вы наверно недавно из Армии, заскучали там без женщин.

- Демобилизовался я в конце апреля, прошло четыре с половиной месяца. Скука уже забыта.

- У Вас есть девушка?

- Нет пока.

- Так заведите, а меня оставьте в покое. Вы всё время смотрите на меня, своим взором дырки в моей одежде провертели. А я не только преподаватель, но ещё и женщина. Мне такие взгляды небезразличны. Договорились?

- Ну не знаю. Девушка – не собачка, чтобы её завести. Если встречу кого, может что и получится. А насчёт Вас обещать не могу. Это не то, что я мерзавец такой, нарочно мешаю вам работать. Это помимо воли.

- Что, такая красивая, что взгляд не можете отвести? – сказано было насмешливо.

- Именно так.

- Если я такая красивая, почему другие так не смотрят?

Заметно было, что такой ответ ей понравился.

- Все парни смотрят, просто я сижу рядом, а они далеко, а у Вас близорукость.

Она смутилась.

- Как Вы догадались?

- Просто я наблюдательный. Почему очки не носите?
- Они мне не идут. Что же делать? Я действительно не могу так работать.

- Я перейду в первую подгруппу, и проблема исчезнет.

- Надо уговорить кого-нибудь из первой подгруппы, чтобы перешли на Ваше место. Да и в деканате нужно как-то обосновать переход. И что Вы там скажите? «Ассистент Миронова мешает мне сосредоточиться на учёбе»? А если и перейдёте, то Алле будете мешать работать, она тоже молодая и красивая.

- Она на меня так не действует, как Вы.

- Ну что мне делать? – в отчаянии сказала Ольга. – На работе студенты и преподаватели проходу не дают, в трамвае мужчины прижимаются ко мне своими пенисами – стала вот пешком ходить – и тут бывают проблемы.

- Ольга Ивановна, – философски заметил Михеев. – Вам нужно поправиться хотя бы килограммов на 30, перестать пользоваться макияжем, не носить мини и прозрачную одежду, и никто на Вас внимания обращать не будет.

- Почему я должна подчиняться вашему мужскому эгоизму? Старухой ещё успею стать.

- А почему Вас муж не встречает?

- Он в плавании. Китобойная флотилия «Советская Украина», слышали?

- Так он китобой? Это романтично!

- Нет, он врач этой флотилии. Мы учились в одной группе.

Стал накрапывать мелкий дождик.

- Наконец мы пришли. Вот и мой дом. – И она показала на неприметную хрущёвку. Давайте прощаться.

- Нет, погодите, доведу до самой квартиры, а то мало ли что в подъезде. Я сейчас вот понял, как трудно может приходиться красивой женщине. Обязуюсь сесть в дальний угол, и никто ничего не будет замечать.

Пока Костя произносил свой монолог, мелкий дождик превратился в ливень. Ольга затащила Костю под огромное дерево, где дождь практически не доставал их.

- Так, уже хуже! У вас зонтика нет? Вот и я не взяла. Сейчас я побегу домой, а потом Вы, но не сразу, а минут через пять, чтоб сплетен не было. Первый подъезд, второй этаж, квартира направо. Она не будет заперта. Просто толкнёте дверь и войдёте.

- Зачем? Побегу я назад – не расклеюсь от дождя.

- Не спорьте, у Вас недавно была ангина. Вы хотите, чтобы у Вас ещё и пневмония случилась?

Мгновенно сорвалась она с места и через несколько секунд исчезла в подъезде.

Костя развернулся, чтобы пойти назад.

« Забежать за зонтиком? На кой мне этот зонтик? – подумал он. – Тряхну стариной, вспомню, как в Армии марш-броски делали под дождём».

Пробежать он успел всего несколько метров, и, вспомнив про портфель Ольги, круто развернулся, и вихрем взлетел на второй этаж.

Костя толкнул дверь, осторожно вошёл. Пол рядом с ним тут же стал мокрым. Ольга уже выглядывала из зала. На ней был коротенький халатик. Михеев сглотнул слюну. Она выглядела ещё соблазнительней, чем в институте.

- Вот, Ольга Ивановна, принёс Ваш портфель. И пойду я.

Возмущение на её лице было неподдельным.

- Не видите себя как мальчишка. Портфели ставьте на пол. Я Вас не отпущу. Вы весь мокрый. Идите в ванну, я набрала тёплую воду, приготовила сухую одежду. А Вашу – бросьте в тазик, я потом постираю. И не обращайтесь внимания на лужи на полу. Я всё вытру.

Костя послушался и поплёлся в ванную.

Через десять минут он вышел из ванной. Одежда (наверно это была одежда её мужа) Михееву пришлась впору.

Ольга Ивановна хлопотала у стола, на котором стояла сковородка с яичницей, тарелки с колбасой и салатом из огурцов и помидоров.

- Садитесь за стол, Константин Константинович, подкрепитесь.

- Ольга Ивановна, доставил я вам хлопот сегодня. Мне неловко.

- Бросьте церемонии. Здесь же не ресторанные деликатесы. Не обижайте меня, садитесь.

- Только вместе с Вами.

- Хорошо.

И она села рядом с Костей. За маленьким столиком было тесно, и её плечо касалось его плеча. Они ели и симпатией смотрели друг на друга. Звучала тихая музыка.

- Простите меня за моё глупое поведение.

- Это Джо Дассэн, – задумчиво сказала она.

- Если бы ты не существовала, скажи мне, зачем бы я существовал...

- А есть и стихотворный русский перевод. Вам нравится Джо Дассэн?

- Нравится.

Она налила ему и себе немного красного вина.

- Давайте выпьем по несколько глотков, чтобы простуда не пристала. Скоро и чайник закипит.

- Давайте. А за что?

- Иногда слова не нужны.

Не чокаясь, они выпили.

Джо Дассэн продолжал петь. На этот раз песня была о девушке, которая работает почтальоном и ежедневно разносит письма о любви, но ей самой никто таких писем не пишет. В глазах Ольги он прочёл грусть. Повинуясь минутному порыву, он притянул её к себе. Ольга слабо упёрлась ему своей ладошкой в грудь.

- Не надо, Костя!

Костя легко сломил это слабое сопротивление, притянул её голову к себе, нежно и крепко поцеловал в губы, а потом посадил на колени, запахнул халат и принялся целовать в грудь. Ольга застонала. Костя подхватил Ольгу на руки, понёс в спальню.

- Что ты делаешь?

Не слушая её, он стал снимать с себя брюки.

- У тебя есть презерватив? – покраснев, прошептала она.

- Н-нет.

- Что же ты идёшь на свидание к даме и не имеешь такую
нужную вещь?

- Я не...

- Не оправдывайся как мальчишка! Я сейчас принесу. Да
пусти меня, я согласна, никуда не убегу от тебя!

Всё было закончено под «Песенку велосипедиста». Несколько минут они лежали молча, крепко обняв друг друга.

Наконец она сказала подавленным голосом:

- Мне стыдно.

- Это мне стыдно. Это я пристал. Извините, Ольга Ивановна! Вы же сопротивлялись! Я пойду в общежитие.

Она развеселилась:

- Нет, ты определённо мальчишка! После этого по имени-отчеству не называют. Я виновата, это я делала вид, что сопротивляюсь. Мне очень стыдно, я впервые изменила мужу.

Она заплакала. И сказала сквозь слёзы:

- Но тебя всё равно никуда не пущу. Пойди, выключи газ под чайником, а то вся вода выкипит.

А потом они, завернувшись в одеяло, сидели на постели и пили чай, заедали его бутербродами с маслом и рассказывали друг другу о себе. И снова занимались любовью.

Костя и Оля проснулись практически одновременно, в шесть утра.

Оля улыбнулась и просительно посмотрела Косте в глаза:

- Костя, ты можешь сегодня прогулять?

- Конечно. Сегодня же суббота. У меня первая пара – физкультура, а справка по ангине ещё не кончилась. Вторая пара – лекция по биологии, а третья – по неорганической химии. Если будет проверка, за меня встанет Игорь Бондарев из второй группы.

- А у меня занятий нет, только разделка трупов. Позвоню Поповкину, скажусь больной. Дожилась преподавательница, не просто студентов соблазняет, но комплексно: в постель, да ещё и прогуливать!

- Оль, это я тебя соблазнил!

- Это что, благородство или мужской шовинизм? А в понедельник у тебя что?

- Ура, и в понедельник прогуливаем!

- Не надейся! – и она щёлкнула его по носу. – Я просто помогу тебе подготовиться.

- А ты что помнишь английский, историю КПСС и физику? Сколько лет прошло!

- Это сколько же лет прошло? Между прочим, я не такая уж и старуха. Мне всего-то двадцать шесть, институт окончила три года назад. Была ленинской стипендиаткой.

- Спортсменка, комсомолка и, наконец – красавица!

- А то! К тому же кандидат медицинских наук и член партии!

И она кокетливо склонила голову набок.

Он её тут же поцеловал.

- Оля, да не надо мне помогать. По английскому нам дали задание подготовить устный рассказ «Почему я выбрал профессию врача».

- And why did you choose this way to be a doctor?

- Because I didn't want to be a patient! Что касается физики, нужно составить схему электрической цепи по заданным параметрам. Составлю без проблем. А первоисточники по истории КПСС я скатаю у Бориса Притыцкого. А тему семинара «Первые марксистские организации в России» я помню ещё со времён школы. Я в школе был отличником и даже в городских олимпиадах участвовал.

- У меня поначалу другое впечатление складывалось.

- Оно обманчиво.

Что говорить о субботе и воскресенье? Они прошли в радости и ласках. В шесть вечера Ольга сказала:

- Костя, пора! Я твою одежду выгладила. Одевайся! Я напекла пирожков и положила тебе в портфель, завтра утром поешь.

- Когда всё успела? Я даже не заметил.

- Хорошая хозяйка всё делает так, что трудовой процесс не заметен, а результаты налицо.

- Значит, ты – хорошая хозяйка.

- Муж не жалуется.

- Выходи за меня замуж, и я не буду жаловаться.

Лицо Мироновой сразу стало серьёзным.

- Костя, с утра тебе хотела сказать, да всё тянула, не хотела тебя обижать. Костя, продолжения не будет.

- Потому что я мальчишка?

- Не поэтому. Я его люблю, Костя! То что случилось, случилось, но больше этого не будет. А ты найди себе девушку. А я тебя всегда помнить буду.

- Спасибо, утешила.

И Михеев стал молча переодеваться, не отвечая на ласки и поцелуи.

- Подожди, Костя, я выгляну на лестничную площадку. Всё, можешь идти, а когда спустишься вниз, не маши мне рукой.

- Не буду.

И он, собрав свою волю в кулак, выпорхнул на лестничную площадку и сбегал вниз, насвистывая и напевая арию герцога из оперы «Риголетто»: «Сердце красавицы склонно к измене и перемене, как ветер в мае. Она смеётся, она играет, но изменяю ей первый я», поздоровался со старухами на лавочке и подъезда, свернул за угол и был таков.

- Ада Львовна, и чей же это мальчишка? – донёс ветер слова одной из старух до Ольги, замершей у открытого окна.

- Да наверно это внук мадам Натансон из девятой квартиры, – ответила другая. – Он живёт в Ленинграде и приезжает редко.

Ольга вздохнула и закрыла окно.

До Кости эти слова тоже долетели. «Опять меня за еврея приняли», – подумал он и усмехнулся.

Дни текли чередой, собираясь в недели, недели сливались в месяцы.

Костя отсел теперь на дальний стул, на Миронову почти не смотрел, а занялся соседкой слева, которую тоже звали Ольга.

Однажды на перемене к нему подошла Миронова и ехидным голосом сказала:

- Костя, а можно тебя спросить?

- Спрашивай, Оля!

- Ольга это что, любимое имя?
- Не понял!
- Девушка, коленки которой ты всё время щупаешь, её ведь тоже Ольга зовут?
- Ты же мужа любишь, Оля? Тогда какое тебе дело до меня? Следи за мужем, как бы он тебе рога не наставил, как ты ему.
- А ей ты уже предлагал замуж?
- Да какое тебе дело, отстань! И, не взглянув на Миронову, он вышел из зала.

И опять потекли однообразные дни и недели. С тѣзкой преподавательницы Костя быстро расстался

Однажды была лекция по анатомии.

Лекции по анатомии все считали пустой формальностью, ведь они бывали один раз в две недели, повторяли в очень кратких чертах то, что давно уже проходили на практических занятиях. Студенты воспринимали лекции как неизбежное зло, сидели на них тихо и занимались своими делами.

Костя сидел на предпоследнем ряду, рядом с Валею Кнопой и играл с Витей Булкиным в морской бой. Где-то внизу что-то бубнила лектор, профессор Козырь.

- Е2! – торжественно сказал Михеев.

- Потопил линкор. Всѣ, ты выиграл.

И Булкин сердито отодвинул бумагу.

Валя достала конверт, вытащила из него письмо и подала его Косте.

- Это что такое? – спросил Костя.

- Это письмо моего друга из Польши. Переведи его, пожалуйста.

- Знаешь, с польским у меня не очень. Дай Булкину, он лучше знает или Притыцкому. Делать Булкину всё равно нечего.

- Так и тебе делать нечего.

Булкин ехидно ухмыльнулся:

- Она уже приставала ко мне с этим письмом. Попросил её купить мне бутылку пива, а она не захотела. И ты ей не переводи, потому что она жмотка.

- Костя, а у меня словарь есть.

- Ладно, Валя, давай, – вздохнул Михеев.

И процесс пошёл. Булкину и Кнопе и вовсе стало делать нечего. Они принялись рассматривать голубей, невесть как попавших в анатомическую аудиторию.

Голуби ворковали, отвлекали студентов, наводили их на лирические мысли. Вдруг приличная доза мягкого помёта шлёпнулась на руку Кнопы.

Ай! – непроизвольно вскрикнула Валя.

Профессор Козырь немедленно вскинула голову и увидела словарь на столе перед Костей.

- Молодой человек, вот Вы, тот, что в предпоследнем ряду рядом с девушкой, одетой как попугай.

Аудитория прыснула. Все смотрели на Валю. Михеев и Булкин поднялись.

- Нет, Вы, который поменьше садитесь. А который побольше, как Ваша фамилия?

- Студент Михеев, 5 группа 1 курса педиатрического факультета.

- Вы вместо того, чтобы слушать лекцию, переводите с английского языка. В результате вы не будете знать ни анатомии, ни английского языка.

- Я не с английского перевожу, я...

- Вот нахал! Я же своими глазами вижу.

- Sorry. I am not very fluent in English. But I didn't need such dictionary for translation.

Наступила гнетущая тишина. Староста курса Жорик Полторацкий покрутил пальцем у виска.

- Я не знаю, что Вы там сказали. Но это никакого отношения к анатомии не имеет. Словарь спрячьте, а если ещё нарушения будут, вылетите из аудитории. Всё.

Михеев под сочувствующие взгляды Кнопы и Григоровича тяжело опустился на скамейку. Григорович передал записку, в которой был нарисован большой палец, направленный вверх и одно единственное слово Yes!

Анатомию у них преподавал уже другой преподаватель, ассистент Шубин.

Занятие шло ни шатко, ни валко. Видно было, что он не очень силён в своём предмете.

Откуда ни возьмись рядом с Шубиным оказалась Миронова и что-то зашептала ему на ухо. Тот кивнул головой и сказал:

- Коллега Михеев, подойдите к Ольге Ивановне.

Костя нехотя подошёл.

- Отойдёмте, Константин Константинович.

Они отошли.

- Оля, перестань за мной бегать! Это уже смешно. Так до мужа дойти может. А он устроит разборку не только мне, но и тебе.

Ольга вспыхнула.

- Костя, я только хотела сказать... Не надо ссориться с профессором Козырь, муж у неё – первый секретарь обкома.

- А то я не знаю.

- Она всей кафедре рассказала, как ты на её лекции переводил с английского языка, а потом ещё и спорил.

- Я переводил с польского. Знаю, что ты мне скажешь, что это всё равно и что я мальчишка. Не хочу это слушать.

- Но если ты попадёшь к ней во время экзамена, она может поставить тебе двойку.

- Оля, я постараюсь к ней не попасть. Ты мне не мама и даже не любовница. Отстань.

Круто, как по армейской команде «Кругом!», он развернулся и, печатая шаг, вернулся на место. Грустно вздохнув, Миронова поплелась в ассистентскую.

Когда-нибудь всему приходит конец, даже такому интересному предмету, как анатомия. Вот и день экзамена. Как всегда, Костя сдавал экзамены предпоследним. Он – староста. И он подбадривал своих студентов, давал советы, как отвечать тому или иному преподавателю, как пользоваться шпаргалками. Последним шёл друг Боря, потому что друга Борю подбадривать не нужно: он всегда всё знал.

Принимали экзамен профессора Козырь и Поповкин и ассистент Миронова. Когда подошла Костина очередь, свободными оказались и Миронова и Козырь. Миронова кивком показала, что нужно идти к ней. Костя поднялся, сделал два шага в сторону Ольги, круто повернувшись, прошагал к столу Козырь. На лице Ольги нарисовался такой ужас, что можно было подумать: Костя добровольно идёт на эшафот. Константин зло усмехнулся. Миронова растерянно посмотрела на Притыцкого. Борис только пожал плечами.

Козырь узнала того студента, который с ней так дерзко спорил, и обрушила вопросы, как снежную лавину, на голову бедного студента.

Ольга отчаянно подсказывала, жестами показывая функцию мышц. О сидящем за её столом Борисе Притыцком она забыла.

- Ольга Ивановна, – тихо прошептал Борис, – Козырь заметит, что Вы подсказываете. Делайте вид, что спрашиваете меня.

- Я не хочу, чтобы он получил двойку.

- Он вывернется.

- Всё, Борис Бориславович, получайте свою пятёрку и можете идти.

- Ольга Ивановна, перестаньте!

- Отстаньте от меня!

Борису только и осталось, развести руками и удалиться.

Наконец Козырь заметила телодвижения Мироновой.

- Это Ваш студент? – обратилась она сердито к Мироновой.

- Д-да.

- Надо было учить его хорошо во время семестра, а не подсказывать сейчас.

Ольга промолчала, потом покраснела как рак и тихо сказала:

- Вы придираетесь, он всё правильно отвечал.

- Нахалка, без году неделя работаете, а с профессором спорите!

Ольга выбежала из аудитории, забилась в угол коридора и тихо заплакала.

- Что случилось? – добродушный профессор Поповкин поднял бровь.

- Плохо, дорогой завкафедрой, Вы воспитываете ассистентов, субординацию эта девица не соблюдает, – противно-назидательным голосом промолвила Козырь

- Вот это да! – удивился Поповкин. Да это же образец скромности и тактичности!

Тут Козырь вспомнила, что беседа происходит в присутствии студента, а это нарушение деонтологии и раздражённо схватила зачётку Михеева, быстро нацарапала «удовлетворительно» и буркнула:

- До свидания.

Костя, выскочив из аудитории, наткнулся на мрачного Борьку.

Борька процедил сквозь зубы:

- Там, - и показал пальцем за угол, в конец коридора.

- Костя подошёл к Ольге, погладил её по голове, потом приподнял ладонью подбородок.

- Зачем ты, Оля?

- Она бы поставила тебе двойку!

- Бес с ней, пересдал бы.

Раздались чёткие шаги, из-за угла быстро вышел Борис.

- Ребята, полундра! Михей, дуй отсюда! Ольга Ивановна, Поповкин и Козырь послали меня Вас найти. Я Вас нашёл?

- Нашли, сейчас я пойду.

- Мне пойти с Вами, ну чтоб не очень Вас ругали? И вот платочек, вытрите глаза.

- Не надо со мной ходить. Я Вас поняла, постараюсь держать себя в руках, а за платочек спасибо, а то мой остался в сумочке, – она чмокнула Бориса в щёку, улыбнулась и решительным шагом направилась навстречу неприятностям.

Борис мрачно посмотрел на всё ещё стоящего Константина, с досадой махнул рукой:

- Не мала баба клопоту, то купила порося.

И пошёл, сопровождаемый Костей, который выглядел в этот момент как побитая собака.

До вылета самолёта оставалось больше часа. Ещё даже не началась регистрация. Костя стоял за стойкой буфета, жевал салат и водил отсутствующим взглядом по залу.

- Костя!

Он вздрогнул, взгляд стал осмысленным. Перед ним стояла симпатичная молодая женщина. Женщина держала за руку девочку лет четырёх.

- Оля?

- Танечка, поздоровайся с дядей.

- Здравствуй, дядя! А у меня есть обезьяна, она заводная, но мама забыла её дома. Дядя, а как тебя зовут?

- Константин Константинович.

- Мама, а почему дядю зовут как моего папу?

- Так его родители назвали. Таня, а ты мороженого хочешь?

- Хочу, мамочка! Купи-и-и!

И Таня потащила маму Олю к буфетной стойке.

- Костя, не уходи, я сейчас.

Костя кивнул головой. Через минуту мороженое было куплено, положено в кружку, девочка посажена с ним за столик, в руке у неё очутилась ложка, а Ольга подошла к Косте.

- Я лечу в Саратов, к родителям мужа. А где твоя жена, Костя?

- В туалет пошла. А ты знаешь, что у меня есть жена?

- Знаю. Зовут её Наташа, она беременная. И летите Вы сейчас в Шахтёрск, куда ты получил направление.

- Я вообще поражаюсь твоим способностям знать обо мне всё. Мы ведь с тобой после экзамена по анатомии ни разу не виделись. А что, Костя это любимое имя?

- Точнее, ты меня не видел, а я тебя видела. А что касается имени, это тоже сыграло свою роль, но ты был на первом курсе так похож на моего мужа, когда я с ним познакомилась: стройный, весёлый, романтичный! И сейчас тожеходишь на него, когда он оканчивал институт, тоже слегка раздобрел.

Костя с досадой глянул на неё:

- Боксом бросил заниматься, так вот и поправился. Жена тоже твердит, что я толстею. Значит, просто я был похож. А я-то думал, что я интересен сам по себе.

- А ребёнка как назовёте? – задумчиво спросила Ольга, проигнорировав Костин пассаж.

- Вместе решать будем. Если будет мальчик, предложу назвать его Борисом, как моего лучшего друга. А если – девочка, то пусть будет Лена.

- А Лена это кто?

- Первая любовь, одноклассница.

- А из-за чего Вы расстались?

- Сильно сказано «расстались». Это она мне нравилась, а я ей нет. На выпускном отказалась со мной танцевать, а после я её ни разу не видел.

- А где она сейчас?

- Не знаю, врачом где-то работает. Одноклассники писали, что хочет стать хирургом.

- И ты ей не писал?

- Нет, однажды только отправил дурацкую телеграмму.

- Женщина-хирург – это редкость, они все мужиковаты. Не думала, что тебе может понравиться такая.

- Да она и не такая. Я сильно переживал, ходил как в воду опущенный, на вступительных экзаменах провалился, потом служил в Армии. Моя жена чем-то на неё похожа. Такая же стройная, умная, с красивым голосом и взгляд такой же рассеянный, а характер вовсе не мужиковатый. Чтобы получить представление, посмотри на мою жену, когда она придёт. Что-то её долго нет.

- Да видела я её, она же у меня тоже училась. Костя, пока она не пришла, я тебя прошу, заходи на кафедру анатомии, когда будешь в Нашем городе.

- К чему это, Оля? Я люблю свою жену, а ты тоже меня не любишь, а любишь свою память о молодом муже...

Подошла жена Кости:

- Здравствуйте.

- Здравствуйте, Наташа.

- Заяц, а что ты так долго? – прозвучал обеспокоенный голос Кости. - И он обнял Наташу за плечи.

- Там внизу белки бегают в клетках как колесо, я засмотрелась. Посмотришь?

Подбежала дочка Оли, только что доевшая своё мороженое.

- Mamочka, хочу пи-и-и-ть!

- Таня, поздоровайся с тётёй.

- Ну, ещё! То с дядей здоровайся, то с тётёй. Дашь попить, тогда поздороваюсь!

Все засмеялись.

И тут объявили регистрацию билетов. Оля пожалала Наташе и Косте руки, пожелала успехов, прибавления в семействе (и не последнего).

- Спасибо, Ольга Ивановна! До свиданья, Ольга Ивановна. До свиданья, Танечка. Вот тебе, пей, – и Наташа протянула Тане маленькую баночку сока.

- Спасибо, тётя.

Костя подхватил чемоданы, и они двинулись к стойке регистрации. Пока они шли, Миронова махала им рукой. Наташа несколько раз поворачивалась, чтобы помахать тоже. Костя ни разу не обернулся.

Прошло семь лет. К Михеевым приехала тётя из Нашего города. Тётя доставала подарки и болтала с Костей. Наташа хлопотала на кухне.

- Газета это тоже подарок, Лариса?

Тётя вздохнула:

- Нет, не подарок. Читай на последней странице.

Косте бросилась в глаза траурная рамка.

«Ректорат, партком и профком Нашегогородского медицинского института с прискорбием сообщают о трагической гибели преподавателя института Ольги Ивановны Мироновой и выражают искреннее соболезнование родным и близким покойной».

- Ты её знал?

- Да, она в моей группе анатомию преподавала. Хорошо преподавала. А как это произошло?

- Теперь ты знаешь столько же, сколько и я. Посмотри на дату, это случилось девять месяцев назад.

- Наташа, – крикнул Костя на кухню, – ты помнишь Ольгу Ивановну Миронову?

- Кого-кого? Миронову? Не помню.

- Ну, как не помнишь, она у меня и тебя анатомию преподавала!

- Мало ли кто чего преподавал! Сколько лет прошло! Слушай, не отвлекай меня, а то молоко сейчас сбежит.

За ужином он пытался снова рассказать о гибели Ольги, но тут зазвонил телефон, и Наташа проболтала минут двадцать, а затем было укладывание детей. А потом и они легли спать. Когда и тут Костя попытался рассказать о гибели Мироновой, он услышал:

- Что ты пристаёшь с какой-то Мироновой?

- Но она погибла девять месяцев назад.

- А я что сделаю? Я сегодня устала и хочу спать.

А на утро пропала куда-то газета, и когда Костя попытался её искать, наткнулся на рассерженный голос Наташи:

- Не занимайся ерундой, некогда искать газету, опоздаем на работу, собирайся!

В его памяти на долгие годы осталось чувство горечи.

САМЫЙ ВЫДАЮЩИСЯ ПРИДУРОК

Яков Иосифович Потеряйко, кандидат исторических наук, подтянутый, спортивного вида человек, пользовался всеобщей любовью студентов и особенно студенток. Любили студенты Якова Иосифовича не столько за его физические данные, а ... Впрочем, и так ясно, за что могут любить студенты преподавателя, конечно же, за либерализм.

Свой предмет Яков Иосифович знал и любил, но к студентам был сверх меры снисходителен, хотя многие из них демонстрировали, мягко говоря, не блестящие знания. Самая ходовая оценка у этого преподавателя на экзаменах всегда была «отлично», четвёрки же получали те, из кого знания удавалось извлекать только клещами, а тройки получали лишь выдающиеся придурки. Получив тройку, студент сразу становился факультетской знаменитостью, и когда, будучи уже старшекурсником, он важно шествовал мимо салаг, те почтительно шептались у него за спиной: «Глядите, вот идёт Иванов, тот самый, что у Потеряйко тройку получил!»

Свой либерализм Яков Иосифович объяснял очень просто: в Советской стране, где всё ежечасно напоминало об истории КПСС (газеты, телевидение и даже анекдоты) советский интеллигент (к ним по своей наивности Яков Иосифович причислял и всех студентов), конечно же, знает этот предмет и, если он до сих пор не демонстрирует блестящие знания, то в этом виноват лишь преподаватель.

Константин Константинович Михеев (коротко именуемый друзьями КаКа или Михей) был студентом совершенно обыкновенным, средним. Особенность Михеева была в обширности его увлечений. В те времена, когда каратэ ещё не разрешали, он достал пособие, изданное за границей на английском языке, и усиленно занимался; увлекался Михей и киносъёмками (в те времена о видео ещё и не мечтали), подводной охотой, женщинами и путешествиями. Пришла пора экзаменов. На первом Костя случайно вытянул счастливый билет

и получил пятёрку, ко второму экзамену добыл прошлогодние шпаргалки и удачно списал. Перед третьим соблазнил лаборантку, и она подсказала, где лежал нужный билет. В результате – три пятёрки подряд. Запахло повышенной стипендией!

На последний экзамен (по истории КПСС) отвели семь дней – огромный срок по студенческим меркам. Чего-чего, а истории КПСС КаКа не боялся. Язык у него был подвешен хорошо, и, зная о либерализме Потеряйко, Костя оставил гранит науки на потом. Только накануне экзаменов ближе к полуночи он пришёл «на бровях» в свою комнату в общежитии №3 с твёрдым намерением чего-нибудь почитать.

В комнате дым стоял коромыслом в прямом и переносном смысле. И даже в руках отличника и первостатейного зубрили Бори Притыцкого не было учебника. На удивлённый взгляд Кости он ответил, что уже всё выучил.

- А вот я ничего не выучил! – сказал КаКа.

- И уже не выучишь, – заявил Титов.

- П-почему? – пьяно мотнул головой Михей. – Дайте мне книгу! – И это было его последним словом, после которого он завалился на постель и захрапел.

... Проснулся Михеев от луча солнца, который бил прямо в глаз. Башка трещала и кружилась, тошнило – всё это по-научному называется синдром похмелья. Шёл двенадцатый час. «Перебрал! – простонал Костя. – Успеть бы до конца экзаменов».

Вскочив в штаны, не умываясь и не причёсываясь, застёгивая на ходу пиджак и засовывая в него зачётку, Михеев рванул на экзамен.

Когда Костя прибыл на место, к заветной двери подтягивались последние. Вечно трусливый Боря Притыцкий как всегда хотел пойти последним, хотя всё давным-давно вызубрил. Титов ссылался на свои завиральные идеи, что максимум его физического ритма наступит только через полчаса, а совершенно не похожий на Дзержинского, хоть и прозванный Железным Феликсом, Юрка Митин демонстративно рассовывал свои шпаргалки и обещал пойти следующим.

Открылась дверь, и из аудитории вышел сияющий Маляка. Назвав номер своего билета и оценку, которая, конечно же, оказалась пятёркой, Маляка гордо прошествовал к выходу.

И тут неожиданно Данич и Гольцев впахнули Михея внутрь и захлопнули за ним дверь. Нечего делать, пришлось Косте здороваться, тянуть билет и садиться готовиться. Вопросы билета не показались КаКа очень трудными. И он вздохнул облегчённо. Плюхнулся за стол и попытался сосредоточиться.

Но сосредоточиться не выходило. Даты, события, имена кружились в голове и сталкивались в мозгах, как живые, и никак не хотели становиться в стройный ряд. Подходила Костина очередь. С тоской смотрел он в сторону преподавателей.

Якову Иосифовичу отвечала Люся Пустовалова, а Людмиле Ивановне – Оля Жидко. Монотонное тарыхтение Оли подходило к концу. Она, поправив очки, протянула руку за зачёткой. Люська тоже, горделиво выставив свой немалый бюст, уже вставала. Из-за ближнего к Потеряйко стола лениво поднимался вальяжный Лёня Зайцев. «Неужели, гад, пойдёт к Яше?» – подумал Костя. – У Людмилы мне пятёрки не видать!» И стремительным броском, чуть ли не оттолкнув Зайцева, Михей достиг стола Якова Иосифовича и стремительно сел.

- Слушаю, – добродушным тоном сказал Потеряйко.

- Первый вопрос... – начал Михей.

И понеслось! Михей плёл такую чушь, что сам не мог понять, почему он это говорит. Язык ворочался сам по себе, влекомый не импульсами Михеевского мозга, а какой-то посторонней силой. Начались дополнительные вопросы, и оказалось, что составной частью марксизма является не научный коммунизм, а анархо-синдикализм, что настоящая фамилия Троцкого – Бронштейн (что было правильно) и что звали его Давид (что было неправильно) и что он ещё до революции стал гроссмейстером по шахматам, а чемпионом мира ему так и не удалось стать, и что культ личности Сталина разоблачили на XXII съезде КПСС в 1789 году. Потеряйко мрачнел и мрачнел. Как спасательный круг утопающему, бросил он самый лёгкий вопрос:

- А в каком году была Великая Октябрьская социалистическая революция?

- В 1917, – гордо ответил Костя.

- А точнее?

- В августе.

Глаза у Потеряйко полезли на лоб, волосы встали дыбом.

- Неслыханно, – пробормотал он. – А почему же она называется Октябрьской?

- Это было связано со сменой календаря: то был юлианский, а теперь – григорианский. И вообще, под руководством коммунистической партии я на всё согласен.

Яков Иосифович трясущейся рукой вывел «неудовлетворительно». Впервые в жизни он ставил студенту двойку.

КаКа растерянно взял зачётку и поплёлся к двери. За дверью стоял Гольцев и требовал со всех угощения в счёт будущей стипендии.

- С повышенной выставляешь мне коньяк! – заявил Гольцев.

Михеев сунул ему под нос развёрнутую зачётку. – Из-за тебя, гад, пару получил! – и ткнул ему кулаком в солнечное сплетение. Гольцев согнулся пополам.

- Так сильно стукнул? – спросила Зюнзя.

Гольцев поднял лицо, оказывается, он хохотал.

- КаКашка пару у Потеряйко получил!

- Не может быть!

- Поймать и качать Михея!

Гольцев, Титов и Булкин кинулись вдогонку, чтобы осуществить это намерение. Но того и след простыл.

Михеев стал знаменитым и вошёл в институтские легенды. А случай этот докатился до наших дней. Спустя двадцать пять лет!

**.., КОНЧИЛСЯ!
ИЛИ
ПИВО ДО ДОБРА НЕ ДОВЕДЁТ**

Выражается сильно студенческий народ! Бывает, назовут студенты препода, и, что называется, не в бровь, а в глаз. Как прилепится какая кличка к юному ассистенту, который впархивает впервые на крыльях своей мечты о выдающейся роли избранной им науки в мировой прогресс (и о своём будущем вкладе в её развитие) в студенческую аудиторию в первый раз, так и держится эта кличка на нём до того момента, когда заслуженный профессор, опираясь на палку, с букетом цветов уходит с кафедры навсегда, чтобы оставить после себя портрет на стене с датами заведования кафедрой и тире между ними. Но порой и после смерти преподавателя живёт псевдоним, которым студенты наделили наставника, до тех пор, пока жив ещё последний его ученик. И возят и носят доценты с кандидатами, профессора и академики, а также неостепенённые препода свои клички, как колючки репейника, с кафедры на кафедру, из одного вуза в другой, из провинции в столицу, из Калининграда во Владивосток. И бог его знает, как на новом месте студенты узнают, что вот эта полная дама, всегда дефилирующая в джинсах – Глиста-в-юбке, а тот лысый джентльмен – Ёжик!

Клички студенты дают своим наставникам совершенно разные. Порой эти клички – производные от имён наставников. Ведь нет ничего обидного в кличке Серёжа, если тебя так ещё при рождении нарекли. Другое дело, что тебя уже в течение 30 лет никто так не называет, включая жену и собственную маму. А все зовут тебя Сергеем Ивановичем. Так все и звали нашего ректора Корхова. И только студенты между собой ласково именовали его Серёжей. Нет ничего, казалось бы, обидного и в кличке Саша, тем более, когда ты ещё настолько молод, что некоторые студенты старше тебя по возрасту. Однако же такая кличка не понравилась ассистенту Сушкову, потому что он вовсе не Саша, то есть не Александр, а Виктор Васильевич. А Сашей его назвала по ошибке студентка Валя Офицерова. Валя сделала

свою ошибку ещё на первом курсе, а В. В. Сушкову не удалось избавиться от клички и когда она уже вуз окончила, а сам Сушков с кафедры фармакологии перешёл на кафедру психиатрии. Странная кличка была у главного физкультурника нашего вуза, доцента Дюжева, – Владимир Иванович Ленин. Даже сейчас, не говоря уже о советском времени, всякий образованный человек знает, что вождь мирового пролетариата был Ильичом.

Обычно никто лекции по физкультуре в нашем вузе не слушал. И так бы и остался конфуз Дюжева, назвавшего Ленина Ивановичем, незамеченным, если бы не два легендарных студента нашего курса, Михеев и Томак, которые не всегда слушали те лекции, которые нужны, но всегда (просто по приколу) они слушали лекции ненужные и даже их конспектировали и любили цитировать перлы из этих лекций.

Порой студенты безжалостно издеваются над телесными или речевыми недостатками преподавателей. Один доцент нашего вуза носил кличку Китаец, притом, что никакого родства не только с китайцами, но и вообще с любыми другими представителями монголоидной расы не имел и даже никогда не бывал не только в КНР, но и вообще за границей. Просто он в детстве переболел желтухой... Легендарный преподаватель Брат получил свою кличку за то, что любил сказать нерадивым студентам:

- Ну, шо, брате, бери ноти і іди до посадки пиво пити, бо тобі нема шо тут робити!

Физиолог Тычина за дефекты своей речи удостоился клички Мона-Нуна, потому что не мог выговорить «можно» и «нужно».

Капитана II ранга Старкова с военки наградили званием Дважды майор Советского Союза. Почему? А вот не скажу! По крайней мере, в этот раз.

Один из преподавателей политэкономии прозывался Лысым Хорионом. Ну, понимаете, он действительно был лысым... А вот что такое хорион... Да вы спросите об этом знакомого студента-медика. Но умоляю – не за столом!

И не только преподавателей переименовывают студенты, но и друг друга.

А бывают такие фамилии, что и кличек не надо придумывать. Студента нашего вуза по фамилии Парубок все доставали: и студенты и преподаватели спрашивали его, а как же у него будет фамилия, когда он женится. Вот и пришлось ему взять фамилию жены...

Витя Титов носил кличку Штирлиц. Почему этого долговязого сутулого парня, нисколько не похожего на красавца-артиста Вячеслава Тихонова, называли так, уже через год не помнил никто.

Самой же интересной оказалась кличка Кончился!, полученная преподавателем истории медицины Гусевым в результате следующего случая.

Дело было так. Немного не довёз троллейбус пассажиров с Черёмушек до Греческой. Посыпались искры, запахло гарью. Народ понял, что это всерьёз и надолго и повалил, шутя и ругаясь, из дверей. Студенты Костя Михеев и Витя Титов были среди них.

Не сговариваясь, расталкивая толпу, вырвались они на оперативный простор и помчались по тротуару в сторону alma mater. Резво проскочили один квартал, затем – второй и третий и, казалось, также резво промчатся оставшиеся до кафедры социальной гигиены, организации здравоохранения и истории медицины полтора километра. Вот уже впереди замаячила Сборка...

Но то ли жара, то ли выпитое вчера ... Сухой воздух жёг лёгкие, сердце бешено колотилось, пот пропитал всю рубашку и продолжал течь за ворот. Михеев остановился, согнулся пополам, его вырвало.

Оторвавшийся было Титов, пробежав немного по инерции вперёд, остановился тоже. Хватая воздух ртом, он медленно подошёл с озабоченным лицом к Михееву, поднёс к его лицу циферблат часов и прохрипел:

- ! Михай, без двадцать! Опоздаем!
- Беги один, Штирлиц! – прошептал Костя Михеев.
- Нет, Костя, друзей я не бросаю.

- Так что, Штирлиц, - с трудом улыбнулся Михеев, – на горбу меня тащить до самой кафедры будешь? Или такси вызовешь?

- Идея! Такси! Ты постой, я сейчас!

Титов подбежал к проезжей части Дерибасовской. Взмахнул рукой, и такси... не остановилось, то же – и второе, то же – и третье. К нему медленно подошёл пришедший в себя Михеев.

- Штирлиц, ты посмотри на себя!

- Что? А в чём дело?

- Да кто такого в такси посадит? Мокрый, грязный!

- Посмотрим! – с напором сказал Титов и перемахнул через парапет и, как только загорелся красный свет, стал как столб перед передним бампером очередного такси.

Водитель со свирепым лицом тут же выскочил из машины.

- ! Как сейчас! – совсем не вежливо обратился он к Титову и угрожающе двинулся в его сторону. Кулак водителя мелькнул в воздухе, и ...сам он шлёпнулся на землю.

Водитель в бешенстве вскочил на ноги, метнулся назад к автомобилю, влетел на водительское место и тут увидел на сиденье рядом с собой другого такого же грязного парня. Удар в лицо этого парня тоже почему-то не получился, кулак просвистел мимо его уха. Сразу же обе руки шофёра были заблокированы севшим сзади Титовым.

- Ах вы, ! – прохрипел водитель.

- , езжайте уже! Пастера, угол Академика Воробьёва. Всё равно ничего не сделаете с боксёром и каратистом! – миролюбиво заявил Титов.

- Павел Петрович, трогайтесь же, сзади сигналият. Мы не бандиты, а студенты, опаздываем на зачёт, деньги у нас есть, – добавил Михеев.

- Да Вы ! – только и мог сказать водитель, трогаясь с места.

В салоне воцарилось молчание, но только на секунду.

- Витя, я знаю новый анекдот про тебя! – торжественно заявил Костя.

- Давай! – кивнул Титов.

- Штирлиц на допросе у Мюллера.

«А скажите, Штирлиц, какого у меня цвета трусы?» – «В белую и синюю полоску». – «Вот Вы и попались, Штирлиц. Об этом знали только я и русская пианистка. Значит Вы – русский шпион».

- Ха-ха-ха-ха! Точно про меня! – воскликнул Витя.

Повисла тишина.

- Ха-ха-ха! – замедленно среагировал таксист. – А где продолжение?

- Какое продолжение? – удивился Михеев. – Нет никакого продолжения!

- А я говорю есть! «Гер Мюллер! Перестаньте валять дурака и застегните лучше ширинку!» – ответил Штирлиц.

- И-га-га-га! – дружно заржали пассажиры.

- Так значит ты – Штирлиц, а ты – кто? Мюллер?

- А он просто КаКа.

- Откуда такое прозвище? Что, о.....ся что ли?

- Приехали, Павел Петрович! – осклабился Титов. – Кто из нас о.....ся, когда мы влезли в машину? А КаКа – просто инициалы – Константин Константинович. Всё, спасибо! Костя, расплатись!

Костя посмотрел на счётчик: значилось 25 копеек. Костя вздохнул, вытащил кошелёк, достал из него 2 пятнадцатикопеечные монетки.

- Получите!

Таксист обалдело посмотрел на монетки, машинально сунул их в карман и собрался тронуться. Но Михеев выходить не собирался.

-, чего ещё?

- Сдачу, Павел Петрович!

Павел Петрович побагровел, пошарил в карманах, выгреб горсть монет, пересчитал их, сунул Косте с видом оскорблённого достоинства:

- На!!!

Михеев вылез из машины. Машина газанула. Михеев стал пересчитывать монеты. И тут же раздался раздражённый голос Вити Титова:

- Ты что там телишься? 8 минут осталось.

- Ты не запомнил номер такси?
- На кой он мне? Давай, давай, шевели клешнями!
- Он мне дал сдачи 70 копеек.
- Ты его напугал, наверное. В Нашем городе таксисты с рубля сдачу не дают.
- Да не рубль я ему дал, а 30 копеек, а на счётчике было 25. Он собирался трогаться, а я попросил сдачу.
- 5 копеек сдачи у нашегородского таксиста? Ну, даёшь! Он о.....ся и дал тебе 70 машинально, потому что никогда у нас меньше рубля пассажиры таксисту не дают.
- Я хочу ему вернуть 65 копеек, да номер его я не запомнил.
- Нашёл бедолагу, да он за день десятку набирает на невыданной сдаче! Давай, давай!
И они бросились к лестнице на кафедру. Но и тут задержка. Они столкнулись с Раей, медленно продвигающейся мимо кафедры с двумя здоровенными сумками.
- Костя, Витя! Вы мне нужны! Подождите!
- Рая, стой тут, мы сейчас получим зачёт, мы быстро! – скороговоркой прочирикал Костя.
- Так разрешите, мадам, заменить мужа Вам, если муж Ваш уехал по делам! – пропел Титов, чмокнул Раю в щёчку и помчался по лестнице. А за ним бежал Костя.
Быстро ворвались они в преподавательскую.

Гусев сидел за столом, водрузив на нос очки и устремив свой взор в окно.
- Здравствуйте! – хором выдохнули студенты.
- Здрав-ствуй-те! – медленно по слогам проскандировал Гусев. - Я вас слу-шаю.
- Нам бы зачёты поставить! В стройотряд едем.
- Кон-чил-ся!
- Кто кончился? – удивились оба.
- День ра-бо-чий кон-чил-ся.
- Ещё без пяти! – солидно заявил Титов.
- Это вам ка-жет-ся, что это мож-но сде-лать быс-тро, но пока я возь-му лек-ци-он-ный жур-нал и по-смот-рю нет ли у вас

про-пус-ков за-ня-тий, а ес-ли есть, от-ра-бо-та-ны ли о-ни; по-ка я возь-му жур-нал се-ми-на-ров и по-смот-рю, нет ли у вас про-пус-ков, а ес-ли есть, от-ра-бо-та-ны ли о-ни, нет ли у вас не-у-дов-лет-во-ри-тель-ных о-це-нок...

На этой части монолога внимание парней отключилось, и они стали думать о приятном. А Гусев всё вещал и вещал...

Наконец его вещание, видимо, подошло к концу, он заговорил несколько быстрее, и сознание ребят прояснилось.

- Так что, кончился! – изрёк Гусев и победно поднёс к носу Титова циферблат своих наручных часов.

Минутная стрелка часов как раз замерла на 12.

Михей и Штирлиц ушли по-английски, не попрощавшись.

Только дверь за ними захлопнулась, Титов громко выкрикнул:

- Кончился! Чтоб ты,, сам кончился!

- Витя, ты что? Он же услышит!

- Да пошёл он! Пускай слушает! Зря мы мчались сюда. Я же говорил, что не успеем! А ты: такси, такси! Предлагал же я пива выпить! – с укором изрёк Титов и устремился к выходу на улицу.

- Так давай выпьем, - сказал, догоняя Титова, Костя. – Но только не пива!

-, а что же тогда? – удивился Титов.

- Конечно вина! – возмутился Костя. – Пиво – плебейский напиток, когда выпьешь – воняет. И с него – отвратительная отрыжка.

Они и не заметили, как очутились на улице.

- Витя, ты, оказывается, ругаешься матом! – с укоризной обратилась к Титову поджидавшая их Рая.

Титов покраснел и смутился:

- Больше не буду, Раечка! Довёл он нас!

И Титов в лицах и красках поведал о происшедшем.

- Это был единственный предмет, по которому раньше никаких проблем у меня не было. А теперь вот по всем предметам зачёты я уже получил, а вот по истории медицины ещё

нет,

заклучил он.

Лицо Раи опечалилось.

- А я так надеялась, что вы мне поможете.

- Конечно, поможем! – энергично кивнул головой Витя.

- А эта неприятность вам не помешает?

- Подумаешь неприятность, и похуже бывало. Мы к твоим услугам.

Михееву не хотелось в этот момент помогать кому-либо и вообще делать что-либо, его слегка сердило, что Штирлиц и его втягивает, но он счёл подлостью подвести друга.

Делать нечего, отправились они в комендантскую административного корпуса института, где хранился мешок картошки, купленной Раей у нового коменданта по баснословно низкой цене: 10 копеек за 1 кг. Оказалось, что нужны были Штирлиц и КаКа Рае для того, чтобы доставить эту картошку к Рае домой, на Молдаванку. И они пёрли эту картошку пешком до трамвая, потом везли на трамвае, а затем снова пёрли по Молдаванке до Раинога дома.

Всю дорогу Штирлиц был в ударе: нёс мешок практически сам, лишь изредка прося КаКа помочь его перебросить с одного плеча на другое; сыпал анекдотами, хохмами. КаКа, тоже любивший почесать языком, большей частью молчал, давая другу блеснуть.

У Раи дома родители сердечно благодарили парней за неоценимую помощь, даже выставили на стол угощение, налили им водки. Сытые и довольные вышли гости в восьмом часу вечера. И снова ребром стал вопрос: а что же пить? Штирлиц попытался, было, пойти на компромисс: он, де, Штирлиц будет пить пиво, а Михей – вино, но пить они будут вместе. Михеев с презрением компромисс отверг, так как ему не хотелось даже рядом находиться с человеком, который пьёт плебейский напиток.

На прощание Костя сказал Вите:

- Пиво тебя до добра не доведёт.

Штирлиц только отмахнулся.

Итак, дороги их разошлись. КаКа направил свои стопы в гастроном, купил две бутылки токайского и с ними пошёл в общежитие. Штирлиц же отправился... к тётке Михеева на улицу Франца Меринга, взял займы у неё два рубля и с ними заглянул в «Гамбринус».

КаКа пил сам и угощал других. И вскоре Тышкул, Зюнзя, Пустовалова, Полажинец и другие «молчуны» нашего курса в подробностях знали детали неудачного похода за зачётом по истории медицины. Тут-то и родилась странная кличка Кончился!

В «Гамбринусе» к Штирлицу пристроились два бича: Юра и Жора. Штирлиц угощал их пивом, изливал душу, а за это они подливали в его бокал водку из припрятанной бутылки. Бичи, как и подобает бывшим интеллигентным людям, не могли пить просто – они желали пить интеллектуально и предложили Вите сыграть в города.

- Нальчик, – откликнулся Штирлиц.

- ... Там были девочки Маруся, Роза, Рая

И спутник жизни Васька Шмаровоз.

Две полудевочки, один роскошный мальчик,

Он побираться часто ездил в город Нальчик

И шил костюмы элегантней, чем у лорда

И ворочался на машине марки «Форда»..., – фальшиво запел Юра. – А город – Каракас.

- Сочи, – подхватил Жора.

- И така, – гордо заявил Штирлиц.

Бич Юра подпёр кулаками подбородок и устремил немигающий взгляд на Штирлица.

- Иркутск.

- Итака, на «а» кончается, город такой в Греции, – снисходительно процедил Титов. – На «а» город говори.

- Молодой человек, Вы кто? – важно спросил Юра.

- Давайте знакомиться. Титов Виктор Петрович, – сказал Штирлиц и протянул руку для рукопожатия.

Юра демонстративно убрал правую руку за спину и изрёк:

- Я не в смысле «Who are you?», а в смысле «What are you?»

- Студент.

Бич продолжал держать руку за спиной.

- Какого учебного заведения Вы студент?

- Медицинского института.

- Тогда завтра же идите в ректорат и сдайте свой студенческий билет, потому что учитесь Вы в этом вузе незаслуженно.

- Всё заслуженно, я сдал без всяких взяток вступительные экзамены.

- Не достаточно только сдать экзамены. Нужно ещё иметь аттестат зрелости. А вот его Вы получили незаслуженно.

- Ты на что намекаешь?

- А я не намекаю, я прямо говорю, что Вам аттестат выдали незаконно, потому что по географии у Вас двойка.

- Нет, Юра, по географии у меня четыре, – сказал Штирлиц и, зажмурившись, опрокинул кружку себе в горло. Затем крякнул, вытянул вверх два пальца и махнул официантке. Тётя Мотя быстро засеменила к столу с двумя кружками, и ловко их поставила прямо под нос Титову.

- За Вами уже шесть.

- Я за то помню.

- Шоб Вы были так здоровенькие! – сказала тётя Мотя и с достоинством удалилась.

- Постараюсь. Так вот, Юра, я, между прочим, грек, чтоб ты знал. И в моих жилах течёт греческая кровь. И я знаю, что такой город в Греции есть!

- Знову за рибу гроші! – сказал Юра, икнул и взялся за только что принесённую тётей Мотей кружку. – Нет такого города! А ты такой же грек, как я английская королева. Объясняю для тупых: Итака – это остров, а Итаки – город! Ясно?

- Не трогай пиво, не для тебя оно куплено.

- А Вы, сэр уже и жмотитесь! Что, правда глаза колет?

- Это я-то жмотюсь? Пьёшь моё пиво и меня же ещё и о.....ь! Не смей мне выкатать! А ну отдай кружку! Из-за тебя чуть не нарушил обет, данный сегодня самой лучшей в мире женщине, никогда не выражаться.

И Титов потянулся за кружкой. Юра быстро встал и, боясь, что пиво у него отберут, отступил с кружкой на шаг назад, быстро сделал небольшой глоток и победно поднял бокал вверх. Не станешь, мол, надпитое пиво отнимать! Титов с возмущением потянул его за рукав. Юра, упираясь, поскользнулся и шлёпнулся задней точкой на пол. А пиво из кружки, описав дугу, выплеснулась на сидевшего за соседним столом ещё одного бича, Мишу-маленького, угощаемого в тот вечер Мишей-большим.

-! – возмутился Миша-маленький, обращаясь к Мише-большому и хватая стоящую перед Мишей-большим кружку с пивом. – Я вчера налил этому поцу полкружки пива, велел сегодня возратить долг, а он вот как возвращает!

Миша-маленький быстро подскочил к поднимающемуся Юре...

- Моё пиво! – заподозрил неладное Миша-большой.

Но было уже поздно, и янтарный напиток быстро выплеснут на голову Юре.

-! – взревел Миша-большой. – Я вас всех уделаю!
Моё пиво!

Миша врезал своему тёзке, потом стукнул Юру, потом стукнул бросившегося защищать Юру его собутыльника Жорика, потом попытался атаковать Штирлица... Но Штирлиц был не из тех, кого можно безнаказанно трогать. Грузное тело Миши своим солнечным сплетением напоролось на кулак Штирлица. Миша согнулся пополам и тут же, получив «замком» из кистей Вити Штирлица по шее, рухнул на колени.

- Не лизь поперек батька до пекла! Сначала бью я, потому что он меня первого оскорбил!

- Мальчики! Милиция! – истошно завопила тётя Мотя.

В это время Миша-маленький вступился почему-то за Мишу-большого, но, получив затрещину от Штирлица, опустил на пол рядом со своим другом.

Кто-то вызвал милицию или два милиционера сами решили зайти в «Гамбринус», чтобы пропустить по кружечке пивка – история об этом умалчивает. Милиционеры решили навести порядок.

Титов бросился наутёк. Не то, чтобы он боялся двух мешковатых милиционеров, просто он считал, что власть надо уважать и ни в коем случае не бить хотя бы из принципа. Все «герои» присмирели, уселись на свои стулья и уткнулись в свои кружки. Остался стоять один Жора. Его то и зацепили стражи порядка.

- Это ты тут шумел? – обратился один из стражей к Жоре.

У качающегося Жоры пиво выплёскивалось на пол.

- Сначала отдайте честь! И попрошу не тыкать!

- Была команда не! Какого ... мы должны тебе честь отдавать? - сказал один из милиционеров, в то время как другой пытался захватить Жорину руку.

- Молодые люди, я лейтенант Советской Армии в запасе и с вами на брудершафт не пил, – с гневом воскликнул Жора, пытаясь освободить руку.

- Шагай, шагай, летёха! – добродушно скомандовал пузатый сержант и ткнул кулаком в спину бича. – Нечего тут геволт устраивать!

- Товарищ сержант, что за мансы? Это не я геволт делал!

- А кто? Пушкин?

- Штирлиц!

- Какой ещё,, Штирлиц? У тебя крыша поехала, надо тебе протрезвиться.

И стражи с двух сторон зацепили упирающегося Жорика за руки и поволокли к выходу.

- Не хочу в вытрезвитель! – захныкал Жора. – Штирлиц – это тот огурец, что нас пивом угощал.

- Что за! То Штирлиц, то какой-то Огурец! Ты совсем с катушек съехал! Белая горячка у тебя, в психушку тебя надо.

- Не хочу в психушку, лучше в вырезатель!

- А кто тебя,, будет спрашивать? А ну шагай!

И они ещё энергичней поволокли нарушителя, взбадривая его иногда несильными тычками в спину.

А вышеупомянутый Штирлиц уже влез в переполненный троллейбус и отправился восвояси, на Юго-Западный массив.

Через сорок минут он был у порога родной квартиры. Осторожно открыв дверь, Штирлиц тихонько проскользнул в квартиру. На кухне горел свет, оттуда шли умопомрачительные запахи – мать вдохновенно готовила для единственного сыночка.

Витя проскользнул в свою комнату, не включая свет, разобрал постель, лёг и быстро заснул.

Утром мама не могла разбудить Витю. Наконец, ей удалось это сделать.

Первое, что подумал Витя, когда проснулся было: «А всё-таки Костя был прав: пиво – напиток плебеев», а вторая мысль была о том, что он не хочет ехать в институт с мамой.

- Ты почему так поздно пришёл? Где ты был? Я тебе весь вечер готовила, а ты завалился спать! Почему от тебя такой неприятный запах? – мама задавала вопросы безостановочно.

Витя поморщился:

- Мама, у меня голова болит.

- Ага, заболит после такого.

- После какого «такого»? Мама, да ничего я такого не пил! Это мы с Михеевым отвезли Рае мешок картошки, а её родители нас угостили...

- Витя, а где подарок?

- Какой подарок?

- Который ты собирался подарить мне на день рождения. Позвонила мне вчера тётя Кости, поздравила, сказала, что ты приходил и говорил о моём дне рождения.. Что, денег просил?

- Мама!

- Витя, я же тебя знаю. А я должна была краснеть, как рак.

- А то его тётя увидела, как ты краснеешь!

- Ой, лишенько моё! Тебе уже двадцать два года, а ведёшь себя как ребёнок! Витя, когда ты уже взрослым станешь? Так, сколько ты взял у Костиной тётки?

- Два рубля.

Мать с заметным раздражением стала рыться в кошельке. Наконец она вытащила две помятых рублёвых бумажки и две десятикопеечных монеты...

- На, отдай Ларисе Ивановне, а остальное – на проезд. И больше не смей просить у неё деньги.

- Значит, Костину тётю зовут Лариса Ивановна?

- Витя, если спросит, что ты мне подарил, скажи духи «Дзинтарс» и что купил ты их в Пассаже.

Витя вздохнул. Ему очень не хотелось ехать с мамой в одном троллейбусе и слушать её нотации.

- Мам, мне бы поесть и в институт.

- Всё давно готово. Давай быстрее.

- Да даю я, уже даю! Мама, а где моя рубашка?

- А где ты её вчера положил, там она сейчас и лежит.

- Так что я должен в несвежей рубашке на занятия идти?

- Ну, так иди, погладь!

- Я?

- Скорее бы ты уже женился, Витя! – вздохнула мама

- А там внуки пойдут, мама, а с ними не легче.

- Витя, возьми с короткими рукавами в шкафу, да иди ты скорее есть, через 10 минут выходить... Да куда ты?

- Как куда? Есть! Сама звала!

- А руки мыть?

Так в препирательствах и прошёл завтрак. Витя вскочил из-за стола.

- Ну, я побежал!

- Пойдём вместе! – ледяным тоном отрезала мама. – Ну что ты морщишься?

Вите всё же удалось удрать под каким-то предлогом, о котором умалчивает история. Но это было бесполезно, потому

что троллейбус был один, ходил точно по расписанию, и Вите всё же пришлось ехать в институт с мамой и всю дорогу выслушивать нотации. Витя успел в срок, что было уже само по себе достижением, так как в срок он успевал далеко не всегда.

Закончилась лекция по анатомии, и Штирлиц с Михеем отправились на физкультуру. Идти было прилично, минут пятнадцать медленным пешим шагом. По дороге болтали о том и сём, в том числе и о вчерашних приключениях. Проходя мимо первой хирургии, обратили они внимание на двух худосочных парней, которые пытались поднять по лестнице на носилках приличных объёмов женщину. Рядом с ними суетилась типичная нашегородская тётушка, «поощрявшая» ребят типично по-нашегородски:

- Я, конечно, извиняюсь, уважаю ваших родителей, потому что он - мой брат, но тьфу им под ноги, шо они так детей воспитали: ни борьбы, ни тяжёлой атлетики, а шахматами вы занимались – мозги тренировали! И как вам теперь помогут ваши мозги вашу маму поднять?

- Тётя, а вы попросите кого-нибудь помочь.

- Нет, вы посмотрите на этого огурца! Ты 10 лет шахматами занимаешься, у тебя почти верхнее образование, а не только мускулов нет, но и мозгов! Кто будет носилки бесплатно носить?

- Почему бесплатно, тётя?

- Нет, а шо я ещё и платить кому-то должна за то, шо ты спортом не занимался?

Тут же Михеев и Титов предложили свои услуги. Пациентка легко и быстро была внесена на второй этаж. Ребятам было предложено по два рубля. Михеев отказался, а Титов не только явно взял свои два, но тайно взял ещё два, предназначенные для Михеева, сказав, что он таки всучит их Михееву. Тут же Штирлиц передал два рубля Михееву с наказом отдать их тёте Ларисе. И немедленно в голове Вити родилась идея, подкупающая своей новизной.

- А давай выпьем! – радостно предложил он.

- Что, вдвоём?! Перед физкультурой что-то не очень...

- Я угощаю!

- Ты?! Ну, всё равно. Напьемся, и как будем на физкультуре бегать и прыгать?

Разговаривая, они продолжали медленно идти. Возле инфекционной больницы стояли одноклассники Гольцев, Григорович и Данич, весело болтали и курили.

- Идея! – воскликнул Витя, – Я знаю что сделать, чтобы не напиться.

- Эй, Гольцев-Григорович-Данич, а давайте выпьем! – обратился Штирлиц к ним.

- Вот видишь, нас уже пятеро, а на два рубля впятером не напьемся, – это уже Михееву.

- Кто угощает? – спросил Гольцев.

- Что пьем? – спросил Григорович.

- Где пьем? – спросил Данич.

- Титов угощает, – сказал Михеев Гольцеву.

- На ром или бренди не хватит, а пиво я не хочу, – это Григоровичу.

- А пошли в кафе возле микробиологии, там и стаканы есть, – это Даничу.

- Слышь, Штирлиц, а ты принеси сюда, ломает меня из-за полстакана аж в кафе переться, – лениво сказал Данич.

- Шура, а закусывать? – спросил Григорович у Данича, а стаканы? Из горла пить? Я не алконавт.

- Пусть Титов всё сюда принесёт, – ответил Данич.

- Как хочешь! Нам же больше достанется. Пошли ребята! – поставил точку в споре Титов.

И четвёрка двинулась в сторону кафе. Титов тут же отделился от них и помчался в винный магазин.

Они пили болгарский рислинг под рассказы Титова и Михеева о вчерашнем дне, закусывая вино пирожными из кафе. Титов публично и торжественно признал, что пиво таки не довело его до добра, и дал второй обет за эти два дня, на сей раз – никогда в жизни не пить больше пива. А Григорович предложил пойти завтра получить зачёт у Кончился! вчетвером и к восьми

утра, а если тот, упаси его бог, опоздает хоть на минуту, пожаловаться завкафедрой на нарушение трудового распорядка преподавателем Гусевым.

На том и порешили.

РЕСТОРАН, В КОТОРОМ НИКОГДА НЕ БЫВАЛ ХЕМИНГУЭЙ

Десять часов вечера – и пора уходить. Костя Михеев вывалился из женского общежития в душную южную ночь. На площади Павших борцов бродили влюблённые парочки, рядом с общежитием пьяный бодался с тополем, две девушки примерно 16 лет стояли с велосипедами, щёлкали семечки, смачно сплёвывали шелуху на землю и при этом громко ругались матом. В другой раз он нашёл бы способ поддеть их остроумно, после чего они, скорее всего, стали бы вести себя скромнее. В другой раз, но не сейчас.

Вот уже четвёртый месяц он усовершенствовал в Южном городе знания по медицине. Всё смертельно надоело. Костю достала хандра. Она всегда его доставала, если долгое время ничего принципиально нового не происходило. Надоели сами занятия, ведь из них он почерпнул не много, потому что институт был окончен всего пять лет назад, медицинские журналы он читал и на конференциях бывал. Надоели и достопримечательности этого, в общем-то, очень красивого города с богатой историей. Надоели театры, концерты, рестораны, даже пляжи успели надоест, хотя лето только начиналось.

Частыми были вечерние прогулки с женщинами, почти каждый день бывал он в женском общежитии. Если бы его спросили, он бы не смог сказать, почему он сюда ходит. Ведь одни разговоры, да и всё, а действий никаких не было. Просто не хотелось.

Сейчас ему предстояло ехать через весь город на трамвае в мужское общежитие. От такой перспективы тоска только усилилась. Костя побрёл в сторону трамвайной остановки. Ему отчётливо представилось, как он будет ехать почти час в трамвае, как потом будет идти с остановки мимо тюрьмы в общежитие, как пешком (лифт там никогда не работал) поднимется на седьмой этаж, как зайдёт в грязную комнату, как Алик будет рассказывать ему о своих сексуальных подвигах. Брр!

У агентства «Аэрофлота» стоял автобус, готовился к отправке в аэропорт. Какой-то пьяный никак не мог решить, надо ли ему ехать, и то вползал в дверь, то выползал из неё, сопровождаемый уничижительными комментариями водителя.

И Костя вспомнил, что завтра – встреча выпускников педиатрического факультета Нашегогородского медина. Вернее, он всегда это помнил, что встреча состоится в первую субботу июня в 12 часов. Но сейчас отчётливо понял, что хочет на эту встречу. И шагнул как есть в автобус: в старых брюках, в рубашке, в которой увольнялся из армии ещё 11 лет назад, в сандалиях не первой молодости. Ничего, паспорт в нагрудном кармане, кошелёк – в брючном, прорвёмся!

Когда приехали в аэропорт, давно шёл двенадцатый час ночи. Самолёт в Наш город должен был вылететь в 2 часа. Билетов не было, но ко времени регистрации, выяснилось, что один человек на неё не явился. В очереди Костя был вторым. Однако парень, стоявший перед ним, не захотел даже на несколько часов расставаться со своей юной женой. И полетел Костя.

Всё время полёта Костя с трудом отбивался от навязчивой соседки, которая то просила помочь ей откинуться в кресле, то решить кроссворд, то рассказать что-нибудь о Нашем городе, то оценить туфли, которые она «оторвала» в Южном универмаге.

Наш город встретил Михеева объявлениями на двух языках, таксистами-философами и проливным дождём. Промчавшись как вихрь, он влетел в салон автобуса, отправляющегося на посёлок Котовского. И, хотя бег от двери аэровокзала до остановки автобуса занял всего 7 секунд, он, как и другие пассажиры, промок до нитки.

Дверь захлопнулась. И автобус двинулся. Прошло пять лет, но тут ничего не изменилось. Вот Куликово поле, по которому они два раза в год ходили на демонстрации, вот сапожная будка на углу, на пороге которой сутулый армянин-сапожник задумчиво смотрел сквозь пелену дождя. Он всегда так смотрел во время дождя: и пять, и десять лет тому назад. Вот Дерибасовская, по которой Костя любил фланировать с друзьями,

а вверх по этой улице – его Alma mater. Но он не выйдет на этой остановке и не пойдёт сейчас туда. Сейчас ещё рано. Сначала – к тётке, на посёлок Котовского, а сюда - к двенадцати. А вот и тётин дом, в который он ходил каждое воскресенье, пока учился здесь.

Костя вбежал на третий этаж и толкнул входную дверь. Дверь у тёти никогда не запиралась. Она с мужем была на кухне. Семейство собиралось завтракать. Тётя стояла спиной и подавала мужу жареную картошку с сосисками. Костя приложил палец к губам и пододвинул блюдо к себе.

- А мне? – спросил дядя.

- А я кому сейчас подала?

- Угадай! – и Костя закрыл ей глаза.

- Константин, ты? Ты же должен быть в Южном городе!

- Так встреча же выпускников!

- Ёлки-палки! Когда?

- В двенадцать.

- Так, быстро мыться!

- Но я не доел.

- Успеешь. Заходи в ванную, быстро раздевайся, вещи за дверь.

Мылся Костя не долго, но когда вышел из ванной, на столе стояла новая порция его любимой картошки с сосисками, в зале висели выглаженные брюки, а тётя сушила его рубашку утюгом. Пока он доедал, всё было готово.

- Вот смотри. В одной рубашке ходить на встречу некрасиво, да и рубашка, мягко говоря... Но в рубашки Михаила ты не влезешь. Вот галстук наденешь... А его пиджак подойдёт, правда в обтяжку... И туфли его старые я начистила. В прихожей стоят.

- Костя быстро оделся, глянул в зеркало.

- Сойдёт, не на дипломатический приём же собрался.

Из зеркала на него глянул довольно элегантный для данной ситуации джентльмен.

- Иди уже, горе луковое! Когда придёшь?

- Так ещё рано, ведь, без четверти десять.

- Иди уже, Константин, там, небось, реки на улице. Скоро не доедешь. Приезжай ночевать.

- Даже и не знаю, придётся ли, если не приеду, позвоню. Ну, всё, дорогие, я побежал.

Тётя была права. По запруженным улицам медленно ползли машины и автобусы, стараясь объехать нанесённый потоками воды мусор и поломанных собратьев.

До места Михеев добрался всё-таки вовремя. Издали он увидел толпящийся у памятника Скорбящей матери народ. Их было немного, человек двадцать, но перед ним мелькали спины спешащих присоединиться.

На пьедестале памятника стоял здоровенный Гриша Недавний и выкрикивал имена прибывающих: «Поляков Александр, Офицерова Валентина, Щербина Меланья, Тананушко Татьяна...».

Все, кто подходил, сразу попадали в дружеские объятия, рукопожатия, поцелуи.

- Константин Михеев!

- О! - Толпа взорвалась криками и бурными аплодисментами.

Костю тут же обступили со всех сторон.

- Костя, как дела?

- Костя, ты предсказал неправильно, я ещё не министр здравоохранения Абхазской АССР и даже ни разу там не была и четырёх детей не народила, и вообще с мужем я развелась.

- Какие твои годы, Марина, у тебя ещё всё впереди.

- А где твоя чёрная «Волга», Костя, дома забыл?

- На неё пионеры ещё металлолом собирают.

- Саша, Поляков, иди сюда, покайся!

- В чём, Костя, мне покаяться?

- Как называется третья буква французского алфавита?

- Цэ!

- Нет, сэ!

- Я учил французский язык в специальной школе со второго класса, а ты только один год, и то в обычной школе.

- Ты всё-таки не раскайся!

Они обнялись и дружно рассмеялись.

...Тая стояла в трёх шагах от него и весело болтала с другими однокурсниками. Они обменялись приветами. А потом каждый продолжил трёп в своём кругу, делая вид, что эта встреча

для них не главная, но периферийным зрением улавливая малейший жест друг друга.

Тем временем народ перестал прибывать, собралось человек 35.

- Босс, а дальше что? – крикнул со своего места Костя Недавнему.

На пьедестал вскочил Гольцев:

- Товарищи коллеги! Босс сегодня я!

- Ура, Толик! Куда идём, Толик?

- Не Толик, а Анатолий Фёдорович! Не только идём, но и едем! За угол идём, там садимся в автобусы, а затем едем в ресторан на Карла Маркса. Всё заказано, всё подготовлено родителями благодарных пациентов.

- Бесплатно?! – восхитился Томак.

- Ну не совсем бесплатно, но всего лишь по двадцать пять. Об опоздавших не волнуйтесь. Главный врач санатория «Солнышко» Валера Цвирко доставит их на своём служебном микроавтобусе.

Валера гордо ударил себя в грудь:

- Доставлю!

С шумом расселись в два автобуса. И снова Тая случайно оказалась рядом. Все шутили, смеялись, рассказывали о своей взрослой жизни. Костя чувствовал дрожь всякий раз, когда случайно касался её руки, как тогда, десять лет назад. И опять они силились не смотреть друг на друга и не разговаривать между собой.

Гольцев взял в руки гитару, он запел шуточный гимн студентов Нашегогородского медина:

- Вот и идёшь, ты, лысиной сверкая,

Хотя по паспорту всего лишь двадцать пять....., – и он показал на голову Вити Курочкина, на которой сияла изрядная проплешина.

- Мне уже тридцать два! – громко возразил Витя.

- Не важно, в двадцать пять лысина у тебя уже была. Я продолжаю!

... И у тебя уж поседела шевелюра,

И у меня стал волос выпадать!

Тут же подхватили припев все пассажиры:

- А мы ещё не старики,
А мы студенты-медики!

А вот и ресторан. Толпа в него ввалилась, заняла столики. И опять Костя (конечно же, случайно!) оказался рядом с Таей. «И кто же это всё устраивает?» – подумал он.

Гольцев продолжал играть роль распорядителя. Он мгновенно открыл бутылку шампанского, плеснул в свой бокал, вскочил на эстраду, подошёл к микрофону:

- Раз, раз, раз. Товарищи коллеги! Все мы чрезвычайно рады увидеть и узнать без проблем друг друга. А ведь, правда же, мы совсем не изменились? Не слышу!

- Правда!

- Ни на миллиметр не уменьшился объём талии у Серёжи Дидорчука...

- Ха-ха-ха-ха!

- Ни на сантиметр не подрос злобный карлик Витя Булкин и его Валя Кнопка, а ножки Оли Чуланской – по-прежнему верх совершенства. Сегодня с нами нет нашего дорогого старосты Жорика, и я вынужден вести этот вечер...

- Гольцев, кончай трепаться!

-Я продолжаю, товарищи! Из 135 выпускников сегодня присутствует 35...

- 42! – поправил Боря Притыцкий, заметив входящую группу опоздавших, доставленную Цвирко.

- А свыше... – и Гольцев показал в потолок, – поступило предложение, подкупающее своей новизной. Давайте выпьем! Давайте выпьем, чтобы с каждой встречей нас было не меньше, а больше и чтоб мы все были здоровы!

И был звон бокалов, и были возгласы:

- Ура!

- Банзай!

- Я вас всех люблю!

- Толик, молодец!

- Иди сюда, Толик, давай с тобой чокнемся!

А потом ели и пили, и были новые тосты: «за дружбу», «за тех, кого с нами сегодня нет», «за родной медин», «за великую роль педиатрической науки и за наш будущий выдающийся вклад в неё». Тосты перемежались с танцами. Первым был знаменитый одесский семь-сорок, когда танцоры становятся в круг, кладут друг другу руки на плечи и танцуют, подбрасывая вверх ноги. Дальше были парные танцы. Костя танцевал каждый раз с новой партнёршей, ведь мужчин среди педиатров всегда меньше. ... И не танцевал с Таей.

А в промежутках между танцами он плюхался на свой стул и болтал с Гольцевым. А Тая болтала с Борькой Притыцким.

- Михей, а хочешь анекдот про молдаван?

- Про молдаван? – удивился Михеев. – Ну, давай про молдаван. Про русских, украинцев, американцев, поляков слышал, а про молдаван не слышал.

- Знаешь, как молдаване вворачивают лампочку?

- Ну и как?

- Ставят Иона на стул, дают ему в руки лампочку, берутся вчетвером за стул, поднимают его и крутят до тех пор, пока лампочка не вернётся. Ха-ха-ха-ха-ха! А как молдаване узнают, что вагон – мягкий?

- Ну, просвещай уж!

- Молдаванин подходит к вагону и стучит по нему головой! Смешно?

- Слушай, а чего ты на молдаван взъелся?

- Начмед у меня молдаванка, пилит на каждой пятиминутке. А я про молдаван пускаю в коллектив анекдоты. Вот злится, когда слышит!

Опять заиграла музыка. Он почувствовал лёгкое прикосновение к правой ладони. Сердце замерло.

- Костя, я сама должна тебя приглашать?

- Нет, Тая, это я тебя приглашаю!

Танец был медленный. Они прижались друг к другу и уже не замечали никого вокруг. Впрочем, и на них никто не обращал внимания, потому что компания, разгорячённая алкоголем и

танцами, давно распалась на группы, все больше хотели говорить, чем слушать.

И тут Костя глухо, с дрожью в голосе спросил:

- Тая, а почему Сашка не пришёл?

- Он уехал в Израиль.

- Разве он еврей? Он же украинец, я сам видел документы.

- Суржик, как и я. Только у него мать еврейка, а у меня – отец.

- А ты?

-А мне там нет места. Может это и звучит пафосно по нынешним временам, но я – советский человек, и не смогу там жить.

- А что дальше, Тая, вы разведётесь или ты всё-таки поедешь к нему?

Она горько усмехнулась:

- Ты всегда хотел расставлять все точки над и. Может быть, он вернётся (ведь некоторые возвращаются), звонит каждую неделю.

Танец закончился, и они сели за столик. Костя неотрывно смотрел на Таю, играл с её ладонью. Ему уже не хотелось соблюдать приличия, ему было всё равно, что кто-нибудь отпустит плоскую шутку в их адрес или доложит его жене.

- Костя, выйди на улицу, жди меня у входа!

Он вышел, остановился у входа, задумчиво смотрел на прохожих, которые текли мимо него, пока один из них не остановился и не спросил, как пройти на улицу Дерибасовскую.

- Прямо как в анекдоте...

- Не понял!

И Костя пересказал один из популярных анекдотов. Анекдот приезжего прохожего восхитил:

-... Значит, ... и морочьте петуху голову на Новом рынке, а не мне, потому что Дерибасовская – за углом?

- Совершенно верно!

- Удружили! Спасибо! Вот расскажу всем у нас, в Магадане!

Приезжий и Костя дружно рассмеялись.

Вышла Тая. Костя взял её под руку, и они медленно пошли в сторону Дерибасовской, потом повернули и пошли к Оперному театру. У театра они задрали головы и читали на фронтоне на латинском языке надписи, затем перешли Дерибасовскую и медленно побрели в сторону Пассажа. А вот и сквер у Соборки.

Тот же маршрут, что и десять лет назад, когда они сбежали с лекции и бродили по городу. После этой прогулки и начался их бурный, но короткий роман.

В сквере, как всегда, толпились болельщики, они горячо жестикулировали, обсуждая последний матч «Черноморца» с киевским «Динамо».

- Давай как тогда, Тая! Только подойди поближе, послушаешь вживую, а не в моём пересказе.

- Костя, ты сумасшедший! Тебе уже 30 лет!

- Я пошёл! Встретимся у входа в Пассаж.

А вот и скамейка, с которой очередной оратор проклинал Леонида Буряка за то что он, перейдя из «Черноморца» в «Динамо», забил гол своей бывшей команде. Костя подошёл к скамейке, увидел приближавшуюся Тая, подмигнул ей и вскочил на скамейку.

- А теперь, друзья, послушайте меня! Я категорически не согласен с мнением предыдущего оратора...

- Чего-чего? – угрожающе спросил предыдущий оратор, громила под 2 метра ростом.

У скамейки поднялся шум. Болельщики требовали: кто заткнуться, кто высказаться яснее, кто предлагал отпустить подзатыльники в качестве проездных до Киева.

- Я выскажусь яснее. «Черноморец» – фуфловая команда. Её надо разогнать. Да здравствует «Динамо» (Киев)!

Народ опешил. Такой наглости никто не ожидал. Первым очнулся шупленький очкастый паренёк студенческого вида. Последовал возглас:

- Бей провокатора!

Костя спрыгнул со скамейки, молнией пронёсся до парапета сквера, перемахнул через него, наперерез машинам перебежал Соборку и был таков. Преследователи его не догнали, никто из них не смог преодолеть парапет.

Через несколько минут она уже была рядом.

- Михеев, ты сумасшедший!

- Напоминаю, ты мне 10 лет назад об этом уже говорила.

- И была права!

И они снова чинно, под руку, пошли, на этот раз в сторону ресторана «Глечик», как и тогда 10 лет назад.

«Глечик», расположенный чуть ли не на самом берегу моря, приветливо манил стилизованным плетёным тыном, на прутьях которого висели горлом вниз эти самые глечики (кувшины для молока).

Они сели за столик на веранде, заказали себе «Оксамит України», лёгкую закуску. Перед глазами расстилалось бескрайнее море. Был штиль. Чайки едва взлетали над поверхностью, а над ними кружились бакланы. С моря дул лёгкий ветерок, вкус «Оксамита України» был, под стать названию, бархатистым. Тянуло на лирику.

- Красота! – сказала Тая.

- Можно сказать, лепота.

- Может быть, много лет назад на этом самом месте сидел Антуан де Сент-Экзюпери или Хемингуэй...

- Сидел тут старина Хэм и писал «Старик и море»? Это было на Кубе, Тая. А Хемингуэй в нашей стране не был.

- А Сент-Экзюпери был!

- Но в Нашем городе никогда не был.

- Всё-то ты знаешь, Костя, с тобой даже неинтересно.

- Ой ли? А ты помнишь, чем я тебя привлёк тогда, на первом курсе?

- Да, ты единственный из всего курса (кроме меня, конечно) правильно назвал дату запуска первого искусственного спутника земли – 4 октября 1957 года.

А за соседним столиком происходило что-то интересное. Трое парней, сидевшие до этого тихо, стали в голос спорить.

- Не знаешь!

- Нет, знаю!

- А давай, споём!

- Давай!

И они красивыми мощными голосами затянули «Песню о тревожной молодости». Пение было таким прекрасным, что никто на веранде и не подумал даже поморщиться, не то чтобы протестовать. Но вот поющие споткнулись об очередной куплет. И тогда Тая и Костя, не сговариваясь, подхватили песню:

- И так же, как в жизни каждый

Любовь ты встретишь однажды;

С тобою, как ты, отважно

Сквозь бури она пройдёт!

И все вместе спели припев и допели всю песню до конца. Потом ребята пригласили Костю и Таю за свой столик. Они познакомились. Двое оказались комсомольскими работниками из Нашегогородского обкома, а их сотрапезник – тоже комсомольский работник из Варненского окружка Болгарии. Все стали дружно восхищаться его знаниями русского языка и русских песен. А потом пели ещё песни на русском и украинском языках (которые, как оказалось, их болгарский знакомый тоже знал!).

А потом Атанасу Ангелову захотелось спеть болгарские песни. И его смог поддержать только Костя. Атанас так горячо благодарил самого Костю, а потом и Таю, что Костя знает болгарские песни, что пришлось просить его умерить свой пыл.

Прощание было трогательным. Все передавали друг другу адреса, написанные на салфетках. Наши комсомольцы просили Костю и Таю заходить в обком комсомола, болгарский комсомолец просил по приезду в Варну ни в коем случае не останавливаться в гостинице, а ехать прямо к нему домой. Костя тоже приглашал всех в Северный город.

Он положил салфетки во внутренний карман пиджака, зная о том, что никогда не воспользуется предложениями новых друзей. Ведь всегда, когда доводилось обмениваться со

случайными знакомыми адресами и телефонами, дело не шло дальше, чем оправка открытки к ближайшему празднику, на которую он не получал ответа. И со спокойной совестью общение Костя прерывал. Он был общительным человеком, не любил прерывать знакомства первым, но и не любил быть навязчивым.

Выйдя из «Глечика», они пешком отправились на 3,5 станцию Большого фонтана, где жила Тая, со смехом комментируя ресторанное знакомство.

- А он, гад такой, желал нам семейного счастья, а сам лез тебя целовать.

- А виноват ты!

- Опять я!

- Для чего выучил болгарские песни?!

- Да ведь они очень красивые, особенно «Наш сигнал».

- Да, - задумчиво вздохнула Тая.

На улицах было тихо, прохожие были редки и благожелательны, жары не было. Они замолчали и шли тихо, неотрывно глядя друг на друга.

- Слушай, у лейтенанта Шмидта был почтовый роман, а у нас с тобой – роман смотровой, во взглядах. Ты не потащишь меня в кусты?

- Ты меня боишься?

- Я себя боюсь, боюсь, что не буду сопротивляться.

- А что дальше, Тая? Ты, ведь, любишь своего Сашку.

- Я и тебя люблю.

- Так не бывает.

- Бывает, Михеев.

Навстречу им попался уличный фотограф из «Нашгород фото». Такие фотографы были, пожалуй, только в Нашем городе. Он Вас сфотографирует не по Вашему желанию, а случайно и не когда Вы позируете, а в естественной обстановке, даст Вам талон, а Вы на следующий день пойдёте на Греческую площадь, в контору, посмотрите плёнку и сможете заказать себе фотокарточку. Говорят, что это придумала КГБ, чтобы сподручней было вести наблюдение. Но это тот случай, когда

люди благодарили КГБ за такую выдумку. В этот момент Костя и Тая смотрели друг на друга вполоборота влюблёнными глазами.

- Пришли мне карточку, – глухо сказал он.

- А скандалов дома не будет?

- Почту беру только я.

- А потом спрячешь фотографию в какую-нибудь книгу, а книгу задвинешь на дальнюю полку?

- Жизнь сделана, Тая!

- Но нам только 30 лет! И ты меня любишь, я же чувствую это! От женщины это скрыть нельзя, хотя ты это и пытаешься сделать.

- Я и не пытаюсь. Но ты любишь свою дочку. И Сашку! И у меня двое детей. И я их тоже люблю.

- Знаю, Костя, я всё о тебе знаю.

- Кто от меня ушёл к Сашке на третьем курсе?

- Посмотри на меня, Михеев. Я красивая? Только смотри мне в глаза и говори честно, – неожиданно резко сказала Тая.

Костя замялся.

- Помнишь, ты однажды сказал Саше, что я совсем не красивая и что во мне тебя привлекает не красота, а ум и характер.

- Честно говоря, не помню.

- Видишь, ты даже и не помнишь этого, для тебя это неважно. А Саша мне говорил, какие у меня лучистые глаза, какая прекрасная походка, какие аккуратные уши. А мне было всего лишь двадцать два.

И тут она неожиданно переключилась на тему рассказа об однокурсниках, кто кем стал:

- Ты слишком много уделял мне внимания на встрече выпускников, а информацию о других пропускал мимо ушей. Давай я тебе расскажу.

- Давай, – выдавил из себя Костя.

- Жорик Полторацкий – заведующий поликлиникой областной больницы, Люба Казакова – детский хирург в Умани, Булкин с Кнопой – на БАМе, Боря Притыцкий – начмед детской больницы в Бориславе, Беднина в санатории кардиологическом

работает, Оля Чуланская – участковый врач в Николаеве, Мишка Бочаров – в облздравотделе.

- Ух, ты!

- Ммда!

Они медленно подошли к её дому, который стоял прямо возле остановки трамвая. И продолжали говорить, говорить и говорить.

- Я Вам с Сашкой посылал поздравления к каждому празднику. Дольше всех. У меня, ведь, правило: если мне не отвечают 2 раза, я переписку прекращаю.

- Мы с ним обсуждали всякий раз, кому писать. Писал всегда он. Он всегда говорил мне, что напишет тебе.

- Значит врал.

- А однажды, два года назад, когда мы с ним очередной раз обсуждали открытки, он взял кипу открыток, иронично посмотрел на меня и сказал:

- Я ни с кем не собираюсь делить женщину, даже с другом.

К стеклу на первом этаже приклеилась любопытная рожица, за ней чуть в глубине комнаты маячило женское лицо.

- Это твоя дочка?

- Танечка. А с ней мама. Зайдёшь, Костя?

- А стоит ли, Тая?

- Мама всё знает. Я сколько раз перед ней плакала.

- Боюсь, я тоже расплачусь.

- Ты? Я никогда этого не видела.

- Я не хочу, чтобы ты увидела.

- Костя, у тебя поменялся взгляд, у меня от такого твоего взгляда - мурашки по коже!

- Ты о чём, Тая?

- Ты также вот, как сейчас, смотрел сквозь меня, «в пространство и в вечность», когда я приглашала тебя на свадьбу с Сашей.

К остановке приближался пятый трамвай.

- Тебе пора, Костя!

Он схватил Таю, прижал к себе, впервые за сегодняшний день крепко поцеловал в губы.

За её окном в этот момент никого не было видно.

- Прощай, Тая!

Костя поспешил к трамваю. Вскочил на подножку, и трамвай тронулся, а Костя сел на заднее сиденье. Пока трамвай не скрылся из виду, Тая стояла и смотрела ему вслед. А Костя ни разу не обернулся. Потому что у него было такое правило – не оборачиваться.

А потом он ночевал у тёти, на посёлке Котовского. В пять утра выехал на служебном трамвае, который брал и случайных пассажиров за 10 копеек. А потом было возвращение на утреннем самолёте в Южный город, где домучивал он в полной апатии свои курсы усовершенствования. А потом эти посторонние люди, которые думали, что за 4 месяца стали друзьями, обменивались адресами и телефонами, искренне полагая, что будут писать и звонить друг другу.

А дальше пошла обыкновенная жизнь участкового врача и семьянина с многими трудностями и мелкими радостями.

Вскоре после приезда он получил конверт с фотографией из Нашего города, спрятал фотографию в книгу на дальнюю полку и никогда не вынимал её оттуда.

Костя с Таей не увиделись до самой смерти.

И только в ночных снах (всё реже и реже) являлся ему Наш город, Тая и ресторан, в котором никогда не бывал Хемингуэй.

КОРОЛЕВА

Борис медленно шёл по коридору в свою комнату. На часах 15-30, и дела все были сделаны. Сегодня первый день учёбы на курсах повышения квалификации врачей. Уже успел он отучиться, уже успел сходить на переговорный пункт и отзвониться, и всем доложить, что тут он, в Москве, а не запил, не в постели у любовницы, не стал жертвой проходимцев.

Борис был заместителем главного врача по лечебной части детской больницы, поэтому его советы очень пригодились только что назначенному главному врачу. Тем более как раз сейчас разгоралась эпидемия гриппа. Борис и не хотел ехать на эти курсы из-за этой самой эпидемии, но приближалась аттестация, поэтому, скрипя сердцем, всё-таки поехал. А ещё был сделан звонок домой. Жены дома не было, боролась с эпидемией (она – участковый педиатр). Звонок зафиксировал автоответчик; и жена не сможет утверждать теперь, что он был в объятиях любовницы. Последний звонок – лучшему другу Косте Михееву, тоже участковому врачу и тоже сражающемуся с гриппозной эпидемией. Естественно, его тоже не было дома. Трубку сняла его бабушка, которая была уверена, что в Москве голода нет.

Медленно брёл новоиспечённый курсант по коридору из общежитского буфета к себе в комнату. Одет был он в ту же самую армейскую рубашку, в которой демобилизовался 15 лет назад. В руках держал Борис складной нож, сделанный одним из зэков, охраняемых Борисом во время службы во Внутренних войсках. Замечательный нож с несколькими лезвиями, отвёртками, шилом и т.п. Борис с этим ножом не расставался никогда. И нож этот сыграл ключевую роль в данной истории.

Вдруг он заметил.... Сначала Борис и не смог классифицировать, кого он заметил. Девушка? Пожалуй, уже нет, по возрасту и габаритам. Женщина? Дама? Но слишком быстро это существо женского пола двигалось ему навстречу, скорее,

даже неслось, по-мужски размахивая руками. Фемина, решил, наконец, Борис. И тут фемина приблизилась...

- Вы комендант?

- Почему Вы..., – но договорить не удалось, и понёсся словесный поток:

- Что же это такое? Ни одна розетка не работает, выключатель сломан. Я даже не могу погладить себе халат. Что я должна завтра делать, в мятом халате на занятия идти?

- Я не..., – пытался вставить Борис.

- Нечего оправдываться, мне всё равно, где Ваш электрик, в загуле, в отгуле! Сами его отпустили – сами исправляйте.

- Хорошо, идёте! – безнадёжно вздохнул «комендант». – Какая у Вас комната?

- Так бы и давно! Двести двадцать шестая!

Розетки работали, просто болтались на соплях, и их нужно было только закрепить. Выключатель тоже работал, хотя и искрил из-за разболтанного контакта. Пользуясь своим универсальным ножиком, Борис всё починил в две минуты.

- Вот и всё, пользуйтесь, Елена Юрьевна!

- Думаете, я в ножки Вам упаду от благодарности? Не дождётесь! И откуда Вы знаете, как меня зовут?

Борис усмехнулся. «Неужели она не заметила свой же раскрытый билет курсанта?» – подумал он.

- Всё знать о жильцах – обязанность коменданта. Всего хорошего! – сказал и удалился, насвистывая песенку из фильма «Девушка с характером».

Эпизод несколько не расстроил «коменданта». С самым благодушным настроением, предвкушая два месяца нормального сна, регулярного приёма пищи, увлекательной культурной программы, курорта одним словом, по сравнению с работой начмеда, двинулся он назад, к своей комнате.

Две леди, нет, скорее женщины близко к сорока годам, хотя одна из них и пыталась изобразить леди, шли ему навстречу. И

как их можно было назвать леди, если они вдвоём тащили тяжеленную сумку? Мужчина решительно шагнул им навстречу.

- Товарищи курсанты, позвольте вам помочь! И он осторожно высвободил сумку из их рук.

- Ой, спасибо, Вы так милы! Первый раз вижу такого галантного коменданта! – проворковала крашенная блондинка, как раз та, которая и пыталась своим видом изобразить леди.

- Спасибо, - скромно добавила вторая, жгучая натуральная брюнетка.

- Куда прикажите нести, дамы?

- Наша комната – 226, товарищ комендант.

«Курит, – подумал Борис, – оттого и цвет лица землистый и голос грубый». И, усмехнувшись, сказал:

- Знакомая комната. Почему-то все, кто туда селится, считают меня комендантом.

- Так Вы не комендант?

- Отнюдь, я всего лишь курсант. И почему же Вы приняли меня за коменданта?

- Элементарно, Ватсон! Вы в рабочей одежде, с инструментом в руках, рядом с комнатой, на которой такая табличка есть. Что же мы могли ещё подумать? Кстати, по какой специальности учиться будете?

- По педиатрии.

- И зовут Вас?

- Борис.

- А я Ольга, – сказала блондинка.

- Эльмира, – скромно проронила её спутница.

- Мы психиатры из Калинина. Чего же мы стоим?

- Действительно, – согласился Борис и, подхватив сумку, двинулся по знакомому маршруту.

- Люблю я психиатров, – торжественно произнёс педиатр.

- Всех вообще или нас конкретно? – сказала, конечно же, Ольга, а Эльмира снова промолчала. – И за что Вы нас любите?

- Да у психиатров есть всякие тесты. Ответишь на вопросы этих тестов, а потом и не узнаёшь себя. Очень смешно получается.

- А Вы честно отвечаете на вопросы?

- Честно стараюсь ответить честно.

- И у нас есть тесты. А Вы приходите к нам, часа через полтора. Мы приведём себя в порядок, достанем тетрадки и посмотрим на Вас глазами психиатров.

А вот и двести двадцать шестая комната. Борис постучал, дождался позволения и вошёл во главе процессии в комнату.

За эти несколько минут порядка в комнате не прибавилось. Везде были разбросаны предметы туалета, косметика, тетради и ещё многое другое.

- Большое спасибо, Вы нас очень выручили. Так мы Вас ждём через полтора часа, – сказала Ольга Борису и уже Елене:

- Привет, ты тоже психиатр?

Продолжения диалога Борис уже не слышал. Он отправился в свою комнату переодеваться.

А между тем Ольга взяла командование в свои руки.

- Откуда Вы знаете, что я психиатр? – спросила у неё Елена.

- Элементарно, Ватсон. Если на кровати рядом с труселями валяется учебник по психиатрии, то конечно ты не окулист.

- Вы уже познакомились с комендантом, даже в гости его приглашаете, не спросив моего разрешения.

- А ты не у себя дома и ещё не полночь. Что ни разу на курсах не бывала ни разу? Кстати, никакой он не комендант, а приехал на цикл по педиатрии.

Лена слегка покраснела:

- А я его почему-то за коменданта приняла. И заставила розетки чинить.

- И починил?

- Да.

- Вот видишь, мужик что надо. С таким можно дружить. Мы его тоже за коменданта приняли. Вот и надо загладить вину перед человеком. Накормим, напоим, подружимся. Так, девочки, доставайте, что с собой привезли. Ленка, ты займёшься уборкой, Эльмира дуй в магазин, потом по деньгам рассчитаемся, а я займусь готовкой.

- Оля, а что взять?

- Эльмира, я тебе поражаюсь, не пудри мне мозги. Взрослая баба, старше меня на два года, сама догадаешься.

- Про возраст могла бы и не напоминать. Я только насчёт выпивки, Оль. Шампанское брать?

- Если оно есть. А скорее не будет. Бери вино сухое, полусухое.

- А может он водку предпочитает, он же мужчина?

- И я предпочитаю, но при нём пить водку не буду. Чует моё сердце, что он не любит пьянящих баб. Купи на всякий случай и водку и вино. Если не сегодня, то в другой раз всё пойдёт в дело.

Работа у женщин закипела. И, когда Борис стучал в дверь, всё было уже готово к торжественному приёму.

- Добрый вечер, приятного аппетита.

- Добрый вечер, садитесь, поужинайте с нами. Кстати, Вы сейчас так одеты, что ни за что Вас не примешь теперь за коменданта. Садитесь, садитесь, даже неудобно Вас в таком костюме просто по имени называть. Как, величать-то Вас?

- Борис Бориславович Притыцкий, – сказал, усаживаясь, наконец, на кровать рядом с Ольгой, Борис. – А как там насчёт тестов?

- Ого, звучит красиво, под стать внешности. А я – Ольга Евгеньевна Майорова. А тесты будут, обязательно будут, но на сытый желудок.

- А Вы, обратившись, к Эльмире, – задал он вопрос из вежливости, как Вас пациенты зовут?

- Те из них, кто ещё способен на мыслительную деятельность, зовут её Эльмирой Марсовной Рахимовой, – ответила за подругу Оля.

- А меня коллеги называют Елена Юрьевна Макарова, а пациенты – тётя Леночка, – вступила в разговор Лена, всё еще смущённая недавней пикировкой с «комендантом». – Как у Вас папу интересно звали!

- Как моего родителя звали, я не знаю. Я детдомовский, меня подбросили, «приткнули» к Дому ребёнка в городе

Бориславе, отсюда фамилия и отчество. А имя подобрали к отчеству, чтоб было созвучным.

- Значит, Вы сын города Борислава? А где этот город? По географии была в школе пятёрка, но не помню, – любопытствовала Елена Юрьевна.

- Не мудрено, это небольшой совсем город, а находится он на Западной Украине.

- Так Вы западэнэць?

- Да, так нас на Востоке Украины называют.

- Ленка, хватит болтать, пора к делу приступать! Вот мы все и перезнакомились, – продолжала играть роль тамады Оля. – Давайте выпьем за знакомство! Борис Бориславович, наливайте!

- Девушки, я не пью!

- Как, совсем? Да какой Вы после этого мужик? Тем более, украинский мужик?

- Я так и знал. Если не пьющий, по-вашему – не мужчина и не украинец, тогда мне придётся соответствовать!

И он достал свой универсальный ножик, вытащил из него штопор и легко открыл бутылку с вином, плеснул каждому в стакан.

- За знакомство! – сказал Притыцкий.

- Чтобы наша учёба не мешала чувствовать нам вкус жизни! – добавила Майорова.

- Чтобы всё завершилось благополучно! – загадочно присовокупила молчунья Рахимова.

Лена на этот раз промолчала. Пить ей не хотелось, не выработала ещё такую привычку.

- Знаете, – разоткровенничался Притыцкий, – меня ещё во время службы во Внутренних войсках достали требованиями соответствовать их представлениям об украинцах. Пришлось выпивать, есть сало (а я его терпеть не мог). Хорошо хоть, что не принудили носить сорочку-вышиванку (устав не позволял).

- Отсюда и тяга к элегантным костюмам, в знак противоречия? И Вы в таком прекрасном костюме ходите по вызовам, где Вы его оторвали? – продолжала уделять внимание внешности Бориса Ольга. – Ну, Вы закусывайте, закусывайте!

- Я уже год, как не хожу по вызовам. Видите ли, год назад меня назначили начмедом. А костюм мы купили в Венгрии.

- Мы это кто и кто?

- Я и жена, вместе в Венгрию ездили.

- А жена у Вас кто?

- Участковый педиатр.

- Ну что ж, давайте по второй, Ваш тост, Борис Бориславович!

- За великое будущее наших дорогих дисциплин психиатрии и педиатрии и за наш будущий выдающийся вклад в их развитие!

- Оригинально, – промолвила Эльмира. – Вы от скромности не помрётете.

- Я не только о себе, - смешался Борис.

А потом бал тост «За тех, кого мы оставили, чтобы они не скучали без нас, как и мы не скучаем без них» (Ольга), «За наших учителей, чтобы они не мучили маленьких детей» (Лена), «За дальнейший рост благосостояния советских врачей» (Эльмира).

Под эти разговоры и выпивку жареная картошка с сосисками, морская капуста и нарезанные дольками яблоки показались Борису более вкусными, чем подаваемые женой под вечное ворчание её кулинарные шедевры.

- Ну и где же анкеты? – Борис вернулся к предмету первоначального интереса.

- Какой Вы торопыга! – Ольга приблизила своё лицо к его лицу. И неожиданно надавила указательным пальцем ему на нос. – Пип! Будут Вам анкеты! Эльмира Марсовна, давайте!

Борис инстинктивно чуть отшатнулся. Ему не понравилась фамильярность Ольги, но больше всего ему не понравился запах сигарет, который не смогли перебить французские духи «Исфаган».

«Эх ты, сама ты торопыга!» – зло сказала про себя Оля.

Эльмира достала тетрадку, исписанную каллиграфическим почерком, и стала допрашивать Притыцкого. Борис, подбадриваемый тремя психиатрами, пытался отвечать честно.

- Итак, подведём итоги, – сказала через десять минут Эльмира. - Интеллигентный, ранимый, застенчивый, страдающий от одиночества человек.

- Я же говорил, что все тесты на мне спотыкаются.

- Вот здесь я вынуждена согласиться с доктором, – вмешалась Майорова. – Это обаятельный, говорливый экстраверт, а застенчивый разве бывает экстравертом?

- Эти тесты никогда не дают ошибок, я ни разу не встречала ошибок по этим тестам, – безапелляционно заявила Макарова.

- «Не встречала она никогда ошибок»! Да ты работаешь без году неделя, да ещё ДЕТСКИМ психиатром, что ты можешь понимать во ВЗРОСЛОЙ психиатрии? – взвилась Ольга.

- То, что мы видим, это лишь маска, а в глубине души доктор Притыцкий именно такой, каким его показывает тест, – не сдавалась Елена.

Обстановка накалялась. И Борис попытался её разрядить:

- Коллеги, зафиксируйте ваши разногласия, и прервём научную дискуссию. Может, прогуляемся на свежем воздухе?

- А что, и прогуляемся! – сделав театральный жест рукой, согласилась пьянеющая Ольга. – Иди, одевайся, ждём тебя через полчаса.

Ольга и не заметила, как перешла на «ты». Как всегда, она не изволила спросить у своих товарок их согласия на совместные мероприятия.

- Потрясающий мужик! – сделав мечтательное выражение лица, обратилась к соседкам Ольга, когда за Борисом едва закрылась дверь. Молодой, симпатичный, хорошо одетый. Да ещё и начмед. Вот бы с таким закрутить!

- Он женатый, а ты замужем, – монотонно-нудно пробормотала Эльмира.

- Жена – не стена, отодвинуть можно. И я ж не в жёны к нему набиваюсь, хотя вот за него и замуж бы не отказалась! Такому козлу, как мой Мишка, рога будут к лицу. Что от него толку? Пиво да футбол, вот и все его интересы! А как до постели, как говорится, положит руку на п... и храпит на всю избу.

- Так Вы Борьку попробуйте в постель затащить! – съехидничала Лена.

- И попробую! А ты Ленка, молодая да глупая, не знаешь, какими мужья могут быть козлами! Выйдешь замуж, поймёшь. Когда ухаживал, цветы дарил, в театр водил...

- Ну, замуж я не собираюсь выходить. А Вы раскрутите Бориса на театр!

- Хоть одну дельную мысль за вечер сказала. А насчёт замужества все мы до поры до времени так говорим...

В пикировках полчаса пролетели незаметно. На удивление, женщины успели собраться за столь небольшой срок. И когда Борис вновь зашёл в комнату, осталось только надеть пальто, что и помог он им сделать с большой элегантностью.

Со смехом вся компания высыпала на улицу. Несколько минут они, как дети, бегали на морозном воздухе бросались снежками, скользили подошвами по не сколотому льду.

- Куда пойдём? – пытаюсь отдышаться, спросила Рахимова.

- А давайте, к метро, а там разберёмся!

- С шумом ввалившись в вагон подземки, продолжали они громко разговаривать и там, пока одна желчная старуха не пробурчала:

- Не стыдно, взрослые уже, небось, за тридцать!

- Извините, мы больше не будем! – улыбнувшись, сказал Притыцкий.

А Ольга, прижавшись к Эльмире, на ухо ей прошептала:

- А как приятно, когда тебя считают «за тридцать», когда тебе на самом деле «под сорок»!

- Особенно, когда тебе уже сорок! – добавила Эльмира.

Они вышли на первой попавшейся станции. Идя неспешным шагом и переговариваясь, подошли к какому-то театру.

Ольга подмигнула Лене.

- Ну-ка, ну-ка, что тут идёт? Угу, оперетта Дунаевского «Белая акация». И запела довольно приятным сопрано:

- Белой акации гроздь душистые

Ночь напролёт нас сводили с ума...

- Нет, это из фильма «Дни Турбиных» по пьесе Булгакова, – заметил Борис. – А тут другое.

И тоже запел:

- Когда я пою о любви без предела,
О людях, умеющих верить и ждать,
О гроздьях душистых акации белой,
Тебе я хочу своё сердце отдать...

И тоже получилось прилично. Проходящий мимо пьяненький мужчина богемного вида в распахнутом пальто с запорошённой сединой и снежинками головой громко захлопал в ладоши и крикнул:

- Браво!

Однако затем он приблизился к Притыцкому и громко прошептал:

- Но это же женская партия!

- Тогда мы хотим это посмотреть! – воскликнула Ольга. – Борис, вперёд за билетами!

Борис быстро вбежал по ступенькам в кассовый зал и через пять минут уже вернулся с билетами.

Они прошли к гардеробу, и тут Притыцкий хлопнул себя по лбу:

- Дамы, но ведь Вы же не взяли туфли!

- Нафига попу гармонь? – сказала Ольга. – А что в сапогах нельзя? Посмотри, тут полно баб в сапогах, не одни мы.

Борис удивлённо озирался по сторонам. И вправду, большинство представительниц прекрасного пола были именно в сапогах!

- Везде хожу по театрам и первый раз вижу, чтобы в театр леди ходили в сапогах. И в Нашем городе, и в Киеве, и в Северном городе, и Южном городе, и в Ленинграде всегда с собой туфли носят. Да и билеты! В Казани или в Южном городе на спектакль с такими актёрами ни за что в день представления невозможно взять билеты! А тут.... Да это не столица, а самая настоящая провинция!

- Да бог с ними, с этими московскими бабами! Пусть они себе ходят, как хотят и в чём хотят, а ты нам расскажи, раз ты такой театрал, что это за спектакль? Об чём он?

- О любви, о моряках и море, об Одессе.

Под смех и аплодисменты спектакль пролетел быстро. Были прогулки в вестибюле, очередь в буфете, рассматривание в бинокль публики, – всё как полагается у настоящих театралов. А потом, по дороге в метро, живо обсуждали увиденное и услышанное, пытались копировать артистов. Ольге, которая не курила уже пять часов подряд, всё сильнее и сильнее хотелось это сделать.

- Борис, ты, наверное, не любишь курящих женщин? – спросила она.

- Точнее не люблю, когда женщины курят, впрочем, и мужчины тоже.

- Тогда идите вперёд с Еленой Юрьевной, а мы тут с Эльмирой Марсовной немного покурим.

- Фу, – облегчённо вздохнула Лена, как только Притыцкий и Макарова отошли, – сто лет не курила.

И она жадно втянула в себя струю табачного дыма и затем медленно колечками стала выпускать его изо рта.

- Правильный, аж занудный, – сказала Эльмира.

- Немножко, впрочем, как и ты, – согласилась Ольга. – Вот была бы пара.

- Я таких не люблю.

- А пора бы хоть кого полюбить, не девочка уже! Всё сохнешь по своему Марселю, его не воскресишь.

- Слушай, отстань, а? И у тебя с Борисом ничего не получится. Ты старше его, да и любит он свою жену наверняка. Такие всегда жён любят.

Не слушая её, Ольга мечтательно сказала:

- А мне такой бы подошёл. Он бы дарил мне цветы, ездил бы со мною за границу, заставил бы меня бросить курить и отучил ругаться матом.

- Борис Бориславович, а что сказала бы жена, увидев, что вы проводите время с тремя женщинами, тем временем спрашивала Лена, взяв Бориса под руку.

- Ничего. Просто дулась бы и не разговаривала со мной три дня.

- Если Вы так говорите, значит, Вы часто даёте повод для ревности.

- Смотря что считать поводом. В педиатрии, Лена, почти одни женщины. Улыбнусь медсестре – повод, пообедаю с проверяющими – повод, потанцую с другой женщиной – повод.

- И как Вы на это реагируете?

- С юмором.

- А надо с любовью! Надо постоянно твердить ей, что Вы её любите, тогда и доверия больше будет.

- А я думаю, что это будет зря. От избыточного применения слова, как и деньги, девальвируются. Однажды она в очередной раз спросила меня, люблю ли я её. И я ей в сердцах ответил, что если разлюблю, она первой об этом узнает.

Перекур закончилась, компания воссоединилась и дружно зашагала к метро.

На лестнице между этажами они стали прощаться.

- Спасибо, Борис, за чудно проведённый вечер.

- И Вам спасибо, девушки. Целоваться будем?

- Конечно, с энтузиазмом воскликнула Майорова.

- Только в щёчку!

- Ну, хоть и в щёчку! – вздохнула Ольга.

По очереди Борис дотронулся губами до щёк всех троих. И только Ольга поцеловала его в ответ.

- Борис Бориславович, помаду сотрите! – засмеявшись, указала ему на щёку Лена Макарова.

- Спасибо, ответил Притыцкий и достал носовой платок.

Они не встретились ни на следующий день, ни через день. Женщины занимались психиатрией, а Борис – педиатрией. Занятия напрягали не здорово, но требовали определённого внимания. Бориса избрали старостой. Впрочем, его всегда кем-нибудь и куда-нибудь избирали или назначали, ещё с первого класса школы, когда школьная учительница назначила его санитаром.

Спокойно ходил он по утрам на занятия, затем в библиотеку, а часов в пять вечера возвращался домой.

Однажды, а это был субботний вечер, Борис пошёл на кухню, чтобы приготовить себе немудрёный ужин: яичницу с макаронами. У плиты стояла Макарова и жарила на сковородке картошку.

- Здравствуйте, Борис Бориславович! Вот готовлю на вашем этаже, а у нас там все конфорки заняты.

Это было неправдой, потому, что субботними вечерами те курсанты, которые жили в околomosковских областях, разъезжались по домам, и тогда на кухне бывало очень свободно.

- Здравствуй, Лена! Я вот тоже собрался. И не надо меня на Вы. На курсах так не принято. Здесь на Вы называют друг друга только крайние поколения: кому до тридцати и кому за шестьдесят.

- Но я и есть «до тридцати».

- Зато я не «за шестьдесят».

- Я столько наготовила, что не съем. Помогите мне! То есть помощи! - поправилась она, краснея, как будто после замечания учителя.

- А соседки?

- Да они уехали домой, ведь они из Калинина, а тут совсем рядом. А мне сказали, что уезжают, когда уже я картошки начистила на всех.

- Ну что ж, пошли ко мне, поедим вместе, не пропадать же добру. Бери свой готовый продукт и шагай за мной, а я возьму свой сырой материал.

- У меня в комнате есть морская капуста.

- Давай сначала занесём то, что есть на кухне, потом сходишь домой и принесёшь свою капусту.

С любопытством переступила Макарова порог комнаты Притыцкого. Там царил строгий порядок.

- Как у вас тут всё чисто!

- М-да! Грязь не люблю.

- А где Ваш сосед и кто он?

- Жора, врач-лаборант.

- Он тоже домой поехал?

- Домой, но не к себе. До Полтавы далеко, так он решил в Ногинск съездить домой к другому врачу-лаборанту.

- А этот другой врач-лаборант – женщина?

- Угадала. Они тут две ночи кувыркались в кровати, мешали мне спать, и я им, наконец, сказал, чтобы подыскали другое место. А тут муж этого доктора повёз их дочку на время её учёбы к своим родителям в Архангельск. Вот парочка и решила воспользоваться случаем. Ну, давай, Лена, уж поедим.

- Давай. А тарелки у тебя найдутся?

- Конечно.

Быстро была съедена картошка, морская капуста и килька в томатном соусе, которая нашлась у Бориса.

Уходить Макаровой явно не хотелось.

- Борис, а это твой альбом? – обратила она внимание на большой альбом, лежащий на тумбочке.

- Да, дембельский.

- А можно посмотреть?

- Ну, давай посмотрим.

Они взял с тумбочки альбом в светло-коричневом переплёте, на котором было написано «ДМБ 1973. ВЧ 19574».

- Что за абракадабра?

- Это не абракадабра, а аббревиатура: демобилизация, 1973 год и номер моей воинской части.

- А это ты такой важный, прямо генерал?

- Всего лишь старшина санчасти.

- А это кто такие? – полюбопытствовала Лена, взглянув на фотографию трёх улыбающихся друзей.

- В центре, как ты видишь, я, слева – комсорг роты – ефрейтор Тышкул, а с другой стороны – рядовой Михеев, мой лучший друг. Я с ними потом и в институте учился.

- А это кто такой надутый?

- Да не надутый он, ему зубы как раз лечили. Это – командир части, полковник Воробьёв Иван Иванович – строгий, но очень справедливый человек. А это солдатский фольклор, тебе он не будет интересен.

- Ну-ка, ну-ка, а вдруг... «Солнце раздевает женщин до купальников. Так выпьем же за мужчин нашего полка, которые

сильнее солнца!» – с отвращением прочитала Лена. – Как примитивно и гадко! Зачем ты всё это написал?

- Да это и не я писал, всем такие вклеили дембеля, что отвечали за фотографии. А что ты хочешь от солдат, не все они интеллектуалы!

- Борис, а что ты теперь делать будешь, время-то детское?

- Пойду на переговорный пункт. Теперь уж наверняка все дома.

- А можно, я с тобой пойду, хоть подышу свежим воздухом?

- Давай сходим. Иди, одевайся.

Прогулка длилась недолго – переговорный пункт был в пяти минутах ходьбы от общежития. Макарова на улице сразу взяла Бориса под руку. Он не выдернул руку, да и вообще не стал обсуждать это, однако она поняла, что ему такое её действие не понравилось.

Он опять позвонил всё тем же людям, что и первый раз.

Главный врач посетовал, что из 14 участков на 6 врачей нет, в том числе и Натальи Николаевны (жены Притыцкого) участок пустует.

- А с ней-то что случилось?

- А Вы не знаете?

- Нет.

- Я Вам удивляюсь, зная её характер, надо было ей сначала позвонить.

Борис сразу же позвонил домой. И по недомыслию сказал Наташе, что звонил сначала главному врачу. Это вызвало бурю гнева, обвинения в чёрствости, предположения, что звонил Борис сначала другой женщине, а вовсе не главному врачу.

- Одна ты у меня, Наташка, нет никакой другой, – сказал раздосадованный Борис и тут же запел в телефонную трубку песню на стихи Юрия Визбора.

- Ты у меня одна,

Словно в ночи Луна,

Словно в году весна,

Словно в степи сосна,

Нету другой такой...

Телефонистки и ожидающие клиенты улыбались.

- Дурак, – на прощание крикнула в телефонную трубку супруга.

С испорченным настроением вышел он на улицу, сопровождаемый Леной. На её сочувственные вопросы ответы следовали невпопад.

И опять они расстались на лестничной площадке между этажами. На прощание опять прозвучал вопрос, заданный на этот раз Леной:

- А целоваться будем?

Не дожидаясь, ответа Лена добавила:

– Это повысит тебе настроение.

И поцеловала его в щёку. Не дожидаясь реакции, пошла она домой, не сказав, что остался след губной помады.

На следующий день они якобы случайно снова столкнулись на кухне. И опять Лена предложила разделить с ней трапезу, мотивируя это тем, что приготовила много по привычке – не пропадать же добру.

На сей раз к столу были поданы макароны с котлетами. Макароны оказались слипшимися, котлеты прожаренными плохо. Макарова сетовала на судьбу, что и в институте ей приходилось готовить на всю комнату, и дома для папы с мамой, и для жениха де она готовит, и тут её впрягли.

- Лена, – заметил ей Притыцкий, стараясь сказать помягче, – надо соблюдать технологию приготовления пищи.

- Ты это о чём, Борис?

- О слипшихся макаронах.

- Макароны сделаны из плохой муки.

- А котлеты почему развалились?

- Фарш плохой.

- Лена, макароны мешать надо, когда их варишь, а когда фарш перемешиваешь, надо добавлять яйца.

- Откуда ты это всё знаешь, ты же мужчина? Наверняка дома не готовишь, когда начмеду готовить?

- А жена у меня участковый педиатр и тоже работает очень много. У нас так: кто первый приходит с работы, тот и готовит. Дети делают подготовительную работу: чистят картошку, размораживают мясо, нарезают салаты, а кто-нибудь из родителей готовит ужин.

- А сколько у вас детей?

- Двое. Богдану одиннадцать лет, а Олеся – восемь.

- А я ещё не замужем.

- Ничего, выйдешь!

- Когда? Мне уже двадцать восемь, а я всё одна и одна.

- У тебя же жених есть.

- Он ходит вокруг да около уже четыре года, а предложение всё не делает. Может потому, что я плохо готовлю? А ещё я толстая, папа всё время твердит об этом. Хорошо мой Витя устроился, ходит ужинать каждый день, а потом я его провожаю домой, чтобы хулиганы не обидели. Может быть, он и не бросает меня потому, что маленький, ниже меня ростом и ему уже тридцать восемь, а он всё ещё рядовой инженер. Кто на такого позарится?

- Всё это поправимо. Готовить можно научиться. Скажи маме, чтобы критически относилась к твоей стряпне, подсказывала, читай кулинарные книги. Насчёт толщины. После восемнадцати часов не ешь ничего, займись аэробикой, бегом, крути хула-хуп. А если твой Витя мямля, воспитай из него настоящего мужчину, всё в твоих руках.

- Да он безнадёжен. Поехали как-то мы в туристическую поездку в Прибалтику. Понимаешь, ночевали в одной комнате, так он и не пытался залезть ко мне в постель. Когда я его спросила почему, он мне ответил, что я же ему сказала, что не хочу ни с кем сексом заниматься до свадьбы. Представляешь?

- Учти, Лена, мужчина – не женщина. У нас другая психология. Особенности нашего мышления обусловлены гормонами, а они примитивнее, чем женские. Ведь на самом деле тебе хотелось, чтобы он попробовал, а ты бы его не пустила, разве не так?

- Конечно. А как же ещё?

- А он мужчина. И то, что вы, женщины, знаете от природы, ему надо объяснить словами.

- Вот ещё, не хочу. Надоел он мне. Найти бы такого, как ты, который всё понимает без слов. Слушай, а женись на мне!

- То есть как? Я же женатый уже.

- Да она тебя не любит.

- С чего ты взяла?

- Я подслушала ваш разговор на переговорном пункте.

- А уж это свинство.

- А я бы тебя любила. Ты бы исправил все мои недостатки. Я стала бы стройной, стала бы хорошей хозяйкой, и ты влюбился бы в меня.

Вдруг она стремительно пересела со стула к нему на кровать, притянула его голову к себе и крепко поцеловала в губы.

Первым желанием Притыцкого было надавать Макаровой по заднице и выгнать её из комнаты. Сдерживая свою ярость, Борис встал с кровати, пересел на стул и процедил сквозь зубы:

- Елена Юрьевна, ведите себя пристойно. Отвечаю Вам официально, жену люблю, недостатки её ей прощаю, потому что люблю, на Вас никогда не женюсь. Думаю, наше общение необходимо прекратить.

Макаровой крайне этого не хотелось, она даже испугалась. Волнуясь, Елена обратилась к Борису:

- Извини, Борис, это просто какой-то порыв. Я никогда ещё с мужчиной не целовалась, а мне уже двадцать восемь. Я больше никогда-никогда так не буду делать. Прости меня. Не прогоняй, пожалуйста. С тобой мне очень интересно. Давай останемся друзьями.

- Никогда не целовалась? – смягчился Борис. – А как же твой Витя?

- Четыре года назад, когда мы ещё только познакомились, он сразу полез целоваться, в первый же вечер, представляешь? А кто так делает? Естественно, я ему сказала, чтобы он так никогда не делал. И он, понимаешь, только через месяц решился поцеловать меня в щёку.

- Видишь ли, Лена, если ты что-либо говоришь мужчине, он может это принять за чистую монету и буквально выполнять твои

требования. Ты скажешь, чтобы тебя никогда не целовали, и тебя не будут целовать **никогда**. Если ты кому-либо скажешь, что никогда не выйдешь за него замуж, тебе может и не поступить повторное предложение, даже если мужчина тебя любит.

Неожиданно распахнулась дверь, и в комнату ввалился писанный красавец лет 30. У него было отличное настроение, подогреваемое изрядным градусом.

- Я, по-моему, не вовремя! Bonjour, madam. Позвольте Вашу ручку поцеловать!

- Привіт! Не чипляйся до дівчини. Це тобі не шльондра.

- А я хіба щось сказав? Извините, мадемуазель, предложение руки отменяется. Товарищ недоволен. А каков скромник! Каков совестник! Я же вижу, не помешал. Но не знаю, не помешал ещё или уже. Другим делаешь замечания, а сам тем же промышляешь! Мадемуазель, мне не разрешено целовать руки, но никто не запретит мне представиться. Жорж, врач-лаборант.

Он театрально поклонился.

- Елена, врач-психиатр, – в том ему представилась Макарова и сделала книксен. Извините, мне пора.

- Елена Юрьевна, зайду через полчаса, – сказал Притыцкий вдогон Макаровой.

Когда дверь за Леной закрылась, Жорж повернулся к Притыцкому и, ухмыляясь, сказал:

- Ну что за чучело! Ни рожи, ни кожи, ни сиськи, ни письки – один жир. Не мог лучше найти! У меня баба, так баба, а у тебя...

- А я и не искал. Сама ходит каждый день. Кстати, никаких замечаний по внешности твоей пассии я не делал. А Елена, да не моя это баба. Ничего в смысле секса у меня с ней не было и не будет. Жену люблю.

- Это ты сейчас говоришь, пока только занятия начались, а потом иное запоёшь. А не запоёшь, значит, ты – импотент.

- Моя жена не жалуется.

- Не будет у тебя практики, пожалуется. Кстати, могу я приводить свою бабу? Ты же свою приводишь!

- Приводить приводи, но насчёт трах-тарарах извини... И вообще отстань от меня. Я думаю, что у Елены есть сила воли, и она добьётся изменений своей внешности. Если ты приедешь на курсы через пять лет, то будешь облизываться, но она тебя и на пушечный выстрел к себе не подпустит. Ну, я пошёл.

- Трахаться в её комнате, раз я уже помешал?

- Кому що, а курці – просо! Нет же, страдалец ты наш, погуляем и всё.

Они погуляли в этот день и погуляли на следующий, постепенно Лена втянулась в его вечерние моционы, а затем – в утренние пробежки.

Однажды Борис после занятий отправился с курсанткой из своей группы покупать ей платье. Притыцкий вначале отнекивался, когда курсантка его попросила сопроводить её за этой покупкой, но она привела железные аргументы, выслушав которые Борис всё же согласился это сделать.

А аргументы были следующими:

- Борис – обстоятельный человек, он все достоинства и недостатки платья оценит как следует.

- Мужчине виднее, насколько хорошо платье смотрится на женщине.

- Всегда покупать носильные вещи с этой курсанткой ходил муж, а раз уж его нет, то пусть именно Притыцкий его заменит, потому что он руки распускать не будет.

Платье совместно было оценено, куплено, курсантка оказалась довольной и взяла слово с Бориса, что он обязательно пойдёт с ней за покупками, если ей что-то понадобится.

Борис по привычке готовился к совместному с Леной вечернему моциону, но прошло уже более поле получаса, а её всё

не было. «Наверное, надоело», – подумал Притыцкий и вышел на улицу один. И на утренней пробежке он был один. Прошло несколько дней, а она не появлялась. Борис испытывал уже облегчение, так как его несколько тяготила эта странная привязанность. Вечерами перед моционом он по полчаса стал петь. Это очень успокаивало нервы и давало прилив бодрости. Однажды вечером, пропев всего лишь пятнадцать минут, он вышел из комнаты и натолкнулся на Лену, которая стояла рядом с его дверью.

- Ты что стоишь и не заходишь? – удивлённо спросил он.

- А я слушаю концерт. Ты так много песен знаешь, особенно хохляцких!

- Украинских, – машинально поправил Борис. – Да зашла бы и слушала.

- Ты бы перестал петь.

- Не перестал бы. Ещё и дуэтом спели бы.

- Я слов не знаю.

- А со слухом у тебя как?

- Нормально, я ведь в музыкальной школе училась.

- Словам могу научить. А знаешь, пение мне даёт прилив энергии, особенно в трудных жизненных ситуациях.

- Как ты думаешь, почему я эти дни не ходила с тобой на прогулки?

- Теряюсь в догадках. Из-за месячных? Нет?

- Месячные здесь ни при чём. Просто я тебя видела несколько дней назад с какой-то бабой у двери магазина, торгующего женской одеждой. Кто она тебе?

- Лена, ты ревнуешь прямо в стиле моей жены. Разреши тебе напомнить, что ты мне не жена.

- Ты можешь просто ответить на мой вопрос? – рассердилась Макарова.

- Могу, но если ты таким тоном будешь с мужчинами разговаривать, сидеть тебе в старых девах.

- Борис, из-за тебя я разругалась с дамами из моей комнаты. Они узнали, что я с тобой встречаюсь, и всё время поддевают меня, особенно усердствует Ольга, никак не может успокоиться, что ты предпочёл меня. А когда Ольга узнала, что ты с какой-то

бабой ходил в магазин женской одежды, она сказала: «Так тебе и нужно, не будешь чужих мужиков отбивать».

- Я даже не буду сердиться, потому что это смешно. Вам просто делать нечего. Но для удовлетворения вашего любопытства скажу: по просьбе курсантки из моей группы ходил покупать ей платье. Она мне просто коллега, как и вся твоя комната, и больше ничего. Слушай, давай не будем! Я по этому поводу тебе уже всё сказал. Отбила ты мне настроение делать моцион, пойду-ка я в кино.

- И я с тобой.

- Ладно, только давай не будем сегодня о любви.

Кинотеатр был недалеко, минутах в пятнадцати ходьбы. Борис обратил внимание на походку Макаровой:

- Лена, не ходи ссутулившись и не махай руками, как на физкультурном параде! И почему такое мрачное выражение лица. У тебя ещё какие-то проблемы?

- У меня куча проблем. Бабы из комнаты не дают мне проходу из-за моей одежды: шуба у меня, видите ли, старая, платье, такое как у меня, никто не носит, сапоги давно пора выбросить. Говорят, что в таком барахле меня замуж никто не возьмёт. А я что сделаю? Это у них мужья: у одной – завбазой, а у другой лётчик был, пока не разбился. Они могут себе купить всё, что хотят, а мои родители кто? Всего лишь пенсионеры. Что я могу сделать, только плакать в подушку.

- Не надо плакать, а надо поставить себе цель, в данном случае выйти замуж, заработать денег, выглядеть другим на зависть. На пути встретится много препятствий, их надо преодолевать, а если не получается (временно, будем надеяться), то можно действовать тремя способами.

- Какими?

- Первый способ – по-обывательски.

- Это как?

- Ныть и жаловаться. А второй способ – по-королевски, то есть игнорировать то, что не подвластно твоей воле, а всем остальным царственно распоряжаться.

- Ну а третий способ?

- По-одесски, высмеивать это препятствие, создать вокруг этого шоу. Тебя обворовали, а ты смеёшься над ворами, говоришь, что тебе эта вещь и не нужна была. Тебя не повесили в должности, а ты говоришь, что и не хотела надевать этот хомут. Ты барышня с характером, можешь преодолевать препятствия.

- С чего ты это взял, все говорят, что я размазня.

- А я вижу по твоей фигуре. Мы с тобой только месяц рухавкой занимаемся, а ты уже килограмма на два похудела.

- А точно, я взвешиваюсь два раза в неделю на цикле. Ты заметил! Спасибо тебе за всё. А что значит «рухавка»?

- Физические упражнения, подвижные игры по-польски.

- А откуда ты польский язык знаешь?

- Из детского дома. Его директор Ядвига Яновна – полька,, она меня научила. Я, ведь, человек любопытный от природы, всё время к ней приставал с польским языком, вот и выучился.

- Вот и достиг больших высот из-за своего любопытного характера.

- Это ты о должности начмеда? Подумаешь! Ты с твоим любопытством большего достигнешь, запомни твои слова.

Второй месяц учёбы пролетел незаметно. Особых событий не происходило. Были занятия в институте, походы в театр, кино, на выставки, в музеи, на концерты. Соседки по комнате перестали доставать Лену, потому что она теперь не реагировала на их подначки. Спектакля больше не получалось, и им стало неинтересно.

А вот и день отъезда. Курсанты обменивались адресами и телефонами, обещали писать и звонить, сердечно прощались с преподавателями. Некоторые украдкой плакали, так как не сбылись их надежды. Всё было как всегда в подобных случаях.

Поезд Бориса отбывал на шесть часов позже, чем поезд Елены, и он приехал проводить её на вокзал.

Были разговоры обо всём и ни о чём. А вот и сигнал к отправлению.

- Борис, а можно я буду звонить тебе? – просительно заглядывая ему в глаза, сказала Лена.

- Звони, Лена, только не домой, ты же знаешь характер моей жены. Звони на работу в субботу, лучше с восьми до восьми тридцати, в это время на работе ещё никого нет.

С нетерпением ждала Макарова первую субботу после возвращения из Москвы. Заказала переговоры с Бориславом.

На вопрос матери, куда она звонит в такую рань. Лена ответила:

- Потом, мама, потом, дай сначала поговорю.

Как только Борис поднял трубку, Лена обрушила на него поток информации о том, что ей выделили новый кабинет, что Витя её поцеловал, что скоро будет аттестация, и она, возможно, получит вторую категорию.

Матери Лена с восторгом рассказала о Притыцком. Мать,, выслушав её рассказ, не поняла почему дочка так восторгается и со вздохом сказала:

- Леночка, наверное, пора тебе замуж.

- Выйду, скоро выйду мамочка!

- С трудом верится, Леночка.

Первое время она звонила каждую неделю, потом всё реже и реже. Несмотря на свою занятость, Борис каждый раз её внимательно слушал, давал дельные советы. Так продолжалось месяца три. Последний успех Лены, о котором Борис узнал, это поданные Витей и ею заявления в ЗАГС.

А потом его застукала за переговорами жена. В ту субботу жена дежурила по вызовам и зашла в административный корпус, чтобы передать Борису забытый им дома пакет с едой. Услышав за стеной голос мужа, она взяла телефонную трубу и всё услышала. Выволочку Боре Наташа решила задать сразу, не дожидаясь возвращения домой.

- Так и знала, что в Москве ты себе любовницу нашёл, – закричала она, ворвавшись в кабинет.

- Наташка, ты с ума сошла, а если кто услышит?

- Пусть слушают, пусть знают, какой ты бабник!

- Наташа, возьми себе в руки, у меня с ней ничего не было. Мы просто говорили по телефону. Тебе же какой-то Серёжа из Херсона звонил после курсов в Киеве.

- А у меня ничего с Серёжей и не было, просто я с ним в театр и в ресторан ходила, да и то не одна, а в компании.

- Вот и я так, причём в ресторан я и не ходил.

- А чего ж ты весь сиял, когда я зашла в кабинет?

- Ворвалась, ты хочешь сказать? А ты не сияла, когда твой Сергей звонил, плечиком водила, улыбка – рот до ушей? Цвела и пахла.

- Ладно уж, прощён на сегодня, но не смей с ней говорить больше! Слышишь?

Борис вздохнул, сел за стол, а Наташа с гордо поднятой головой отправилась по вызовам.

Сегодня необычно рано для субботы проснулись Елена и Женя Пилотович. Папа Витя оправился на свой завод, а мама с дочкой собрались делать генеральную уборку. На этот раз решили обойтись без домработницы, устроив ей дополнительный выходной.

Пятнадцатилетняя Женя, не по годам рассудительная, ругала маму за «бардак». Елена Юрьевна вяло оправдывалась своей должностью.

- Подумаешь, мама, ты вице-губернатор, но не президент же! Вон, Матвиенко, министр, а думаешь, у неё дома такой бардак?

- Женя, прошу тебя, не употребляй такое слово для обозначения беспорядка. А у Матвиенко я не была и не знаю, какой там у неё порядок. Давай лучше займёмся уборкой. Пройдись пылесосом по книгам.

Некоторое время Женя усердно обрабатывала книги, пока одна из них не свалилась с грохотом на пол. Девочка подняла книгу. Это была психиатрия. Из книги выпала вложенная туда фотография.

- А это кто мамуля? – обратилась Женя к Елене Юрьевне, твои бывшие пациенты?

- Ну-ка, принеси сюда.

Лена взглянула на фотографию, сердце кольнуло: с фотографии на неё глядели счастливые глаза трёх парней, трёх дембелей: красавца рядового Михеева, коротышки ефрейтора Тышкула и старшины санчасти Бориса Притыцкого. В распахнутых глазах парней радость ожидания путешествия по заманчивым дорогам гражданской жизни. Лена утатила эту фотографию из альбома Бориса в первый же вечер и не призналась ему, когда он у неё спросил об этом.

- Кто это, мам? – повторила вопрос Женя.

- Это мой двоюродный брат со своими друзьями во время службы в Армии.

- 1973 год! Боже мой, как давно это было. Я и не знала, что у тебя такой старый брат.

- Да, он старше меня.

- Мне кажется, что его не было на банкете по случаю твоего назначения на должность.

- Не было, но у него дочка как раз замуж выходила, и он не мог приехать, да и живёт он далеко.

- Где?

- На Украине.

- Так он хохол?

- Украинец, – машинально поправила Елена Юрьевна. Женечка, ты продолжай, а у меня что-то разболелась голова.

- Ну вот, так я и знала!

- А фотографию я возьму и вставлю ее, наверное, в новый альбом. Я совсем про неё забыла, – сказала мадам вице-губернатор и удалилась в свою комнату.

В своей комнате Лена упала на кровать и долго плакала, плакала о своей ушедшей молодости. Хотя она и выглядела в свои сорок четыре обворожительно, и от неё все мужчины из числа её начальников, знакомых, подчинённых случайных встречных были без ума, ей жаль было того времени, когда у неё не было ни высокой должности, ни мужа, ни любовника, ни случайных романов, ни машин, ни земельных участков, ни роскошных украшений, ни этой телесной красоты, но был человек, который всё знал, мог всегда ей дать дельный совет и всегда её понимал.

КАК ТАНЦУЮТ САЛЬСУ

Было не жарко, а просто тепло. С моря тянул освежающий ветерок, а не холодный ветер. А мимо и навстречу шли спокойные и доброжелательные люди. Никто не злился, не ругался вголос матом, никто не кричал, никто не глядел на него волком.

«Красота, можно сказать лепота», – думалось мужчине за пятьдесят, шедшему по набережной небыстрой, но лёгкой, пружинистой походкой.

Настроение у мужчины было самым радостным. Впервые за восемнадцать лет ему удалось вырваться из Северного города. И не в командировку, не на курсы повышения квалификации, а в отпуск! Эти жалкие восемь дней ему казались просто гигантским сроком. Прошло уже шесть дней. А он столько уже успел! Он был уже пять раз на пляже, дважды на Привозе, был в театрах, музеях, у всех родственников, повидался с однокашниками, помог тёте на даче и на толкучке – купить, что ей было надо. И вот он в Аркадии! Если в Нашем городе он не был восемнадцать лет, то в Аркадии целых двадцать пять! Тогда была встреча выпускников, и он забрёл сюда с однокурсницей, сбежав с этой встречи.

Аркадия и тогда, в полном соответствии со своим названием, казалась раем, а сейчас она буквально потрясла его. Море цветов, красивые деревья, курортный автобус на электротяге без окон, но с крышей, в котором можно бесшумно, обдуваемому приятным ветерком, из Аркадии прокатиться в Ланжерон. А по дороге к спуску на пляж обилие киосков с сувенирами, игровых комнат, аттракционов, кафе и ресторанчиков, от которых так вкусно пахло, и из которых неслась музыка. Лёгкая и беззаботная, она тоже повышала настроение.

А вот здесь стоял ресторан «Глечик», в котором он тогда со своей спутницей подпевал болгарским комсомольцам, когда те

пели «Песню о тревожной молодости». Но сейчас оттуда неслись совсем другие мотивы.

И внешний вид ресторанчика тоже ему понравился, хотя он и отличался от того, прежнего. Ресторан оформили в латиноамериканском стиле, в распахнутые двери можно было увидеть в глубине зала кубинский флаг и портрет Эрнесто Че Гевары. А ещё привлекло его внимание объявление: «Здесь танцуют сальсу. Каждый вечер с 19 часов вы можете присутствовать на мастер-классе несравненного КОНСТАНТИНА ГОНЧАРЕНКО. Проводится набор обучающихся за умеренную плату. Об условиях набора спрашивать лично у К. Гончаренко».

О сальсе герой рассказа, которого тоже звали Константином, ничего не знал, кроме того, что есть такой танец. Танцевать Константин не только сальсу, но практически ничего не умел, кроме двух разновидностей танцев вечеринок: «быстрый танец» и «медленный танец». Подумалось, что любопытно было бы взглянуть на эту сальсу и может даже попробовать. И дать кому-нибудь из посетителей фотоаппарат, чтобы сделали фотоснимок, а быть может и видеоклип, а потом показать всем желающим, разместить в «Одноклассниках» и получить пятёрки в «оценках» и страшно гордиться собой.

Но до начала вечера танцев оставалось ещё 6 часов. Есть не хотелось, поэтому в ресторан он не пошёл. И ничего ему не оставалось, кроме как отправиться на берег и поплавать, и полежать на пляже, и лениво почитать книжицу нашегородских анекдотов, которую ему накануне всучил за 40 гривен с дарственной надписью сам автор.

Но только он сделал первый шаг, как его внимание привлекла колоритная парочка, остановившаяся возле дверей ресторана.

Двое пожилых сельчан, муж и жена, громко спорили между собой.

- Кажу тобі, а я ВЖЕ хочу їсти! – громко заявил дедок.

- Отакої, вже і зголоднів! – возмутилась бабуся. – Ти ж добре попоїв рано.

- Так то було рано! Галю, моє слово тверде: як ти мене притягнула сюди, то тепер годуй хоч би і в ресторані!

- Іване, – нерешительно попыталась возразить Галина, – мабуть тут і не годують.

- А що ще роблять у ресторанах?

- А ти хіба не бачиш, що тут написано?

- А що? Я без окулярів не бачу.

- Тут танцюють якусь сальсу.

- Чого танцюють, сало?

- Сальсу. Це мабуть якийсь танець. Чуєш, музики грають?

- Та не може бути, щоб в ресторані і не годували! Ось питаємо у чоловіка.

И он обратился к Константину:

- А скажіть, товаришу, чи може, пане...

- Я Вас уважно слухаю, – чуть сдерживая смех, сказал Константин.

- У цьому ресторані можна попоїсти?

- І їсти і пити, і навіть танцювати, – і все можна, аби гроші були, - весело ответил «пан» Константин.

- А скільки грошей треба? – по-деловому спросила тётка Галина.

- Я так думаю, тітко Галю, що 10 гривнями не відбудетесь, а краще спитайте у дівчини. Он, бачте, дивиться на вас, – и он показал Галине на девушку-менеджера, которая, стоя в дверях ресторана, с интересом наблюдала за сценой.

- Тітонько Галю, дядьку Іване, – с сожалением прерывая спектакль, сказал Константин, – мені вже час!

Он церемонно откланялся и направился к спуску.

А на пляже была благодать! Константин Константинович расщедрился и заплатил за шезлонг, чего раньше никогда не делал, переоделся в кабинке, лёг и принялся читать анекдоты, некоторые из которых были с бородой, но всё равно их чтение доставляло удовольствие. Настроение продолжало улучшаться.

- Вы так заразительно смеётесь, – обратилась к нему дама с соседнего шезлонга, – что не могу не спросить, над чем?

- Да анекдоты, вот, читаю. Кстати, не хотите ли почитать, а я немного поплаваю? – и он протянул ей книжицу.

- Давайте, я всё равно ничего почитать не взяла.

Константин с наслаждением погрузился в уже хорошо прогретую воду, плавал и нырял там минут двадцать, а потом медленно, с удовольствием, ступая босыми ногами по песку, направился к своему шезлонгу, разглядывая издали свою соседку. «Тридцать восемь», – подумал он. «Сорок шесть, всё-таки, наверное», – поменял он своё мнение, подходя ближе.

Соседка хохотала не мене заразительно, чем он сам.

- Вы уже пришли? А я как раз по теме читаю, – сказала соседка, протягивая с сожалением ему книгу. Последите за моими вещами, пока я поплаваю?

- Конечно, а что за анекдот по теме?

- Какой Вы любопытный! – слегка зарделась она. – Вон там, на двадцать первой странице, прочитайте!

- Провожает муж жену в отпуск на юга, – начал вслух Константин, – идёт за отъезжающим поездом и даёт наставление вдогонку:

- Ты ж там не изменяй мне!

- Чего? – переспросила жена.

- Не изменяй мне!

- Не слышу!

- Не изме...

Бац, и стукнулся лбом о незамеченный им фонарный столб.

- Да, зае.... ты! – всердцах вскрикнул муж.

- И что же тут в тему, мадам? – обратился Константин к даме.

- Так и знала, что Вы спросите, вечно Вы, мужчины проявляете любопытство там, где не нужно.

- Считайте, что я пошутил, мадам!

- Да ладно уж. Когда муж провожал меня на отдых, он меня предостерегал от курортных романов, от знакомств с подозрительными личностями, давал мне наставления в духе своих приказов подчинённым.

- И кто у нас муж? Большой начальник?

- Генерал, служит в штабе Балтийского флота.

- Ого, на флоте и не адмирал, а генерал!

- Да, именно генерал, генерал-майор. Ну, я пошла.

И она пошла к морю походкой женщины, прекрасно понимающей, что ей смотрят вслед.

Константин Константинович даже и не пытался сосредоточиться на чтении. Он любовался сначала грациозной походкой, потом не менее грациозным плаванием, фырканием, брызганием. А потом не вытерпел и достал свой не самый престижный, но вполне надёжный “Pentax”, подкрался к берегу и начал фотографировать.

Практически сразу она это заметила.

- Эй, мы так не договаривались! – крикнула она ему издали.

Он смутился, покорно опустил руку с фотоаппаратом и ждал пока она не подойдёт, а потом брякнул, пытаясь разрядить обстановку:

- У меня глаза на затылке, мадам, никто Ваши вещи не сопрёт!

- Ну-ка, покажите, что Вы там нафотографировали! – сказала она тоном, не предвещавшим ничего хорошего.

- Извините, я всё сотру.

- Фотографировать надо уметь, особенно фотографировать женщин! Это редко кому удаётся, и всегда надо сделать несколько снимков, чтобы выбрать что-нибудь подходящее. Но вдруг у Вас что-то вышло, тогда отдадите мне карту памяти, а я закажу карточки. Ну-ка показывайте, как это у Вас? – она забрала фотоаппарат и по дороге к шезлонгу попыталась посмотреть. – Не получается. Сами откройте. Не сразу, подайте мне полотенце.

Вытершись и присев на шезлонг, начала просматривать снимки.

- Говорил мне муж: «Возьми фотоаппарат, пофотографируешь, сама сфотографируешься». А я ему: «Что, сама себя сфотографирую что ли? А случайным людям доверять не буду – только всё испортят!» Ну вот и права я оказалась... Это ерунда, сотрите, это то же, это гадость. А здесь что? Неужели я кажусь вам такой уродкой?

- Ну что Вы? Вы...

- Только не надо Ваших дурацких комплиментов! А вот это можно оставить. И это тоже, а в этих брызгах просто

замечательно. Слушайте, да Вы, я вижу, талант! Обычно из десяти снимков я бракую девять, а тут из пятнадцати четыре очень приличные! Сразу настроение поднялось! И, увы, тут же аппетит поднялся! Это единственный недостаток моего хорошего настроения: я хочу есть!

- Судя по Вам, настроение у Вас нечасто бывает хорошим!

- Это Вы считаете комплиментом? Лучше помолчите и сходите в какой-нибудь киоск, купите мне пару бутылочек «Перье», это минеральная вода французская...

- Знаю, иду.

- А я пока почитаю Ваши анекдоты.

Она легла на бок и сразу погрузилась в чтение, не обращая никакого внимания на Константина.

Через пятнадцать минут он вернулся. Она даже не взглянула на него, продолжая читать.

- Давайте!

Он подал ей пакет.

- Что Вы даёте?

- Извините.

Он достал маленькую бутылку, открыл и подал ей.

Она глотнула, подняла на него глаза и спросила:

- Константин Константинович, это что?

- Минералка, извините «Перье» не было. Это «Аква минерале».

Она улыбнулась.

- Да ладно, Вы молодец, что не пришли и не переспросили, а что же покупать, если «Перье» нет, и не поехали на такси в центр разыскивать именно «Перье», и не купили «Ессентуки». Практически каждый мужчина поступил бы не так как Вы.

- Я в затруднении разобраться в себе, мадам, рад ли я такому комплементу, когда меня хвалят, но подчёркивают, что я поступил не по-мужски.

- Да перестаньте. Угодить женщине – большое искусство, особенно, если не спрашивать её, чего же она хочет. И что Вы заладили: мадам да мадам. У меня и имя есть.

- Но оно мне не известно.

- Если бы Вы проявили чуточку сообразительности, то сами бы назвали его. Я же не называю Вас «мсье».

- Ну, в моём случае только ленивый не сообразит, как меня зовут, ведь книга подписана.

- Вы не простак, а не обратили внимание на монограмму на сумочке.

- Обратил внимание, ну и что? Елизавета Иванова? Екатерина Ильинична?

- Елена Иосифовна. Еврейка я, можно сказать стопроцентная жидовка. Опять Вы поступаете не по-мужски. Одни мужчины не замечают, а другие тут же начинают спрашивать или угадывать. А Вы один такой, по крайней мере, из тех, кто пытался меня клеить.

- С чего Вы взяли, что я Вас клею?

- А что там ещё в пакете. Ага, посмотрим. Пирожное песочное и банан. Опять не мужской поступок. Мужики, если они и понимали тонкий намёк, всегда мне приносили шашлык или хачапури, или пирожок. И к чему это, сладкое я уже ела сегодня, а мне толстеть не хочется.

- Ну и не ешьте, сам съем.

- А Вам вредно, у вас и так вес лишний. Вот мужу я сказала, чтобы он следил, сколько я съем, и он следил, буквально кусок изо рта вытаскивал. Ну что же мне голодать? Ладно, уж съем, я сегодня много находилась, и ещё мне предстоит ходьба. Только не надо меня фотографировать во время еды, пожалуйста! – Её голос стал твёрдым. – Это действительно мне неприятно. Это мне намёк, что я делаю из еды культ.

И она потянулась за пирожным.

- Что Вы собираетесь, Костя, дальше делать?

- Да полежу до 18-30, потом пойду... Тут есть ресторанчик, где сальсу танцуют. Потанцую.

- Совпадение. Я тоже обратила внимание на этот ресторанчик. И мне захотелось потанцевать. Но надоело тут уже лежать. Три часа уже тут лежу. Для кожи это вредно. Кстати, и для вашей тоже. Пойдёмте, прогуляемся, посмотрим тут всё, в Ланжерон съездим. Мужчины – существа противные, но иногда без них хуже, чем с ними. Вдруг кто начнёт приставать? Всё-таки

город этот знаменит своим криминалом. Отнимут всё, да ещё и изнасилуют, как обещал мне муж. Вы потом будете локти себе кусать, когда в местных новостях расскажут об этом. Представляете, включаете Вы завтра телевизор, а тут показывают мой труп и говорят: «Приезжу жинку знасылувалы, а потом вбылы».

- Приїжджу жінку згвалтували, а потім вбили, – механически поправил Костя. – Здесь такое бывает не чаще, чем в Вашей Прибалтике.

- Не идиотничайте, Костя, Вашей совести не всё ли равно будет, на правильной мове или с ошибками сообщат о моём убийстве?

- Идёмте, Елена Иосифовна, я уже устыдился, хотя и не собирался отказываться.

Оделись, он подставил свою руку, она механически оперлась на неё. Они, люди ещё два часа назад абсолютно незнакомые, пошли вместе об руку. А погода оставалась прекрасной, а солнце грело, но не припекало, а люди, как и три часа назад, были приветливы и улыбались, да ещё рядом шла красивая и умная женщина! Настроение продолжало улучшаться. «Интересно, подумал Костя, – а есть ли предел для улучшения настроения? Что ещё может случиться, чтобы оно ещё поднялось?»

Он глядел на неё во все глаза, а она, потупив взор, что-то насвистывала себе под нос. Он прислушался и едва слышно подхватил. Это была песня «А toi» из репертуара Джо Дассэна.

- Чудесно, это моя любимая песня и вообще я люблю Джо Дассэна. – сказала она. – Спишите мне потом слова.

- Конечно. Гляньте, вон комната страха. А давайте зайдём, посмотрим, чем нас собираются напугать.

- Давайте. Стоп, прочтите, пожалуйста, вслух. Вы так забавно читаете.

Стилизованной стрелой было «прибито» послание к двери комнаты страха. А в послании предлагались за пятнадцать гривен неизгладимые впечатления, запрещалось вслух выражать свои эмоции до окончания экскурсии под угрозой изгнания без возврата денег.

Что там было в этой комнате страха, рассказывать не буду. Только через пять минут Елена Иосифовна начала прыскать и вытирать платочком глаза, а через семь минут просто расхохоталась и была с позором изгнана. Константин Константинович, во всю улыбаясь, вышел вслед за ней.

- Ну, мы с вами и купились! – во всю хохоча, сказала Елена. – Развлечение обещали на полчаса, через семь минут выставили.

- Это ещё что, а вчера меня за минуту обул на 40 гривен автор книжечки с анекдотами. Подошёл ко мне на Дерибасовской, спросил, а не хочу ли я в подарок книжку от автора, а когда я согласился, он спросил, а не хочу ли я ещё и дарственную надпись на ней. Я с радостью сообщил ему, что коллекционирую автографы знаменитых авторов. А он, сказал, что польщён званием знаменитого и попросил за дарственную надпись 40 гривен.

- Типичный приём сынов маланского народа.

- Слушайте дальше... Я назвал его внуком Остапа Бендера и подарил бесплатно журнал со своим рассказом. А насчёт «типичного сына маланского народа»... Он носит типично «еврейскую» фамилию Москаленко.

- Да хоть Иванов. Знаете такой анекдот? В городе Хань, который когда-то назывался Нашим, на углу улицы Мао Цзэдуна, которая раньше называлась Дерибасовской и Дэн Сяопина, которая раньше называлась Карла Маркса, в кафе сидят два китайца и пьют кофе. Тут один другому и говорит: «Послушайте, Мойша!! По-моему, при русских было лучше. Мне надоело щуриться».

Порой мы так маскируемся, что друг друга узнать не можем. Пришли как-то к нам в гости три офицера, все евреи, между прочим. Мужа я послала в магазин. До его прихода сидим, треплемся. Тут один стал распространяться, как в армии угнетают евреев, как их увольняют ни за что, ни про что, а другие ему поддакивают. И привели пример с неким капитаном третьего ранга Давидом Шнеерзоном. Я слушала, слушала, а потом как выдам!: «Так, идн, только не надо ля-ля! Додик Шнеерзон – не жертва антисемитизма, а козёл. Напился пива, залил его водкой, обрыгал матросов, а когда они ему сделали замечание, ещё и

матом их послал. Один из них обиделся и спрятал какую-то деталь от пушки. Додик искал-искал эту деталь, да так и не нашёл. И снова напился. Муж это засёк и написал рапорт командующему. Вот вашего Додика и выгнали. А то, что он п...л в курилке о советской власти и президенте, так это никакого отношения к делу не имеет. Вы что, моего мужа в антисемитизме подозреваете? Интересно у вас получается: антисемит живёт с еврейкой». Один из них и спросил: «Лена, так ты айдышке?». Я так усмехнулась и говорю ему: «А кто же ещё? Я что, Жора, должна звезду Давида под декольте пришить или бандану с надписями на иврите себе на лоб напялить, чтобы ты догадался. Гоим зачастую бывают умнее, чем ты».

Напрасно соплеменник написал: «Дорогому коллеге Константину Константиновичу Михееву от автора»! Вы хотите сказать, что Вы писатель? Да Ваши повадки с головой выдают типичного рядового бюджетника. Это я Вам как психолог говорю.

- А как...

- А вот и трамвайчик.

- Но это не трамвай, это автобус.

- Костя не занудствуйте. Главное, что он отвезёт в место с загадочным названием Ланжерон. Ну-ка сфотографируйте меня!

И она села сзади на ступеньку автобуса, прямо под надписью «Аркадия – Ланжерон».

До отправления автобуса оставалось шесть минут. Константин быстро сделал серию снимков, дал и ей фотоаппарат, чтобы и она сфотографировала его. Несмотря на его заверения, что ему абсолютно всё равно, как он выглядит, лишь бы память осталась, она удалила все его фотографии, поскольку «это просто безобразия». А из своих десяти кадров, она оставила пять, опять подивившись, что такой получается хороший выход, лучше, чем у профессионалов.

Наконец водитель позвал пассажиров. Константин с Еленой уселись сзади, чтобы было удобно любоваться проплывающим мимо пейзажем. Костя тут же достал фотоаппарат и начал щёлкать всё подряд.

- А мне подарите журнал со своим рассказом, Костя?

- А у меня их больше нет, Елена Иосифовна!

- Да что Вы бестолковый такой, Костя? Почему всё время называете меня по имени-отчеству? Я что, выгляжу именно на Елену Иосифовну? А на Леночку уже не тяну? Ну, если кончились журналы, то перескажите мне рассказ сами, если помните.

- Да, помню. Ну что же, слушайте.

И пока они ехали до Ланжерона и потом возвращались в Аркадию, он читал ей по памяти свой рассказ. Читал, ни разу не сбившись, как будто перед ним лежал открытый журнал. А она его слушала, не обращая внимания на местные красоты, ни разу не перебив, с застывшим лицом, на котором уже не играла её саркастическая усмешка. Время от времени он щёлкал фотоаппаратом навскидку, запечатлевая буквально всё вокруг.

Рассказ окончился. Костя не стал спрашивать, понравился ли он Лене. И она ничего ему некоторое время не говорила. Они шли молча минуты три. Вдруг она остановились. Посмотрев ему в глаза, Лена сказала:

- Все Вы мужики законченные эгоисты. А ты бабник, я поняла по твоему рассказу. Большой ловелас и бюджетник, а никакой не писатель. Психолога не обманешь! Наверное, таких романов и интрижек, как описано в твоём рассказе, у тебя было немало. И меня захотел приобщить к своей коллекции?

Он слегка смутился. Свой рассказ К.К. Михеев считал, если и не шедевром, то хотя бы добротным и интересным психологическим чтивом.

- Да я и не утверждаю, что я писатель. Я действительно бюджетник, врачом работаю. А рассказы так, иногда пописываю. Их иногда в нашем местном литературном журнале печатают.

- Пописываешь, говоришь? А кто их почитывает?

- Читатели журнала, родственники, друзья.

- Велик ли гонорар? И как журнал называется?

- Гонораров нет никаких, журнал существует за счёт помощи властей нашего региона, а называется он «Литературный северянин».

- Никогда не слышала о таком.

- Всё бывает впервые. Конечно это не «Нева», не «Литературная газета», но пишут хорошо, мне, например, читать интересно.

- И что ты хочешь сказать, что ты из Северного города?

- Да, я оттуда. А здесь я учился в институте. Вот приехал в отпуск к тётё и однокашникам.

Она снова взяла его под руку, и они опять медленно пошли к ресторану, где им обещали загадочную сальсу.

- А я к двоюродной сестре мужа приехала. В будущем году юбилей, муж пообещал мне тур по Израилю и в Испанию тур оплатить, а в этом году отправил в Наш город. Он вообще догматик. Если сказано, что еврей должен побывать в Нашем городе, прежде чем в Израиль поедет, так это и нужно делать всем без исключения. Вот и отправил меня сюда маланского духа набираться. «А то какая ты у меня еврейка? – сказал он. – Идиш ещё с пятого на десятое понимаешь, а в иврите ни в зуб ногой».

- А он тоже еврей?

- Если бы! Он немец, Кальтенвассер. И берётся этот фриц о жидах рассуждать! А представь себе, забавная пара: фриц унд жидовка!

- Так Вы Елена Иосифовна Кальтенвассер?

- Что за мансы? Костя, моему возмущению твоим буквоедством нет предела! Ты что же, будешь меня теперь на Вы да Еленой Иосифовной величать, пока на брудершафт не выпьем? А я, между прочим, не пью спиртного совсем. Так и не услышу я нормального обращения? Ну, Костя, что надо сказать?

Он слегка покраснел и выдавил из себя:

- Хорошо, Леночка, буду тебя на «ты» называть.

- Вот молодец! – сказала она таким тоном, как говорят маленьким детям, когда дают конфету за прочитанное стихотворение и погладила его по голове.

Тут Елена обратила внимание на витрину магазина, что притаился в ста метрах от ресторана с сальсой. В витрине стояли манекены в одежде восемнадцатого века. Вывеска гласила: «Пошив, продажа и прокат старинных костюмов».

- Какая прелесть! – воскликнула Лена. – Костя, давай зайдём, – добавила она и буквально потащила его внутрь.

Любительница старинного костюма ходила от одного манекена к другому, восхищалась, прикладывала костюмы к себе, некоторые даже мерила. О Косте Елена Иосифовна, казалось, забыла совсем. Косте стало скучно. Он воспитанно улыбался, складно отвечал на все вопросы, оставаясь равнодушным к самому действию.

- Вот я выбрала, – и она указала продавщице на два платья.

- Костя, ну как они тебе? Себе что-нибудь выбрал? – затем спросила у Михеева Лена.

- Лена, я ничего в них не понимаю и не представляю, для чего они мне могут понадобиться: в исторических фильмах не снимаюсь, на губернаторские балы не хожу. А ты, по-моему, в своём нынешнем платье выглядишь лучше.

- Вот именно, ты ничего не понимаешь в женщинах вообще, а в женской одежде особенно. Дочка меня считает себе ровней. Она собирала мне чемодан, положила только короткие платья с вырезами и не положила джинсы.

- Я думаю, что она была права, ведь нельзя скрывать такую красоту, ноги у тебя очень красивые.

- Ты ещё туда же! Что мне восемнадцать лет, чтобы ходить с голыми ногами и спиной и мужиков приманивать? И так от них отбоя нет! Не смей меня поучать, что мне носить!

- Но ты сама спросила совет, и я дал его тебе.

- Да ну тебя!

- Итак, – Лена обратилась уже к продавщице, – я беру эти два платья. Сколько будет стоить? Тысяча гривен, по-моему?

- Да.

Она достала кошелёк и стала медленно вытаскивать и считать гривны. Попадались всё больше мелочь:

- Двести, двести двадцать, двести двадцать пять, двести двадцать шесть, триста двадцать шесть, триста двадцать восемь....

Продавщица, вздохнув, приготовилась ждать долго. Казавшаяся толстой пачка гривен таяла очень быстро. Стало ясно, что тысячи там не будет. Кальтенвассер заметно нервничала:

- Наверное, дома я забыла две пятисотки. Девушка, Вы рублями возьмёте?

- А куда я их дену?

- В обменнике поменяете. Или вот евро может, возьмёте?

- Нет, я тут одна, уйти не могу, а деньги инкассаторам через полчаса сдавать.

- Не надо выдавать ваши секреты, – сказал Костя, наставительно подняв палец вверх. – А вдруг мы жулики.

- Ага, похожи, – усмехнулась девушка.

Костя достал из барсетки две пятисотки и уже собирался дать продавщице, как Лена прошипела:

- Убери.

- И, взяв его за руку, вытащила его из магазина, бросив продавщице через плечо:

- Я передумала, девушка, извините.

Выйдя на улицу, она неожиданно мягким для разговора с ним тоном (привыкший к её резкости Михеев даже слегка удивился) сказала:

- Костя, ну к чему ты? Как бы я тебе деньги отдала?

- Прислала бы из своей Прибалтики.

- Я такая, что и забыть могу. А жена тебя пилить будет, что без денег вернулся. Будет подозревать, что на баб тут потратил.

- Да нет никакой жены, пятнадцать лет как разошлись уже.

- Ну не может такой бабник быть без женщины. Значит любовница или сожительница. Кто ты по гороскопу?

- Не знаю, я в гороскопах не разбираюсь.

- Первый раз такого бабника вижу, который не использует гороскоп для запудривания мозгов женщинам. Это же отличная тема для разговора, отличный способ закадрить глупую тёлку, которая в астрологии ни бэ, ни мэ.

Подходишь к какой-нибудь глупой сексапильной кошёлке у себя на работе: к сестричке или докторице и говоришь ей: «Сегодня по гороскопу Павла Глобы у Льва и Овна неплатоническое продолжительное свидание ночью». Она к тебе и прыг в постель.

- Глупых не люблю, какими бы сексапильными они ни были.

- Ладно, хватит болтать, пошли уже на мастер-класс к несравненному твоему тёзке.

Они чуть ускорили шаг и подошли к ресторанчику без десяти минут семь. Странное дело, народ не валил потанцевать сальсу. Когда зашли внутрь, оказались единственными посетителями.

- Добрый вечер, – обратился Константин Константинович к девушке-менеджеру, вышедшей им навстречу.

- Добрый вечер, желаете отдохнуть?

- Желаем и отдохнуть, и покушать, и послушать музыку, и потанцевать сальсу, но не видим тут никакого мастер-класса, набитого прилежными учениками.

- А ещё без десяти минут, да и потом, откровенно говоря, Гончаренко постоянно опаздывает, может минут на двадцать-тридцать позже прийти, он ведь звезда – даёт уроки в нескольких местах. Да Вы присядьте пока, я вам принесу меню, а потом может они и соберутся.

Константин и Лена заняли столик в середине зала и принялись вертеть головами, рассматривая интерьер.

Вскоре подошла девушка с меню, приветливо улыбаясь Косте, сказала:

- А я Вас узнала, Вы тот, кто бабку с дедом из села в обед к нам направили. Ну, с ними и морока была!

- Каких ещё бабу с дедом ты сюда направил? – улыбнулась Лена.

И девушка с Костей, хохоча и перебивая друг друга, начали пересказывать недавнюю историю.

- Как только Вы ушли, дед буквально затащил бабку в ресторан, - продолжала девушка, – силой посадил её за стол. Я, вся такая, подхожу к ним и вежливо спрашиваю, будут ли они отдыхать. А дед и говорит: «Нема коли, дочко, відпочивати, ти нам їсти неси! Той жевжик казав, що хоч тут і танцюють якесь сало, але попоїсти теж можна, аби гроші були».

Костя громко расхохотался:

- Это я-то жевжик?

- Видимо да.
- А кто такой жевжик? – поинтересовалась Лена.
- Франт, щёголь, пижон, – смеясь, ответил Константин.
- Особенно последнее, – усмехнулась Лена.
- Слушайте дальше... А бабушка стала промакивать платочком глаза, как будто плачет, скорчила рожу и спрашивает: «Дочко, а скільки грошей треба?» – «Зараз принесу меню, – отвечаю, – подивитесь». – «Сама розкажи, дівчино, – сказав дед, – очі вже не бачать, а окулярів я не взяв».
- Накормила я их с грехом пополам борщом и варениками да компотом, а потом они целый концерт устроили, когда пришлось расплачиваться.
- И что же, дед одарил Вас сверхбольшими чаевыми?
- Да какими там чаевыми! Всего-то выписала я им счёт на 29 гривен. А бабушка достала кошелек откуда-то из нижнего белья, считает, а руки трясутся, всё приговаривает, что дорого. Насобирали всякой мелочью 28 гривен и 20 копеек, отводит меня в сторону и шепчет так трагически: «Більше не можу, дочко, бо мені грошей не вистачить». А у деда слух хороший оказался, как стукнет по столу кулаком, как гаркнет: «На шо тобі грошей не вистачить?». Бабушка как гаркнет на него тоже: «Та спідницю мені треба купити!». А дед ей: «Та у тебе тих спідниць, як блох у Сірка». – «Вони ж усі старі». – «А ти шо, дуже молода? Зший собі сама, у тебе і машинка є».
- Слушала я, слушала, а потом себе тоже как гаркну: «Та цитайте ви! Давайте гроші, хоч скільки є, а то зараз міліціонера покличу!». Едва от них избавилась.
- Лена, извини, мы тут по-украински много говорили, а ты, может, не всё понимаешь...
- Ой, простите, – сказала девушка, – а я думала, что Вы понимаете.
- Представьте себе, практически всё понимаю, одно слово только сомнение вызвало, что-то из одежды...
- Спідниця?
- Именно оно. Это что, нижнее бельё?
- Юбка. Слушай, Лена, а у тебя выдающиеся лингвистические способности! Не всякий...

- Ой, да вы выбирайте, а мне на кухню заглянуть нужно, – перебила их девушка. – Всё, что в меню написано, у нас есть. Что-то Гончаренко не торопится.

- Катя, а можно мы сами потанцуем сальсу, пока никого нет? - спросил Костя.

- Я Таня, а табличка на столе – моей сменщицы. Танцуйте, конечно, кто же Вам помешает. Вон сколько места, на 20 пар рассчитано.

И она быстро удалилась на кухню.

- Костя, давай сначала выберем, а потом потанцуем, пока принесут.

- Давай, Лена.

Выбирала Лена, практически отстранив от выбора Костю. Она решила заказать два салата: мясной и чисто овощной, с презрением отвергла минералку, предпочтя фрэш, посмеялась с Костиного желания взять по 3 кусочка хлеба («Тебе и одного много будет»). Но по одному пункту и Костя проявил твёрдость – он решительно выступил против желания Елены заказать пирожное.

- Ты же сама говоришь, что тебе нельзя.

- Ты прямо как мой муж. Очень ты занудный мужчина. Ладно уж, не буду. Иногда даже хорошо, если рядом с тобой такой зануда, по крайней мере, не превратишься в корову. Так, спиртного я не пью, говорила уже, а ты?

- И я не пью совсем.

- Надо же. Практически идеальный мужчина. Видимо поэтому и недоумеваешь, почему тебя жена бросила. Ну не хочу больше ждать, сходи уж за официанткой.

- А я уже иду, – воскликнула «девушка на все руки», увидев приближающегося Михеева.

- Таня, – спросил у неё Костя, – а как танцуют сальсу? А то не хочу я оскандалиться перед дамой. Сказал я ей, что умею, а сам никогда и не видел, как это делают.

И он ловко положил в карман её передника 10 гривен.

- Ну, вообще-то я не учительница танцев, ну да ладно уж, расскажу – покачивают бёдрами, двигают ногами, размахивают руками, он её придерживает то за талию, то за плечи, крутит

вокруг своей оси; держась за руки, они поворачиваются друг к другу спинами. В общем, ничего сложного.

- Действительно. Танюша, а давайте вы сфотографируете нас, когда мы будем танцевать.

И снова десятка зашуршала в карман Тани.

- Хорошо, давайте свой фотоаппарат.

Когда заказ был принят, Костя встал, церемонно поклонился Лене и сказал:

- Мадам, я ждал этого мгновения целых шесть с половиной часов.

- Но Костя, – сказала она, медленно вставая, – я не знаю, как это делать, я никогда не танцевала сальсу.

- Ничего сложного, Леночка, нужно дрыгать ногами, размахивать руками, вертеть тухесом, вертеться вокруг своей оси, держа друг друга за руки. А Танечка нас сфотографирует – я уже договорился.

И он махнул Тани рукой.

- Костя, а ты тоже немножечко из наших, из маланских?

- Леночка, если человек знает что такое тухес, то не обязательно он еврей. Я русский сын украинского народа, учившийся в городе, где полно и наших, и ваших. Смотри, повторяй за мной.

Он сделал несколько замысловатых движений, подходящих, по его мнению, под Танино описание сальсы. Когда Таня подошла, он сунул ей в руки фотоаппарат, успев шёпотом спросить:

- Ну как, похоже?

- Отдалённо, но какая разница? – так же, шёпотом, ответила Таня.

- Леночка, давай, давай!

Елена Иосифовна, наконец, решила начать. Вначале она только повторяла па Михеева, потом и сама начала импровизировать. Всё получалось чудесно, элегантно и весело, хотя скорее напоминало смесь твиста и шейка, а не сальсу.

Через семь минут стремительных, но вместе с тем лёгких телодвижений Костя, подмигивая, спросил:

- Не устала, Леночка?

Делая падающий назад, на руки партнёра, как это принято в танго, наклон, Лена прерывисто сказала:

- Танцуем дальше, Костя! Смотри, не урони меня.

- Какая красивая пара! – вполголоса сказал вышедший из подсобки повар с интеллигентным выражением лица, обращаясь к увлечённо фотографирующей Татьяне. – За сорок уже, а так хорошо танцуют.

- Впрочем, – после секундной паузы продолжил он, – ей может быть нет и сорока.

- Наверное, всё-таки есть, – поспорила Татьяна, не переставая фотографировать, даже скорее есть сорок пять уже. Следит просто за собой женщина, но манера разговаривать, взгляд, всё прочее, одежда, сумочка, которую молодая не будет носить, всё это за себя говорит.

Так они танцевали минут пятнадцать, а потом, пока не принесли заказ, ходили по залу и рассматривали интерьер, который состоял из кубинского флага, пейзажей Кубы, фотографий танцующих сальсу, портретов кубинских руководителей, цитат из их речей. Все эти изречения, а их было немного, Костя переводил Лене.

- Всегда завидовала людям, которые знают не один язык. Вот поеду я в Израиль, а потом ещё и в Испанию. И что я буду делать там без знания языков? Хотелось бы выучить, но нереально за год выучить иврит, да ещё и испанский.

А ты усовершенствуй английский. А с русским и английским в Израиле не пропадёшь: четверть населения знают русский, а английский – почти 100%, да и в Испании полно людей, владеющих английским.

- Тут не совершенствоваться, а заново учить надо. К своему стыду, я английский полностью забыла, хотя в школе у меня пятёрка была. Не знаю как учить. Пробовала я немецкий язык с мужем учить, но он своим занудством и педантичностью убил у меня интерес, я стала раздражаться, да и послала его вместе с немецким языком к чёрту. Надо, наверно, купить хороший самоучитель, но как не прогадать?

- Лучше купить компьютерную программу с обратной связью, тогда тебе после выполнения задания будет подсказка, правильно ли ты его выполнила.

- Ручка у тебя есть? Дай запишу.

- Не надо записывать, я тебе пришлю, в Северном городе видел такие.

- Я не сумасшедшая давать тебе адрес, высылай на главпочтамт до востребования. Я не хочу давать повод для ревности мужу. А вот и наш заказ, пошли за стол.

Еда показалась чрезвычайно вкусной, ели медленно с расстановкой, с обсуждением получившихся фотографий, большую часть из которых Елена Иосифовна удалила.

- Явно эта девица не обладает твоими талантами. И не присылай мне, пожалуйста, фотографий, где мы вдвоём.

- Всё понятно, я не маленький. А жаль. Слушай, а здорово мы вместе получились. Я услышал, как она с поваром нас обсуждала.

- Я тоже слышала. Всему хорошему бывает конец. Я так много давным-давно не ела.

- Цимес! – сказал Константин.

- Вот именно. Как бы мне с этого цимеса не поправиться!

- После таких танцев это навряд ли.

- Будем надеяться. Пора, зови официантку.

Оба сердечно попрощались с Таней. Михеев оставил ей более чем приличные чаевые.

Медленно шли они в сторону трамвайной остановки.

- А мне ведь действительно пора, – сказала Елена. – Вдруг Надя доложит мужу. Мне на Слободку. Так что дождусь своего трамвая и прощай, бабник! Послезавтра уезжаю к себе.

- А мне – на посёлок Котовского. Так что пока не прощаюсь. Будем ехать в одном трамвае.

Подошёл трамвай. Они сели рядом и смотрели в окно, не разговаривая друг с другом. Но когда за окном проплыла киностудия «Нашфильм», Костя вскочил и с возгласом: «Выходим, Лена!» увлёк её за собой.

- Куда ты меня тащишь? – рассмеялась она.

- Не бойся, не насиловать. Пошли, сфотографируемся у входа в киностудию – типа того, что из студии выходят знаменитая актриса и выдающийся режиссёр.

Она рассмеялась:

- А давай!

Они подошли к парадному входу, успели сделать по несколько снимков, как услышали ораание, отдалённо напоминавшее пение. Ораание медленно приближалось. И уже можно было видеть его распространителя. Смуглый мужчина около пятидесяти с чёрными вьющимися волосами изрядно навеселе уже допевал песню «Одиннадцатый маршрут»:

- не в силах мне помочь метро:

Между звёзд проходит кривая маршрута моего, маршрута моего, маршрута моего... Эх, заело пластинку!

- А что дальше, дальше что? – обратился он к Константину Константиновичу.

- Припев.

- А какой?

- А ты не знаешь, а ты не слышишь мою печаль, мою печаль....., – неожиданно сильно и красиво запел Костя.

- Понял, – сказал прохожий и подхватил вместе с Костей, на этот раз без кривляний. – А я такой, что за тобою могу пойти в любую даль.

Когда песня закончилась, речь прохожего снова стала косноязычной.

- А кто это пел? – шатаясь, спросил он.

- Мы с вами.

- Я не в смысле сейчас, а на советской эстраде.

- Анатолий Королёв.

- Да, сейчас забыли Анатолия Королёва. Кстати, не узнаю Вас в гриме. Вы кто? Вахтанг Кикабидзе?

- Он самый.

- Буба, какими судьбами в нашем городе? Почему прячетесь от поклонников?

- Вах, генацвале! Они мне надоели.

- А пани наминает мне Юлию Рожевскую. Вы, Вахтанг Константинович, конечно же, помните композитора Юлию Рожевскую, которая сочинила прекрасную песню? Её пел ещё Дмитро Гнатюк.

Голос пьяного снова окреп и стал чистым и могучим:

- Я вірю – повернется щастя,

З тобою зустрінемось знов.

Ти скажи чи не згасла, ти скажи чи не гасла, ти скажи чи не згасла любов...

- Юдифь, – возразил Михеев.

- Что изволили сказать? – спросил прохожий.

- Музыку к романсу «Летят, ніби чайки...» написала Юдифь Рожавская.

А общее с моей спутницей у Юдифи Григорьевны только то, что они обе умные, красивые и обе в очках, да может ещё то, что обе одной национальности.

- Да и ваша девушка, наверное, композиторше по возрасту только во внучки годится. Видел я пани композиторшу по телевидению в своём детстве, когда песню только что сочинили, сейчас взглянул на эту красавицу... Ну как две капли воды... Всё, ребята, здоровья, успехов в личной и творческой жизни, а я к своей ненаглядной. Приготовила она, наверное, чем меня бить и чем кормить.

И он медленно пошёл прочь, хрипло выкрикивая «Восточную песню».

- Слушай, а не охота мне домой возвращаться. Вот я здесь десять дней здесь, а что я видела? – вздохнула Лена. – Утром просыпаюсь, пока умоюсь и оденусь, пока приготовлю завтрак, пока посижу в Интернете, пока схожу в магазин или на рынок, пока сделаю уборку, а тут и обед, а после обеда полежать хочется. Там глядишь, и четыре часа уже – пора готовить ужин. Так устаю, что немного посмотрю телевизор, а потом – спать. Один раз только на пляж ходила, да сегодня – второй. Хотела и по театрам ходить, и филармонии побывать, и украшения себе посмотреть, и в книжные магазины ходить. Но вышло...

В сумочке зазвонил телефон. Он звонил долго, а она всё не могла его найти. Чертыхнулась, вывернула всё содержимое

сумочки на скамейку. Телефон тут же нашёлся, но замолчал. Взглянув на дисплей, она чертыхнулась ещё раз.

- Дочка звонила. Может что-то случилось? А у меня денег на счету очень мало.

- Вам надо денег? Их есть у меня. Лена, звони с моего. Мой счёт в полном порядке.

- Да, спасибо, сейчас позвоню, – нервничая, поблагодарила она.

В этом состоянии она начала беспорядочно всё засовывать назад в сумочку. Вбросила Лена машинально и телефон туда, но тут же достала его снова. А вдруг дочка позвонит. Со скамейки на землю упали две маленькие коробочки. Елена посмотрела на них презрительно и с раздражением сказала:

- Вот дура!

- Кто? – не понял Костя.

- Да дочка! Она считает, что я рассеянная и собирает всегда мне вещи в дорогу. Взяла и положила мне презервативы! Плохо она о своей маме думает.

- Я думаю, что она хорошо думает о мужчинах, которые такую красавицу не пропустят...

- Ладно, давай телефон!

Едва только прошло соединение, на дочку выплеснулась тревога и раздражение:

- Алло, Кристина!

.....

- Да какая разница, просто скажи, у тебя всё в порядке?

....

- Ты дома или у себя?

....

- Я просто отключала телефон. Зашла в ресторан, а там музыка играет.

.....

- Да, с мужчиной, потому что тёте Наде не хочется со мной ходить – она на работе устаёт. И мне не охота таскаться к её подругам, слушать пьяный бабский трёп.

....

- Так, познакомились на пляже. Твой «подарок» не пригодился. Я не давала тебе повода так думать о своей матери.

....

- Ой, да придумай что-нибудь сама, например...

И она вопросительно посмотрела на Костю.

- Театр оперы и балета, - подсказал он.

- Кристина, скажи, что я была в оперном театре, а телефон отключила, чтобы не мешал представлению.

....

- Ой, всё потом расскажу. Нет, ничего не было и не будет. Пока, целую.

....

- Да, уверена.

Елена поблагодарила Костю, вздохнув, вернула ему телефон:

- Спасибо. Теперь уже и не понятно, кто из нас мама, а кто – дочка.

- Лена, ну что ж, надо ехать в театр, – сказал Константин.

- Ты шутишь, наверное, какой театр, там всё уже к концу подходит.

- Посмотришь, пропитаешься духом, потом с восторгом перескажешь Наде и мужу. А до конца спектакля ещё полчаса. Заходить внутрь не будем. Сделаю снимок тебя на фоне театра, скажешь, что внутри снимать не разрешают. Это правда.

Тут же достал мобильник из барсетки, нажал кнопку:

- Ира, слушай...

....

- Извини, некогда.

....

- Но я не завтра, а послезавтра уезжаю и зайду завтра.

....

- Постой! Узнай телефон нескольких фирм такси, сбрось мне эсэмэской, застрял я возле киностудии – вызову такси.

....

- Не надо, чтобы Сергей за мной заезжал, пока он допилит от Комсомольской...

....

- Пока, пока. Давай, жду.

Елена усмехнулась:

- Так я не первая, кого ты тут клеишь! Я же говорила – бабник.

- Это двоюродная сестра. А почему ты меня всё время бабником называешь?

- А твой рассказ?

- Там вымышленный герой. Я пишу рассказы так: есть ситуация, в которую я сам попал и есть герой, который имеет черты характера, которые я хотел бы и которые не хотел бы иметь.

И как такой человек мог поступить в ситуациях, в которые я попадал.

Пришло сообщение с номерами телефонов. Михеев стал звонить. Первый же звонок был удачным: машина пришла менее чем через десять минут. Назвав адрес, Костя обнял одной рукой Лену за плечи, а другую положил ей на колено. Ни возмущения, ни стряхивания рук не последовало. Так и ехали они все пятнадцать минут молча. Попытки водителя вступить в разговор пресекались однозначными ответами и ссылками на усталость.

К театру подъехали за несколько минут до окончания спектакля.

Взглянув на афишу, Константин радостно воскликнул:

- О, да я знаю этот балет!

И принялся пересказывать либретто.

- Костя, у меня музыкальное образование, и балет Адольфа Адана «Жизель» мы проходили.

- Извини, Леночка.

- Правда, подробности либретто я действительно не помню. Другого за подобное поведение я послала бы куда подальше, а тебя не хочется, – улыбаясь, сказала она.

Спектакль закончился, и народ повалил из дверей. Раздобыть программку и расспросить о впечатлениях вышедших зрителей, сделать несколько удачных снимков для Константина не стоило большого труда.

- А сейчас я сделаю тебе предложение, от которого ты не сможешь отказаться..., – начал, было, Костя.

Но тут зазвонил телефон. Костя с явной неохотой нажал кнопку:

- Алло.

....

- Да, Валерий Викторович, я Вас узнал. Что случилось?

....

- Вот как? Но я приехать не смогу.

....

- Дело не в деньгах. Я в отпуске, да ещё и за границей.

....

- Нет, в такой ситуации ждать нельзя – вызывайте «Скорую», я ведь приеду только второго. Извините, до свидания.

- Что, достают пациенты? – спросила Лена.

- На то они и пациенты, чтобы болеть.

- Ты бы заблокировал номера из Северного города...

- Нет уж. У меня местная симка, но я даже переадресовку сделал. Ведь если кто отяжелеет, мне расхлёбывать придётся.

- Ясно. А какое твоё предложение, от которого я не смогу отказаться? – усмехнулась она.

- А пошли в порт!

- А пошли, если не далеко.

- Практически рядом.

Взявшись за руки, как дети, улыбаясь и болтая, они пошли к порту. Через пять минут он решительно повернул в менее освещённый и менее людный переулок.

- Куда ты меня ведёшь? Всё-таки собрался меня насиловать? – съехидничала Елена.

- Так ближе пройти к памятнику Екатерине II, из-за которого тут страсти кипели. Помнишь, по телевидению много об этом говорили?

- Я мало смотрю телевизор. Люблю читать, прежде всего, книги по психологии, пристрастилась я к Интернету в последнее время.

- Был грандиозный скандал, националисты пытались не допустить установку памятника, как символа порабощения Россией Украины.

- Интересно, давай посмотрим, буду дома и этим хвастать.

И тут Костя решился на то, что давно хотел сделать. Он решительно остановился и повернул её к себе.

Минуту она не сопротивлялась, просто смотрела на него как-то по-доброму, с жалостью, затем произнесла, наконец:

- Действительно, теперь я вижу, что никакой ты не бабник. Вы, доктор, лапать женщин не умеете, а, может, потеряли навыки. Что ты сжимаешь мне груди, как грушу у тонометра? И перестань целовать меня в губы. Не хочу никакой заразы получить! Муж, когда вернулся из командировки, наградил меня герпесом. Теперь я в губы ни с кем не целуюсь, даже с мужем. Тем более с тобой не хочу. Слушай, давай пошли, а то время уже...

- Если ты об оправданиях перед Надей, то скажешь ей, что приехала на трамвае, а сама приедешь на такси.

- Нет у меня денег на такси.

Константин только попытался открыть рот.

- Я так понимаю, что ты мне дашь деньги на такси. Зачем ты на меня тратишься? Это вложение, которое не даст прибыли. Прежде всего, траха не будет, и не мечтай!

- Не рассматриваю я человеческие отношения как бизнес. Я не вкладываю в дружбу и любовь, я просто их дарю. Деньги для меня не средство, чтобы разбогатеть, просто это инструмент, чтобы устроить себе и другим праздник. А я люблю праздники.

- Мне очень приятно это слышать. Слушай, а где этот чёртов памятник?

- А ты не заметила, как мы подошли уже? Смотри в оба, Зоркий Глаз, то есть даже во все четыре!

- Слепую немолодую женщину ты называешь Зорким Глазом? Издеваешься, да?

И она шутливо стукнула его ладошкой по плечу. Он перехватил ладонь и поднёс к губам.

- Ладно, успокойся, – и Лена мягко высвободила ладонь. – Давай уж фотографироваться, всё равно это ни к чему не приведёт.

- Хорошо, солнышко, стань вполоборота к надписи.

- Как приятно, когда кто-то тебя называет солнышком! Ты и бывшую так называешь?

- Нет, и не называл никогда.

- А как ты её называл?

- К чему этот разговор? Поднимись на ступеньку выше, я ещё снимок сделаю. Ну, всё, пошли к конечной точке маршрута!

- Идём! А меня муж тоже солнышком не называет, – Лена слегка нахмурилась, а потом вновь заулыбалась, как будто облако на минуту скрыло солнце.

– Был только ещё один человек до тебя, который так меня называл. Это ещё в школе было. Одноклассник со странной фамилией Тыртышный. Звали Павлик. Смотрел всё время на меня, что было само по себе приятно, но и раздражало, и надоедало иногда. Волосы всегда торчком торчали. Наш классный мажор по имени Валера говорил всякие гадости обо мне. Я думала, влюблённый Тыртышный подойдёт и публично вмажет Валере, но он не стал этого делать. Однажды Валерик перестал меня цеплять своим поганым языком. Я потом от других узнала, что Павлик просто пообещал не давать ему списывать. Я возмутилась, сказала своему «рыцарю», что рыцари так себя не ведут, они сражаются за честь дамы открыто. «Драться не люблю. Он больше не чешет о тебя свой язык, так чего же ты хочешь?» – возразил он. Он сильно грассировал, и я ему сказала, что он, наверное, еврей. Чтобы доказать, что он не еврей, Павлуша не только показал мне своё свидетельство о рождении, но и принёс свидетельства о рождении родителей. Выходило, что вся его родня либо белорусы, либо украинцы. Вот так я первый раз в жизни ошиблась, посчитав человека своим соплеменником. А с тобой была вторая ошибка.

- И что было дальше?

- А что дальше? А дальше... я вижу, что мы пришли уже? Что за мужик стоит на постаменте? Неужели памятник? Ага, Герцогу Эммануилу де Ришельё. Много о нём читала. Слушай...

Да прекрати ты фотографировать! А почему его называют Дюком?

- Стань так, рядом с Фемидой. Внимание, улыбайся! Скажи “Cheese!”... Дюк по-французски – герцог. Он, видишь ли, герцогом был. А меня сфотографируй отсюда. Где тут люк? Ага, вот он. У нас тут говорят: «Если станешь ты у люка, что увидишь ты у дюка?». Увидела? Не надо смеяться.

- А как тут хорошо: порт, корабли. У нас там это тоже есть, но тут гораздо интереснее. А тепло как! И как здорово, уже я тут десять дней, а дождя ни разу не было. А у нас этим летом дожди в лучшем случае через день. А вот это ваша знаменитая лестница?

- Смотри отсюда вниз. Запомнила? Пошли вниз, снизу посмотришь.

- А у меня ножки устали.

- Всего-то 192 ступени. Но зато будешь гордо всем знакомым рассказывать. А то хочешь, я тебя снесу?

- И как это будет выглядеть? Нет уж, пошли, но ты меня поддерживай. Нет-нет, только не за талию!

На удивление легко, после всех сегодняшних походов, они, опять взявшись за руки, сбежали вниз.

- А теперь посмотри вверх, в чём разница? – ещё не отойдя от бега, спросил Михеев.

- Понятно, сверху видны только площадки, а ступенек не видно, а снизу – наоборот.

Они сходили ещё к причалу, посмотрели на корабли. Группа молодёжи стояла рядом, громко смеясь и что-то обсуждая. Одного из парней Михеев попросил сфотографировать их вместе. Парень взял в руки фотоаппарат, отошёл на несколько шагов, а потом рванул с места, вернувшись, однако, через пару минут.

- Не похож на вора! Фотографируй, давай! – рассмеялся Константин.

Потом они просто стояли несколько минут, молчали и смотрели на море. Наконец она сказала:

- Вот и всё, всему хорошему бывает конец.

- А жаль, – сказал он.

- И мне жаль, – сказала она. – Но я тебя очень прошу, пришлешь мне фотографии – на этом и всё. И не ищи меня, а то

ты такой способный, что сможешь найти меня, несмотря на то, что я тебе никаких сведений не оставляла. Обещаешь?

И Лена заглянула ему в глаза.

- Ты любишь своего мужа? – спросил Костя, отводя глаза.

- Мне с ним очень удобно. Нет материальных и бытовых проблем. Дочка его отцом называет. С предыдущим мужем меня убивал быт: стирать, гладить, готовить на семью, убирать. Да тот, не зарабатывающий даже на колготки мне, требовал, чтобы дома идеально чисто было, чтобы еда вкусная была, а в постели страсть изображалась, и не давал предохраняться – хотел кучу детей. Я от него и сбежала с дочкой. А этот вернулся из спецзагранкомандировки в 1992 году из Африки полковником. Его вскоре в генералы произвели. Хорошими деньгами умно распорядился: улучшил свои жилищные условия, машину купил. Жену, которая тут гуляла с его подчинённым, выставил за дверь. А я психологом тогда работала в штабе флота, занималась реабилитацией участников военных конфликтов. Он мне сделал предложение. Ни разу не пожалела, что согласилась. Иногда только скучно бывает. Ни о чём не желает говорить с интересом, кроме как о флоте. Нет, заговоришь с ним о психологии или астрологии, о музыке.... Он человек вежливый и начитанный, будет поддерживать беседу, но огонёк в глазах не светится. Ну, всё, всё. Вызывай такси, если обещал.

- Алло, такси!

.....

- От морского порта на Слободку. А можно, чтобы водитель некурящий был?

....

- Понятно, что не будет, но дама даже запах от курящих не переносит.

....

- Через пятнадцать минут? Ладно, ждём.

- Ты здорово придумал насчёт курящих, а как ты догадался насчёт запаха?

- А когда ты села в такси от студии, то поморщилась.

- Было. От водителя так отвратительно несло махоркой! Надо же, какой внимательный! С тобой хорошо было бы

доживать в старости, но не в одной квартире, а где-нибудь поблизости. Ходить в гости, когда есть настроение, воздержаться от общения, когда нет настроения. Но ты же не бросишь своих пациентов и не переедешь в мой город, а я ни за что не перееду в Северный город – страшно не люблю холод.

- Пациентов везде хватает.

- Был бы у тебя банк или фирма какая, ну, словом, доход, хотя бы триста тысяч рублей в месяц. А с таким доходом, как у тебя – одни бытовые проблемы, а я от них отвыкла с моим Эдиком. И я тебя прошу ещё раз, ни звука, после того, как пришлешь мне фотографии. Я не позволю, чтобы из-за тебя мой брак разрушился!

- Но ты его не любишь. Я тебе, как практический психолог, говорю. Чувствую я это.

Елена поморщилась:

- Любишь, не любишь... Какая разница? В нашем возрасте об этом смешно говорить. Да, у нас в последнее время произошло некоторое охлаждение после того, как он из командировки во Владивосток вернулся с герпесом, и я нашла фотографию его с военной шиксой. Красотка та ещё. Лет двадцать пять, с причёской, как корзинка, в этой нелепой военной блузке с погонами и в юбке. Он мне клялся, что это была чисто деловая встреча. Потому что она как бы переводчица с китайского, обслуживала встречу с китайскими военными. Но если я с ним и расстанусь, то долго одна не буду. Найдутся желающие, на то я и психолог. Ты тоже желаешь, хочешь сказать? А вот скажи, когда ты родился?

- Ну, 16 октября. И что? Опять астрология?

- Напрасно иронизируешь. А я 15 октября родилась. Мы с тобой Весы. Весы – кардинальный знак, они живут в настоящем времени, они очень предприимчивы, но часто нуждаются в сотрудничестве с другими людьми, так как одни не могут закончить начатое дело. У них сильна потребность иметь партнёра, но такого, который позволил бы им сохранить свою индивидуальность. Вот как нам с тобой ужиться, если мы оба индивидуалисты?

- И ты в это веришь?

- Мой индивидуализм, думаю, очевиден. А твой ты тщательно скрываешь даже и от себя. Тебе другая женщина нужна, не такая индивидуалистка как я или ты. Кстати, когда твоя бывшая родилась?

- Я не хочу говорить на эту тему.

Зазвонил мобильник Михеева, он быстро ответил:

- Алло!

....

- Да, уже вижу. Спасибо.

- Такси? – спросила Елена.

- Да. Нас приглашают вон в ту жёлтую девятку.

- Меня приглашают. Да-да, и не иди следом за мной. Не хочу даже, чтобы и водитель тебя видел. Прощай. Мне действительно было очень приятно с тобой.

- Лена, стой! Возьми мою визитку и деньги на такси.

Он порывисто притянул её к себе. У него вырвалось:

- Я люблю тебя!

Она мягко упёрлась ладонями в его грудь:

- Не надо, Костя, это всё фантазии. Просто ты влюбчивый. Тебе нужно кого-то любить. Не было бы меня, нашлась бы другая, а не нашлась бы, сам бы выдумал, как у Джо Дассэна. Ну ладно, давай, я побежала. Я же говорю, не надо в губы! Она взяла из его рук визитку и деньги, сунула их в сумочку, села в такси и уехала.

Михеев отвернулся, потому что боялся, что она повернётся и будет прощаться с ним взглядом. Он не любил прощаний в долгую приглядку.

Она не повернулась.

А на следующий день Константин Константинович сходил в дельфинарий. Теперь дельфинарий стал одной из главных достопримечательностей Нашего города. Дельфины забавно выпрыгивали из воды, играли в мяч. Он восхищался мастерством дрессировщицы, но вместе с тем в него проникло ощущение, которое Костя испытывал всякий раз, когда ходил в цирк. Ему

было жалко животных. Ему казалось, что животные мучаются, что они несчастны.

Настроение испортилось. И не пошёл он делать фотографии, как планировал раньше, не поехал к катакомбам, не стал покупать костюм, (даже не соблазнился фантастической для России дешёвизной). Единственное, что он сделал, это промчался по книжным магазинам на Дерибасовской, где купил несколько книг, в том числе медицинских, художественных и даже одну астрологическую, чтобы иметь об астрологии большее представление, чем дают гороскопы, которые вдалбливало в его мозг радио в переполненных утренних маршрутках.

А потом вернулся в тётину квартиру, лежал на диване и одним глазом просматривал купленные книги, а другим косился в телевизор. И настроение вновь поднялось. Там, в Северном городе, Михееву было некогда смотреть телевизор и читать книги.

Вечером пришла тётя. Она, ворча и удивляясь, что человек дожил до седых волос и не научился самостоятельно собирать чемодан, сложила всё очень аккуратно и сообщила, что лично проводит Константиновича до поезда, чтобы он не попал ещё в какое-либо приключение.

Лишь только они с тётёй сели в автобус до вокзала, пошёл впервые за эти восемь дней дождь. Но и дождь не испортил настроения Константина, потому что по сводкам в Северном городе должны были с завтрашнего дня наступить погожие деньки.

Перепрыгивая через лужи, прошли они по перрону к нужному вагону. До отправления оставалось пятьдесят минут.

- Ты иди уже, Лариса, – сказал Костя тётё.

- У меня выходной. Домой не хочу. Смотреть там на пьяные базиканья?

- Сходи-ка ты к Кульжамал Имашевне, сокрушалась ведь, что за лето так и не смогла к ней попасть.

- Катька меня три месяца не видела, ну и ещё день перебьётся без меня. Тебя свербит меня выпроводить? Нет уж,

потерпишь ещё несколько минут. Вот отправишься ты восвояси, а я поеду на дачу, зять обещал отвезти. Ну, доставай билет, заноси свою сумку. Чего её мочить? А потом постоим.

Костя вздохнул и подчинился. Спорить с тётёй было совершенно бесполезно. Не мытьём, так катанием настояла бы она на своём. Он открыл паспорт, вытащил оттуда билет и протянул проводнику.

Проводник, изрядно подшофе, билет не взял, махнул в сторону вагона:

- Та проходите уже, потом там проверю.

Взмах его пьяной руки выбил билет из руки Кости. Билет упал в лужу. Проводник поднял билет, вытер его носовым платком, поднёс к своему носу, секунду посмотрел на билет, протянул его Михееву и тоном пьяной любезности вымолвил:

- О, почти как новенький! Но Вы уже опоздали на поезд. Поезд тю-тю из Москвы давным-давно.

- Вы бы проспались, прежде чем говорить! – сердито воскликнула Лариса.

- Мадам, Петрович свою меру знает!

Петровича шатало.

- Это же поезд из Москвы. А знаете что? А давайте билет из Нашего города и проходите уже Вы в вагон!

Раздражённая тётя Лариса выхватила билет из рук проводника. Убедившись, что это действительно это не тот билет, она с издёвкой изрекла:

- Костя, когда ты ещё употреблял, голова у тебя лучше работала. Куда билет дел?

- Да в паспорте он был, где ж ему быть? Я всегда туда кладу.

И тут тётя напомнила Константину о том, что она уже предлагала дома проверить билет и о дурацкой его привычке делать из билета закладки в книги. Попытки его самому проверить книги она пресекла решительно. Но и её собственный поиск ничего не дал. Всё это происходило под насмешливые комментарии Петровича.

- Так, деньги у тебя есть? – после минутного замешательства решительно спросила тётя.

- Мало-мало есть. На такси поедem домой? Там ещё поищем? Таки не успеem. Петровичу на лапу дадим?

- Оно мне надо? – заметил Петрович. – Мадам Лариса сходит до кассы и купит Вам билета. Шо, я правильно сказал?

Так и случилось. Лариса буквально выхватила у Константина Константиновича кошелёк. Хотела было отдать свой зонтик Константину, но Петрович вырвал из рук Кости Ларисин зонтик, вручил его Ларисе, а Косте дал свой. Пока Костя с тётей обговаривали детали покупки, дождь кончился, и засветило солнце.

Знакомую фигуру Костя заметил издали. Она шагала крупным шагом, зонтик не сворачивала, несмотря на выглянувшее солнце.

- Лариса, вернись! – крикнул Костя успевшей отойти шагов на двадцать тётке.

- Шо такое? – недовольно откликнулась Лариса.

- Тут расскажу, кричать не буду.

Тётка со вздохом повернула назад.

Но первой преодолела дистанцию Лена. Она деловито подставила Косте щёку.

- Солнышко! – радостно воскликнул Костя. – Я...

- Не нужно делать из билета закладку, – не дала закончить ему не вполне отдышавшаяся Елена Иосифовна.

- Во-во, и я ему не раз говорила, чтобы он не делал из билетов закладки! – вставила Лариса. – Костя, познакомь нас.

- Это Лариса, она – тётка. А это просто Лена.

Женщины обменялись вежливым «здравствуйте».

- Девочки, давайте на ты без церемоний.

Из сумочки Елены была извлечена книга анекдотов и продемонстрирован билет в ней. Лариса шутливо потрепала Костю за вихор, затем слегка шлёпнула его по затылку. Потом вдруг заторопилась. Нельзя сказать, что она не была любопытной. Но прежде всего Костина тётка была терпеливой и деликатной. Он твёрдо знала, что потом сможет вытащить всю интересующую её информацию из племянника.

- Ну, мне пора. Зять ждёт. Поедем с ним на дачу. Теперь ты в надёжных руках. Лена, тут всего пятнадцать минут осталось. Он вечно в какое-нибудь приключение ввяжется. Проследи за ним, пожалуйста, до отъезда.

- Хорошо, не беспокойся Лариса, – просто ответила Лена.

Пару минут они просто смотрели друг на друга и молчали.

- Нарушил ты мне все планы на сегодня. Хотела просто полежать, отдохнуть, почитать. Открыла твою книжку, а там билет. Пришлось ехать.

- А почему не позвонила? Сам бы приехал.

- Ты бы не успел. Книжку я только два часа назад открыла. Пришлось быстро собираться и брать такси. Вообще мало денег осталось. Вроде бы и тратила мало. Так, купила себе летние туфли, а то старые перестали мне нравиться. Подружке с Кавказа, у которой обычно летом отдыхаю, платье купила. Ещё несколько сувениров купила. И так, ещё кое-какие мелочи. Осталось гривен двести да ещё рублей четыреста. Куда делись деньги? Думала, что засунула куда-нибудь. Всю квартиру обыскала, нет нигде. Муж у меня не скупой, но...

- У меня осталось немало, – с радостью сказал Костя.

Он достал кошелёк. Вот тебе сто гривен. И пять тысяч рублей.

- А тебе что останется? – нерешительно спросила Лена, забирая деньги.

- Хватит мне.

- А детям купил что-нибудь?

- И детям, и внукам, и друзьям, – всем купил.

- А бывшей купил? – съехидничала Елена.

- Да, - не замечая подвоха, ответил он. – Она женские детективы любит. Купил ей парочку.

- Ты бы лучше на себя тратил. Посмотри на себя. Во что ты одет? И что у тебя за сумка? В ней только яблоки таскать. Ты в такой одежде собрался меня соблазнять, а с этой сумкой хотел переехать ко мне жить? И вообще глупая манера рассказывать о бывшей жене той, к которой клинья подбиваешь. Это какую угодно женщину разозлит.

Он смутился и покраснел.

- Я и не собирался ничего рассказывать. Ты сама спросила.

- Не знаешь ты женской психологии! А за деньги спасибо. Через некоторое время ты получишь сумму больше той, которой спонсировал меня.

- Не надо, солнышко. Я не умею обращать даром доставшиеся мне деньги на свою личность. Потрачу на родственников, пациентов, друзей. Может это и плохо. Но в таком возрасте уже себя не переделаешь. А ты не знаешь моих пациентов. Так почему ты должна на них тратиться?

Они помолчали, думая каждый о своём. Через минуту она мягко дотронулась до его руки.

- У меня к тебя просьба.

- Всё, что смогу.

- Я тебе рассказывала о своём однокласснике...

- Я помню.

- Хочу перед ним извиниться. Он после школы поехал в твой город поступать. Может и сейчас там живёт. В «Горсправку» сходи, пожалуйста, узнай его адрес.

- Лена, а ты не пробовала через Интернет? Сейчас столько социальных сетей!

- Нет, если тебе трудно или некогда...

- Разве в этом дело? Сейчас «Горсправка» не выдаёт таких сведений. Сейчас нужно обращаться в Федеральную миграционную службу с письменным запросом по месту жительства того, кого ищешь. Если такой человек в моём городе живёт, ему передадут сведения о том, кто его разыскивает. Он, если того пожелает, даст разрешение на раскрытие своего адреса. Ну, пришлют ему сообщение, что его разыскивает некий Михеев Константин Константинович. А твой Тыртышный и не догадывается о моём существовании. Конечно, 90%, что согласие на разглашение передо мной своего адреса он не даст. Напиши сама в наше областное управление ФМС, я тебе адрес управления пришлю, как только узнаю.

- Я чувствую, что болею, – мало слушая Константина, сказала Елена, - и мне хочется, чтобы меня все простили. Мне приснилась сегодня ночью мама. Она меня звала к себе. А мама умерла двадцать лет назад. Значит, скоро я умру.

- Гарантирую, что ты не умрёшь от болезни, по крайней мере, два года. Разве что несчастный случай...

- Откуда тебе знать? Ты что, экстрасенс?

- Глупости. Я просто хороший врач. У тебя есть некоторые проблемы с позвоночником, с кожей. Есть гинекологические проблемы, сосуды головного мозга слегка страдают, с сердцем не всё гладко. Но это не смертельно всё.

- Я так плохо себя чувствовала последние несколько месяцев! А вот вчера и сегодня, правда, у меня был подъём настроения. Благодаря тебе, наверное. Но это ненадолго. Проблема в том, что я постепенно из девушки превращаюсь в дедушку.

- Что-что?

- Знаешь, как я в сорок лет выглядела? Даже лучше, чем в тридцать.

- Ты и сейчас...

- Не зли меня. А потом пошли морщины, сухость кожи, ломкость волос. Боли в позвоночнике появились. Всё ясно. Концентрация женских гормонов уменьшается, а мужские гормоны есть у каждой женщины. Вот так и происходит превращение девушки в дедушку.

- Есть заместительная терапия половыми гормонами.

- Не доверяю я химии. И медицине вашей не доверяю. Сплошные козлы. Назначат прорву анализов. Ходишь, ходишь, сдаёшь, сдаёшь, а лечение всё не назначают. Гоняют по кабинетам. А пользы никакой. Раньше мужчины никакого прохода не давали. Даже до последнего времени так было. Всё это раздражало сильно. Но я привыкла. А вот приехала я сюда. Никто на меня никакого внимания не обращает. Водители не останавливаются и не предлагают подвезти бесплатно, никто не рвётся проводить до места, если я спрошу, как пройти, никто не подаёт руку, когда я выхожу из автобуса. Пришла на пляж позавчера, никто рядом не стремится примоститься. Лёг вблизи только какой-то тюфяк, на меня не смотрит совсем. Более того, тухесом в мою сторону повернулся и хохочет над своей книжкой. Решила я свои женские чары проверить...

- Как видишь, проверка подтвердила их высокую эффективность...

- Костя, – не слушая его, сказала Елена, – я сейчас тебя попрошу кое о чём. Сделай, пожалуйста, если ты ко мне хорошо относишься...

- Всё, что в моих силах, солнышко.

- Я опять о моём однокласснике. Вдруг он не живёт в Северной области. Можно же его через ректорат его института разыскать? Спросить, скажем, куда его распределили...

- Сейчас большое значение предаётся защите персональных данных. Эти сведения не станут разглашать. А взятку давать не буду, сразу говорю.

- В чём ты мне позавчера клялся – признавался?

- Готов сто раз повторить то же самое. Я сделаю эффективнее. Помещу объявление в нескольких местных газетах: «По просьбе одноклассницы разыскиваю Павла Тыртышного, предположительно обучавшегося в местном политехническом институте». Лена, я человек любопытный. Что ж такого ты сделала Павлику, что через тридцать лет хочешь извиниться?

- Почему через тридцать? – недоуменно спросила Елена. – А, понимаю, ты считаешь, что я выгляжу на сорок шесть. А я-то думала, что на тридцать восемь. Только не пытайся говорить комплименты! У тебя это плохо получается.

С моей тогдашней точки зрения я ничего не сделала плохого. Он был в меня влюблён. Достал он своим постоянным смотрением на меня, следованием по пятам за мной, стихами в мою честь. Я же считала, что не обязана отвечать ему взаимностью. А тут представился хороший случай избавиться от его внимания. Он доказал мне, что не еврей. Я же ему сказала, что раз он с таким рвением напирал на то, что он не еврей, а я, мол, еврейка, то и пусть отвяжется от меня и что у еврейки с антисемитом ничего общего быть не может. Он пытался доказать, что никакой он не антисемит и что моя национальность его не трогает. Тогда я придумала ещё более коварный ход. Стала везде ходить с одним парнем из параллельного класса – изображать чувства. У меня с тем парнем ничего не было. Но эта демонстрация дала эффект. Павлуша обиделся и даже не стал

проводить меня после выпускного. С выпускного демонстративно ушла с тем парнем, очень просила того парня довести игру до конца, хотя тому не хотелось уже этого, ведь он собирался помириться со своей девчонкой. Обиделся Павлик. Хотя чего обижаться? Я же не клялась ему в верности! Но теперь, когда мне жить осталось совсем немного, хочу, чтобы мне простили все обиды, которые я нанесла другим людям, пусть и невольно. Я тебя прошу, сходи, пожалуйста, в церковь и поставь за меня свечку, пусть Бог мне простит прегрешения вольные и невольные.

- Леночка, я атеист, но ради тебя переступлю через свои убеждения и схожу всё-таки в церковь. Ты не перепутала? Может в синагогу? Ты что, выкрест?

- Вечно ты умничаешь! Какой там выкрест! Мои партийные родители, само собой, были атеистами. В синагоге я ни разу не была и не знаю, как это у иудеев делается. А когда все вокруг стали верить в Бога, родители уже умерли. Все родственники и друзья-евреи так и остались атеистами. А мне нужна была вера, чтобы не сойти с ума от этой жизни. Знакомые же гоим оказались православными. Выкрест... Смешно взрослому человеку уже креститься. Да разве в крещении дело? Просто вера даёт успокоение, возможность смириться с этой жизнью, ведь плетью обуха не перешибёшь. Сама не могу сходить в церковь. При мысли об этом какая-то тревога появляется. Обратиться мне с этой просьбой не к кому. Муж меня не поймёт. Он тоже атеист в третьем поколении. А его пра-пра были лютеранами. Как подумаю, что придётся просить какую-нибудь подругу, выворачиваться перед ней, так и содрогнусь. Так уж случилось, что ты единственный, к кому я могу обратиться.

Наступило время прощаться. Пьяненький проводник шутками и прибаутками зазывал пассажиров в вагон. Лена вдруг притянула Костю к себе и поцеловала его в щёку:

- Прости меня, Костя!
- Перестань, Лена, ты не скоро ещё умрёшь!
- Ты гарантируешь это?

Она с надеждой посмотрела в его глаза. В его взгляде ей хотелось увидеть не только уверенность врача, но и человека, причастного к сверхъестественному.

- Да, - спокойно ответил Константин, выдержав её взгляд.

- Я не буду требовать никаких подтверждений. Я просто тебе верю!

Лена заметно повеселела. Михеев взял её за руку.

- Успокойся, – сказала она игривым тоном и показала пальцем на щёку.

Михеев приложился.

- Це і все? – вставил свои пять копеек проводник Петрович.

- Шо саме? – не понял Михеев.

- Та хто ж так дівчину цілує? Ось я покажу, як це треба робити!

И Петрович решительно направился к ним.

- Цілуйте Ви вже свою жінку! – миролюбиво предложил Константин Константинович.

- Та і цілую вже 23 роки. А тепер захотілося молоденької та свіженької.

- А я можу запропонувати Вам в додачу доброго прочухана! – сказал Михеев и показал кулак.

- Зрозуміло, – шутливо испугался Петрович, – більше питань та пропозицій не маю. Прошу вже сідати до поїзду.

И Петрович сделал театральный приглашающий жест королевского мажордома.

Через неделю Елена Кальтенвассер зашла на Главпочтамт. Пакета не было. Через десять дней не было тоже. «Балабол, – подумала Елена. – Обещает, но не делает». Она решила больше не ходить на почту, не унижаться. Однако через три недели после приезда что-то невидимое стало толкать её в направлении Главпочтамта. В пакете оказалось несколько самых удачных фотографий, какая-то квитанция на 500 рублей и записка, написанная очень красивым почерком: «Здравствуй, солнышко! Извини за задержку. Эта засаленная бумажка – квитанция за оплаченный в церкви сорокоуст в твоё здравие. Одна из

однокурсниц Павла Игоревича Тыртышного живёт в Северном городе. Она сообщила, что тот по распределению с женой и дочерью после окончания института уехал в город Гудермес Чечено-Ингушской АССР. До 1990 года изредка писал письма. Советую написать запрос в адресную службу ФМС по Чеченской Республике. Но ты знаешь – там была война. Так что... Не все фотографии прислал, потому что не хватило денег, когда пошёл их заказывать. Сделаю всё – пришлю ещё. Программа по обучению испанскому языку оказалась низкого качества. Поищу ещё». Записку завершал очень красивый вензель в виде двух букв К, взявшихся за руки. «КаКа», – прочитала Елена и рассмеялась.

Сначала у Елены Иосифовны был порыв тут же сесть и написать в Чечню, но потом она заколебалась. «А вдруг он пропал без вести, а хуже того...». Она и в мыслях не хотела произнести это страшное слово. А потом она знала, что сказала бы при встрече или по телефону, но она не знала, что написать. «Вдруг мои терзания – мелочь для него или он затаил обиду или злобу, или вообще сочтёт меня сумасшедшей. А хуже того вдруг чувства вновь вспыхнут, и он примчится сюда. И что он увидит здесь? Отнюдь не идеал женской красоты. Да ещё он может воспринять письмо от меня как призыв и женское кокетство».

Написание запроса было отложено до тщательного обдумывания. Но дни шли, а решение не приходило. Постепенно твёрдое желание извиниться перед Павликом угасло.

Записка означала, что будет ещё пакет. Лена рассердилась на Константина, что придётся ещё ходить на Главпочтамт, а это довольно далеко от дома. «Почему я не назвала ему номер нашего почтового отделения, а заставила писать на Главпочтамт? Конспираторша! За пять минут бы доходила до нашей почты. А Эдик простак, поверил, что меня разные люди фотографировали. А теперь вот приходится трястись в этих вонючих маршрутках полчаса. Не поеду больше, Бог с ними, с фотографиями! А программу по обучению испанскому я и сама найду».

15 октября был четверг, а день рождения Кальтенвассеры решили отмечать в субботу, потому что в субботу можно было не ходить на службу. Готовить совершенно не хотелось, голова болела, подташнивало, – вообще она чувствовала себя неважно. Муж, идя на службу, хотел её разбудить и поздравить. На что она ответила невнятным мычанием – очень хотелось спать! С утра пришло несколько эсмэсок с поздравлениями от друзей и родственников мужа, а также от её родственников. Кристина ночевала у них дома; утром, уходя на работу, дочка о чём-то на кухне шепталась с Эдуардом. Елену это раздражало, но окончательно проснуться и сделать им замечание у неё не было сил и желания. После подъёма Лена увидела результат перешёптываний: на экране ноутбука на кухне переливался красивый букет красных роз с поздравлениями в стихах. Стихи были самыми обычными, видимо взятыми с какого-то сайта. Но сама идея безотходного поздравления Лене понравилась. Подруги удостоились несколькими длинными телефонными разговорами – набивались в гости. Лена сказала, что плохо себя чувствует и что юбилей – только в будущем году, и тогда уж и устроят Кальтенвассеры настоящую вечеринку.

Она ждала ещё одного звонка, но он не последовал.

«Я же ему свой номер не дала – как он позвонит?» – подумала она. В тайне даже от самой себя ей хотелось, чтобы КаКа (так она стала называть Костю, увидев его вензель и не подозревая, что она не первая, кто его так назвал) преодолел все препоны, добыл её номер телефона и позвонил.

Но чуда не случилось. Примерно в 10 часов утра она позвонила мужу и, поблагодарив за розы, категорически отказалась созывать гостей, согласившись после длительных переговоров на посещение ресторана, но только послезавтра.

Затем Елена Иосифовна отправилась с деньгами, оставленными дочкой и мужем, за подарком. У неё, было желание купить меховую шапочку, так как старая, купленная три года назад, перестала ей нравиться. Однако ноги сами собой понесли к остановке маршрутки. С некоторым волнением подала она на почте паспорт в окошко «до востребования». Малый пакет пришёл!

Не купив шапочку, пришла именинница домой. Не раздеваясь, вскрыла пакет. Там оказалось много фотографий с того удивительного вечера, книга-самоучитель испанского, стандартный лист, на котором была перепечатка нескольких статей с сайта какого-то сельхозкооператива в Белоруссии с упоминанием фамилии Тыртышный и с припиской Михеева, в которой он рекомендовал связаться с этими людьми, потому что они могли быть родственниками Павла. Затем она увидела листок с написанным по-французски с транслитерацией русскими буквами текст песни “А toi”. Лена попыталась запеть, но тут же споткнулась о непривычное сочетание звуков. И ещё там была красивая открытка с гномиками, везущими на грузовике подарки со следующим текстом, написанным красивым михеевским почерком:

“He visto la Felicidad y me ha dicho que iba a tu casa. Le he pedido que llevase tambien a la Salud y al Amor. Tráталos bien, van de mi parte. Espero que tu fiesta de cumpleaños sea tan divertida, que se convierta en un acontecimiento anual! Feliz Cumpleaños”

«Наивный, думает, что я учила испанский. Надо бы перевести. Муж недавно поставил в ноутбук новую программу с гаджетами, в том числе и с переводчиками с многих языков. Но тут возни на целый час, пока всё вобьёшь в компьютер! – с раздражением подумала Елена. – А надо полежать немного, да сходить всё-таки за шапочкой».

Не понравилось ей и напоминание о Тыртышном. Ей казалось, что пока не стоит его искать, так как угроза смерти вроде миновала. И что теперь извиняться? Она вздохнула, взяла фотографии, выложила их за стекло в кухонный шкаф, а записку, поздравительную открытку и книгу положила на дно одного из ящичков письменного стола Кристины, стола, который дожидался своего часа, чтобы быть выброшенным, потому что прошло уже четыре года, как Кристина окончила университет, да и жила Кристина уже отдельно.

- Ну, вот и всё, Костя! – сказала Елена вслух в эфир, в Космос. – Теперь не беспокой меня больше!

Как будто Костя мог услышать!

- Очень жаль Леночка! – вдруг явно услышала она.

Или ей показалось?
- И мне жаль, Костя!

СОДЕРЖАНИЕ

МЕСТЬ ПО-ОДЕССКИ.....	стр.3
ЛОПУХНУЛСЯ Рассказик.....	стр.6
МАЛЬЧИШКА.....	стр.11
САМЫЙ ВЫДАЮЩИЙСЯ ПРИДРОК.....	стр.35
.., КОНЧИЛСЯ! ИЛИ ПИВО ДО ДОБРА НЕ ДОВЕДЁТ.....	стр.39
РЕСТОРАН, В КОТОРОМ НИКОГДА НЕ БЫВАЛ ХЕМИНГУЭЙ.....	стр.55
КОРОЛЕВА.....	стр.70
КАК ТАНЦУЮТ САЛЬСУ.....	стр.96

Автор: Супоня Юрий Николаевич. Телефон 8-902-126-21-57,

Литературно-художественное издание

Юрий Николаевич Супоня

ЮЖНЫЕ РАССКАЗЫ

Пописано в печать --,-- .2015. Формат 60×84/16.

Усл. печ. л. --,-- . Заказ ____.